

Константин Валериевич Аврилов

Я, ангел

<http://litres.ru>

«Константин Аврилов. Я, ангел»: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-42423-8

Аннотация

Хотя бы раз в жизни любой из нас в шутку и всерьез говорит себе: «Я – ангел!» Не задумываясь, что настоящие ангелы – где-то над нашим плечом – слышат нас, невидимые и всезнающие, красивые и недостижимые.

...Тина, почти еще совсем ребенок, принцесса в семье богача, вскормленная с золотой ложечки, наследница многомиллионного состояния. Казалось бы, нет человека счастливее на всем белом свете. Но жизнь наследницы таит свои опасные секреты: собственная мать вынашивает в отношении ее коварный план убийства. И только настоящий ангел – неземной красоты молодой человек с ослепительно-белыми крыльями за спиной – может уберечь, спасти, закрыть собой от пули киллера и бомбы террориста.

Любовь человека и ангела, разве она возможна? Разве достойны капризные богатенькие девочки небесного Чуда?

Да. Да. И еще раз – да! Даже самой заблудшей душе найдется защитник и даже самому холодному сердцу – рубиновый огонь настоящей любви. Невозможной, но прекрасной.

Константин Аврилов
Я, ангел

Предисловие издателя

Рукопись пришла электронной почтой с адреса angeltil@, чтобы прямиком отправиться в мусорную корзину. По крайне нелепой случайности на нее наткнулась практикантка, работавшая в редакции меньше месяца и вечно совавшая нос, куда не надо. Чрезвычайной настойчивостью наглая девчонка заставила ознакомиться с текстом всех, до последнего курьера. За что и была вскоре уволена.

Когда возникла необходимость заключить договор на издание книги, автора найти не удалось. В результате поисков, проведенных компетентными специалистами, был сделан вывод, что такого человека не существует, как и имейла, с которого якобы была отправлена рукопись.

Несомненно, автор не скрывается под псевдонимом и не имеет даже завалящего литературного агента, потому что его самого нет. Во всяком случае, среди субъектов, способных лично подписать договор. Возможные улики невозможности автора видны в тексте непредвзятому взгляду. Поэтому вопрос, кто именно его написал, можно считать исчерпанным.

После долгих сомнений и тягостных раздумий, подкрепленных консультациями с юристами, было решено не изменять многих ошибочных деталей, касающихся мест пребывания персонажей, а также оставить начало, довольно бесполезное, как есть.

* * *

Милый друг, пожалуйста, не торопитесь. В самом деле, могут найтись занятия полезнее, чем листать нынешнюю стопку бумаги, измазанную типографской краской. Ведь пока еще обладаете сокровищем, цены которого по-настоящему не знаете. Богатство это не зависит от обменных курсов валют, не падает в цене на выражах дефолтов и от времени хорошеет, да так, что избранное вино по сравнению с ним – дешевый уксус. Какое счастье, милый друг, владеть нерастраченным капиталом Блаженного Неведения.

Незнание – самая полезная вещь в доме после унитаза и телевизора.

Оно дано не иначе для того, чтобы не испытывать в жизни щекотливые моменты, без которых уютно и мило на самом деле, хотя бы и жаловались, что судьба болтает в потоках бушующего урагана. Неведение куда важнее мелких неурядиц в биографии или сломанных лестниц карьеры. Как ни жаль, но истинную цену ему понимают, лишь потеряв. Например, невзначай перевернув вот эту страницу.

Стоит ли пара часов сомнительного развлечения такой расплаты? Лучше спать спокойно, чем быть мудрым. Не теряйте незнание понапрасну. Жалеть будете, ногти грызть, локти кусать или до чего дотянетесь, а – поздно. Положите эту книжонку подальше, да и ступайте с миром. Не нужны тайны, с ними только морока. Честное слово.

Договорись?

Вот и отлично.

Закрывайте и будьте счастливы.

I

Что, опять?!

Не помогли уговоры. Любопытство одолело? Тайны знать хочется?

А зачем?

Надеется, жить легче станет, прояснится или встанет на свои места?

Как бы не так. Все значительно хуже, милый друг, чем можете представить.

Ну, ладно. Предупреждали.

Может, все же... А?

Как хотите...

Ну так вот. История эта не сказать чтобы началась прямо с того места, где началась, то есть там, где вы, милый друг, вляпались в нее, но теперь это не имеет значения.

Уж как есть.

А потому около четвертого часа августовской ночи городок Кабель-дель-Рей дремал на пригорке, зажато между горной цепью и побережьем, посыпанным вместо пляжного песочка обломками скал и валунов. Королевское имя столь мелкого населенного пункта юга Андалусии, что и не каждая карта заметит, хоть и находящегося в трех километрах от Альмерии, поддерживалось скромными на вид домиками, за каменными заборами которых было все, что требует комфорт, не забыв просторные бассейны с зачищенной водицей Альборанского моря. Тут заселялись исключительные персоны, которых не очаровали волшебные пляжи Валенсии и Каталонии и городки, звучащие как перестук кастаньет: Эль-Перельо, Лас-Пальмерес, Беда-дель-Мэр, с ресторанчиками, у террас которых колышутся чащи белых мачт, ну, и прочая трепетная муть отпускной евространы.

Замок-для-Короля не мог похвастаться ничем особым, кроме причины, за какую его выбирали самые проникательные: надежная уединенность. Старые стены, кое-где в метр толщиной, и бойницы окон, словно созданные для упорной обороны, если придется, намекали, что усталый странник с рюкзаком может не рассчитывать на стакан ледяной воды в зной, а лучше ему убираться подобра-поздорову. Вдобавок полицейские патрули деликатно, но непременно следовали по горбатым улочкам. Обитатели вволю наслаждались тем, на что и стоит швырять лишние монеты – полная иллюзия безопасности и глубокий сон, который если и может что нарушить, так только вопли одуревший птички.

Городок спал, как положено пригородному микрополису, в степенной истоме. В унисон ему дремала вилла, ничем особо не выделявшаяся, не новодел, а почетная ровесница окружавших строений. Располагалась она, как нарочно, так, чтобы подход к ней остался один, да и тот прерывался могучими воротами, а с иных боков стены уходили в обрыв почти к берегу. Скромная неприступность говорила о достаточном уме владельца или настоятельных причинах иметь крепостное жилище.

Ночь дышала покоем. Но в доме был посторонний. Проникший, не взломав замка, бесшумно приоткрыл калитку, почему-то незапертую, юркнул во внутренний дворик и, беспрестанно оглядываясь, проскочил к стрельчатым дверям первого этажа. Вжавшись в проем стены, постоял, словно переводя дыхание, как-то очень решительно боднул лбом темный воздух и с опаской направился внутрь. Вспыхнул слабый фонарик, лихорадочным блужданием освещая не столько дорогу, сколько чертежный план. На цыпочках незнакомец пробрался на второй этаж.

Ночной гость вел себя нагло, не опасаясь хозяев или подвоха, но вынужден был вертеть головой и яростно чесать затылок. Действительно, обстановка располагала к сомнению: впереди чернел коридор с шеренгами балконных перил и дверей.

Покрутив карту так и эдак, он вконец не понял, куда следовать. Если бы не сумрак, довелось разглядеть, как сильно нервничает затаившийся, так что часть лица его покрылась испариной. Все же бездействие пугало сильнее.

Приоткрыв ближнюю створку, боязливо заглянул и сразу вынырнул обратно. То же самое он проделал в трех следующих комнатах, все более впадая в сомнения. Когда же осталась неисследованной последняя дверь, страх оглушил. Ночной гость заставил себя сделать несколько глубоких, но беззвучных вдохов и неровных выдохов. Собрав остатки сил, нежно распахнул створку, хотя к столь аккуратному поведению смазанные петли не обязывали. В открывшемся помещении разобрать что-то определенное было непросто. Большое окно играло тюлем. Экран на стене показывал разноцветные полосы под низкий вой уснувшего эфира. Среди простыней белело голое тело. Ночной дух озонировал ароматом моря под горчинкой выгоревших трав.

Ступая как по вспаханному полю, пришедший старался не угодить ногой в подушку или неясные предметы одежды, рассыпанные на пушистом ковре. Счастливым обходя

препятствия, приблизился к необъятной кровати с кованым изголовьем, как нарочно скопированным с сексодромов безжалостных порнух, и опасливо наклонился. Спящее тело не шелохнулось. Для чего-то поведя ладошкой над всклокоченным затылком, словно там бывает дыхание, гость вынул пакетик, в котором болтался наполненный шприц, и дрогнувшей рукой спустил бесцветную инъекцию в стакан на прикроватной тумбочке. Еще потребовалось высыпать горку таблеток, похожих на жевательные конфетки, и засунуть в карман скомканных джинсов обрывок чека.

После несложных дел сердце его настоятельно билось в горле, так что обратный путь он осилил, не свалившись со ступенек, не налетев на мебель и не пройдя насквозь стекло дверей. Когда же выбрался во двор, посреди которого голубым озерцом светился бассейн, обнаружил, что потребовалось куда больше времени, чем планировал.

Налетел порыв внезапно ледяного ветра.

Прокравшись из калитки, оглядев улочку и торопливо поднявшись на пригорок, он выкатил из засохшего куста мускулистый мотоцикл, чтобы одолеть петляющую дорогу, влившуюся в большое шоссе. Когда городок остался внизу и уже не мог встревожиться внезапным ревом, ночной гость застегнул до ворота комбинезон из воловьей кожи, нацепил шлем из закаленного стекла, прыгнул в седло и до упора отжал рукоятку газа.

Четыре цилиндра взревели, и двести лошадиных сил рванули его в ночь. Хищный клюв мотоцикла рвал ветер, свет фар пронзал тьму. В этот час извилистое шоссе пустынно, только черный асфальт улетал под колеса. Впереди призывал огоньками ночной рестораник. Внезапно заныло сердце, захотелось промочить горло стаканом ледяного мохито, развалиться в плетеном кресле и под тягучую музыку сбросить напряжение последних часов. Но это значило отказаться от Плана и потерять минимум час. Такая поблажка была непозволительна.

Отогнав смутную тревогу, одинокий ездок отпустил зверя. Стальное тело вздохнуло и стремительно преодолело ограничения скорости. Человек с мотоциклом летели единым среди беспредельной свободы дороги, упиваясь наркотиком счастья. Неприятное, зудящее, тоскливое, досадное осталось позади, он справился как нельзя лучше и теперь мчался к заветному.

План состоял вот в чем: по нескончаемому полотну «Медитерэниэн» к семи часам оказаться в Картахене, около десяти проскочить мимо Валенсии, без отдыха и только с заправкой часам к четырем прорваться до Барселоны, не жалея сил, одолеть границу с Францией, чтобы к восьми вечера быть в Перпиньяке и встать на сон к полуночи в каком-нибудь отеле Марселя. А рано утром – последний бросок к Ницце. А там... Там должна сбыться мечта. Ради нее безумный маршрут в две с половиной тысячи километров в седле казался незаметной помехой.

Счастливчик на новеньком мотоцикле верил в удачу потому, что хранил в кармане рядом с паспортом, украшенным шенгенской визой, толстую пачку евро, стянутую оборотами канцелярской резинки. Ему было чем гордиться: еще позавчера кое-как наскреб мелочь, чтобы расплатиться за приют в ночлежке. Казалось, сияющие надежды потухли.

В Испании оказался он к началу сезона, чтобы серьезно подправить служебную карьеру. Ремесло не требовало разрешения на работу или подписания контракта и почти не интересовало полицию. Но трудиться на пляжном побережье предполагалось усиленно. Трудовой день начинался ближе к вечеру, когда изнывающие от жары и одиночества дамы страстно искали, с кем бы скоротать вечерок, а при большой удаче – и утро. В такой момент неторопливо дефилировал в распахнутой рубашке Armani грубоватый самец, сражавший мужественной простотой и правильным торсом. Чуть очаровательных улыбок – и дама угощала коктейлем обворожительно загадочного русского, который не походил на медведя, а говорил с приятным акцентом. Дальнейшее случалось в зависимости от силы ее кредитки.

Себя он называл ласково: романистом.

Сорвать большой куш не удалось до сих пор потому, что деньги, заработанные на пожилых дамах, беззастенчиво тратились на финансовые авантюры. Карусель вертелась

последние лет пять. Но этой весной годы начали брать свое, забрели мысли о покое и заслуженном отдыхе, для чего требовалось сделать рывок карьеры, поднакопить капиталец, чтобы потом...

Иллюзии разлетелись в прах. Он сделал ошибку: одарил счастьем местную даму, приближаться к которой стоило не ближе чем на милю. Ночью его подкараулили и отделали: не больно, но по лицу, так, чтобы потеряло товарный вид. Окончательный удар ждал на квартире: шкафы и чемоданы очистили от «рабочей» одежды и наличной заначки.

Надо было искать новый источник средств. И тут суровая правда жизни повернулась прыщавой рожей. Испании требовались крепкие спины для работы на стройках, складах или виноградных плантациях, а свободных мест спасателей на пляжах или жиголо на танцполах почему-то не предлагалось.

Вскоре, дойдя до предела безденежья, он попробовал рисовать на улицах, одолжив у соседа мольберт, но даже милосердные туристы отказывались платить за то, что видели. Назревала мысль идти на панель или протянуть руку за милостыней.

В тот четверг к нему постучалось отчаяние. Третий час он потягивал бесплатный стакан воды в уличном кафе, листая чужую газету. Пресса утешала историями о тех, кому еще хуже: легчик частного самолета врезался в гору, погубив выводок туристов, капитан прогулочной яхты налетел на риф и уволок на дно семью финансиста. Сегодня чужое горе как-то не радовало. Он стал искать причину, по которой должен терпеть этот кошмар, а не разделаться с ним одним махом. И обнаружил, что даже месть жизни требует денег: яд, оружие или веревку на худой конец купить не на что, а прыгать с ближних скал – неэстетично. Будет лежать весь в крови, а птицы и крабы пожрут плоть. Мысли нехорошо сгущались. Как вдруг появился незнакомец, оказавшийся соотечественником. И все изменилось по мановению волшебной палочки. Ему предложили непыльную работенку: дел на десять минут, на подготовку – сутки, а гонорар смахивал на неприлично большой джекпот. Причем аванс – немедленно.

Удержавшись, чтобы не обнять спасителя, он дал согласие и первым делом отправился отвести душу в бутиках. Но жажда шмоток согласилась потерпеть до Ниццы. Зато из байк-шопа выкатил мечту детства и прочей жизни: блестящее черными крыльями и отливающее зеленым лаком гениальное творением инженеров «Kawasaki», легенду треков – великого «Ниндзя». Гонимый красавец покорило сердце и стал лучшим другом. За что получил гордое имя Мусик. Бесподобные шлем и комбинезон, на которые облизывался, достались за какую-то мелочь.

Дальнейшее покатило как по маслу. Пару раз проехал вокруг городка и получил остаток платы с точными инструкциями, так что самому досталась сущая ерунда. Лишь трясущиеся колени и холодный пот оказались досадным сюрпризом. Но все закончилось. Он умудрился не наделать мелких ошибок, что рушили грандиозные планы и ставили подножку заранее успешным начинаниям. И все получилось.

Теперь он предвкушал, как наверстает в Ницце то, что другие черпали полной пригоршней, а у него просыпалось меж пальцев. Настала его очередь. Журавль в кулаке.

Ах да: его звали Толик.

Шоссе уходило в глубокий поворот, но гонщик не уступил. Вписавшись так, что наколенник проехался по асфальту, выровнял машину, доведя ее до победного воя.

По встречной приближалась громада, сияющая, как купол бродячего цирка. Трейлер пер на всех оборотах, нагоняя в ночной пустоте график. Толик с Мусиком могли уступить, сдвинувшись правее, чтобы не попасть в воздушный водоворот сорока тонн, но упрямо не сворачивали.

Из ярких кружков фары стремительно росли в ослепительные солнца, как вдруг полыхнули. Глаза застлала пелена, будто их закрыли бумагой. Сила света оглушила, но ярче загорелись искры, пронесли вихри, взорвались галактики. Сияние поглотило. Мгновенная слепота исчезла так же внезапно, как возникла, сквозь затемненное стекло шлема прорезалась черта дороги. Свист грузовика исчез вдаль, впереди стелилась прямая линейка

шоссе. Мотоцикл выдержал удар.

Маленькая победа подняла настроение. До сладостной истомы Толик представил, как именно будет не отказывать себе ни в чем, как проутюжит Променад д'Англез колесами, с орущей девицей на закорках, как платиновая копна ее будет развиваться на ветру, а скучные обыватели прижмутся к пальмам, завидуя, что не так молоды и богаты, как «этот». А потом припаркует разгоряченного Мусика около какого-нибудь местечка, где за чашечку кофе дерут пятьдесят евро, и не глядя закажет бешеный коктейль. А потом – роскошный и почти состоятельный – проедется по маленьким городкам Лазурного Берега, не забудет Монте-Карло и легко подцепит состоятельную бабенку, которая даст все, для чего создан природой, уже навсегда. Какая жизнь настанет! И это будет его жизнь, настоящая жизнь. Он сумеет потратить ее лучше других, получивших все на блюдечке.

За дымкой скрылись горы. Карта, выученная накануне, прокладывала шоссе по узкой кромке между скалистым хребтом и морем, но вокруг ни того ни другого упорно не показывалось. Идеальное полотно уходило прямо, по бокам неясно туманилось.

Быстро светлело. Там, где должен показаться оранжевый шар восходящего солнца или хоть всполохи гало, расстилалось марево. Утренний туман не иначе прихотливо клубился, не смея заползти на линию трассы, так что не пришлось сбавлять обороты. Видимость прекрасная, но ничего не прояснилось. Уходящий за горизонт асфальтовый путь – и только. Ни единой встречной машины, никто не пытался обогнать, что на самом деле досадно, ведь на таком отрезке тягаться с его мотоциклом – обеспеченный выигрыш. Толик посмотрел туда-сюда и убедился, что пелена стерла видимость окончательно. Ехал в молоке, среди которого шла дорога.

Убедив себя, что ближе к городу туман рассеется, Толик с гордостью заметил на спидометре цифру двести. Мотоцикл шел так, словно не шустрый малый на двух колесах, а надменный «Роллс-Ройс», превращающий бездорожье в перину. Ни тряски, ни сопротивления воздуха, скорость поглотила все, Мусик перемалывал высокие октаны влет.

Он ехал и ехал. Прямо, не сворачивая. Уже должен был показаться хоть какой-нибудь поворот, но геометрическая прямота тянулась. Заблудиться было невозможно, потому что негде. Автобан петлял по карте, но ни одной развязки пока еще не попадалось. Асфальт да асфальт кругом. Толика вконец поглотило предстоящее счастье, и он перестал обращать внимание на окрестности. Мотоцикл под ним и ветер в лицо – значит, ничего плохого не случится.

Впереди замаячил туристический раритет. Ничем иным это быть не могло. Посередине дороги росло дерево, назвать которое лишь «древним» было крайне невежливо. Впрочем, и размером оно смахивало на величественный памятник. Крона ветвилась могучим фонтаном, засохшие корни поднялись так, что образовали триумфальные ворота, в которые убегала развилка шоссе. Строители отнеслись к живой природе бережно: магистрали проложили, не повредив и складки коры.

Тормоз отжался до железки.

Запыхавшийся Мусик сердито заурчал, подкинул седока, но послушно замер.

Выучить карту, проехать по маршруту пальцем раз десять туда-сюда, повторить в уме, запомнить все ориентиры и номера пересекавших шоссе, а такую важную развилку пропустить. Вот досада! Три дороги одинаковы, но «Медитерэниэн» одна. Скорее всего надо свернуть в правый рукав, но перед ним вкопан незнакомый знак: кольца, сцепленные олимпийской кольчугой, только сверху добавлены еще четыре. Перед левым направлением виднелся треугольник с силуэтом рюмки, как на коробках с хрупким. Туда наверняка не надо, уведет в центр страны. На среднее шоссе приглашал знак «только прямо». Толстая стрелка уверенно указывала направление. Прямое решение казалось самым правильным. Толик поддал газу и въехал под свод корней. В живую арку ворвалось и там же сгнуло эхо.

Потянулась дорога. Колеса наматывали километры, прямота не кончалась, однообразие томило, Толик выжал из мотора предел возможностей. Мотоцикл несся взбесившимся галопом, но так мягко-плавно, что лихой гонщик не чувствовал напряжения. Божественная

скорость, и только.

Внезапно Мусик «чихнул», покатился медленней, еще медленней, потом по инерции, из последних силенок дернулся и встал. Стрелка бензобака показала чистый ноль. Опять промах: все подготовил, высчитал, а залиться под завязку забыл, облажался как последний «чайник». Заглох посередине автострады.

Остатки удачи Толик потратил на поиск бензоколонки, но ничего не обнаружил. Сколько до ближайшей заправки? Не имелось даже смутного представления. Стоять и ждать, что на скоростном шоссе кто-нибудь отольет бензина, излишне романтично. Тем более что потока машин не наблюдалось, а по правде – вообще не было, словно автопередвигающихся поразила утренняя сиеста. Оставался самый простой и мерзкий выход.

Седло Толик покинул с неохотой и повел железного коня в поводу. При всей неудержимой мощи машина оказалась легкой, Мусик бежал верным щенком.

План броски, к счастью, дал сбой. Хорошо, если тащиться километров пять, наверстать – не проблема, а если двадцать? Или тридцать. Тогда в Марсель к полночи не успеть. Придется все перекраивать, может, заночевать в Барселоне. И хоть он четко знал, вернее, был уверен, ну, хоть надеялся, что ничего плохого не натворил, но желание оказаться как можно дальше от городка на скале подзуживало.

В дорожном путешествии шофер – бесправное существо: уставится на дорогу – и никаких впечатлений от пейзажа. Все красоты достаются пассажиру, у которого только и дел, что развалиться поудобнее и кричать: «Ух ты, смотри, какая штука! Эх, опоздал, уже проехали, не повезло тебе». В безтопливном положении Толик отыгрывался за муки брата-водителя, а потому упорно всматривался в окружающие окрестности. Всего, что разглядел, хватило на одно емкое впечатление: туман. Откуда в жаркой и сухой стране, вовсе не Туманном Альбионе, столько мутных испарений, было вопросом из викторины. Ответа Толик не знал, да и не хотел, исполнял долг.

Колеса бесшумно катились, мотоцикл плыл, туман стелился. Толик шел и шел, начиная звереть на себя за то, что не остановился у ресторанчика, где наверняка была заправка, на Мусика за прожорливость и на хваленые европейские дороги, на которых помощи не дождешься.

Так оно и тянулось.

Сбившись со счета времени и разозлившись, он отчаянно поклялся: если через сто секунд не появится хоть что-нибудь, бросит машину на обочине и пойдет куда глаза глядят, пока не наткнется на станцию или мотель.

Где-то между «двенадцать» и «тринадцать» туман кончился. Как будто выключили парогенератор. Гор и моря не обнаружилось, зато шоссе пролегалось сквозь поля зеленой травы, сочной и опрятной, как трава на футбольном поле перед финалом мундиаля. Впереди различалась низенькая постройка. Широкая магистраль упиралась в проем хилого заборчика, сложенного из плоских необработанных камней, как умели овцеводы Британских островов в старину. Дальше тянулись зеленые насаждения вызывающе холеного вида. Похоже на дорогой загородный клуб с полем для гольфа, уютными шале и гостиницей. В подобных местечках есть все, что может понадобиться, даже пара-другая галлонов бензина для одинокого странника. Наверняка вход только для членов и все такое, но пачка купюр придавала уверенность.

Ощувив прилив веры в светлое будущее, Толик поднажал.

Проем в заборчике как нарочно прорублен под Мусика. Сразу за оградой начинался не скромный песочек или кирпичная крошка, а пространство, выложенное матовым мрамором, настолько ровное, что казалось неразрывным. Клуб давал понять незваному пришельцу: здесь обитают избранные, очень избранные. Такие шоссе отдельное проложат для уик-энда.

Ничуть не смутившись, Толик откинул парковочную лапу, чтобы Мусик не мешался под ногами, и занялся высматриванием кого-нибудь из обслуживающего персонала, лишь бы показали направление к бензину.

Невдалеке обнаружилась рощица, пророщенная по замыслу ландшафтного

архитектора: идеально прямые стволы держали ветви, полные розоватых цветочков, образуя идеально округлую беседку. Расслабиться в таком местечке после гольфа – должно быть, дело исключительное.

Как раз кстати показался местный обитатель. Был он не в спортивных брюках с сумкой клюшек, не в комбинезоне паркового рабочего и даже не в белой куртке повара барбекю, а в настоящем смокинге, с черной бабочкой и шелковым кушаком, отливавшим благородным блеском. В такую рань человек может терпеть смокинг только по двум причинам: или кутил с дальнего вечера, или возвращается после тяжелой трудовой вахты в ночном ресторане. Наверняка или метрдотель, или какой-нибудь светский лев. Толик с трудом различал людей в черном, запросто мог перепутать сотрудника ресторана с его посетителем. Но с этим ошибиться трудно: судя по прямой и осмысленной походке, человек не накачан по самое горло, выходит – обслуга.

Клуб выбирал сотрудников отменно: метрдотель широк в плечах, статен, а черная курточка упруго натянулась на грудных мышцах заядлого культуриста. Толик уступал в весовую категорию, если бы метр счел нужным удалить гостя, тот вылетел бы пробкой. Только наличные давали фору.

Не зная, как обратиться, Толик замахал, словно разгонял пчел, и заорал:

– Мистер! Хай, мистер!

Метрдотель повел себя странно: уставился с откровенным ужасом, перемешанным с восхищением, изучил снизу доверху, обнаружил мотоцикл и, не говоря лишнего, бросился наутек.

Кажется, зрела неприятность: клуб мог оказаться настолько закрытым, что постороннего с пачкой и платиновых карт вышибут вон. Ходили разговоры про заведения, в которых любители предавались особым изыскам, например выжигали узоры на спинах тайских рабынь. Просвечивают два варианта: или парень в смокинге вернется с охраной, или... Что «или», в голову не приходило. Ну, не может в цивилизованной стране вызвать панику человек на дорогом мотоцикле весь в прикиде. Запрещающих знаков с высокими решетками не попадалось.

Лучше всего выкатиться на шоссе, но Толик не двигался, удивленный не меньше нервного метра: стало любопытно, куда его занесло.

Парень в смокинге выглянул из-за деревьев, а за ним – еще три фигуры в черных нарядах. Издалека компания производила приятное впечатление: все как на подбор крепкие, спортивные и упитанные. Что забавно: довольно пугливые. Четыре высоких мужчины жались стайкой ягнят, выплупившись на гостя, кажется, с ужасом.

Конечно, их появление куда приятнее наезда мордovorотов с дубинками, но ситуация запутывалась. То ли метрдотель привел официантов, то ли друзья с вечеринки развлекаются неожиданным развлечением. Только вот каким. Особо диковинного ни в себе, ни в Мусике Толик не нашел, хотя украдкой осмотрелся.

И на всякий случай приветливо помахал.

Эти в смокингах придирчиво наблюдали.

Толик выразительно похлопал по бензобаку, издавшему пустой бух, и, как мог дружелюбно, крикнул:

– Заплачу!

Что бы еще сообщить невразумительным парням, он не знал.

Четверка героев прытко исчезла, оставив гостя в глухом недоумении. Испания – страна, конечно, со странностями, быков колют ради веселья, помидорами кидаются, чуть что – за гитары, девицы под хлоп деревяшек каблучки ломают, но не до такой же степени. Ведь не на нудистский пляж завалился с мотоциклом. Хотя и такой опыт у него был. Но там народ не из пугливых, выставят достоинства на обозрение природы, никакой агрессии и паники, а тут...

Перебирая безумные варианты, он осмыслил идею о тайном клубе садистов, которые похищают молодых мужчин, чтобы потом... а тут удача сама пришла в руки... и вот он теперь... и косточки его выбросят в море... Хотя все может быть. Испания – страна-загадка,

дикая и беспощадная.

Толик потерял глаза, а прозрев, обнаружил изменение пейзажа. На расстоянии броска столпился народ, человек пятьдесят – не меньше. Все, как один, облиты черными смокингами. Так идеально рисовались тела в сложной одежде. Краткого взгляда хватило, чтобы сделать неутешительный вывод: компания похожа телесами, как помет овцы. Великолепная мускулатура, отменное сложение – такое бывает на конкурсе культуристов.

Так уж случилось, что Толик не переносил привлекательных мужчин. Рефлекс был профессиональным, неосознанным, но прочным. Ревниво изучив особей, пришел к неутешительному выводу: парни прямо-таки идеальные. На их фоне он с Мусиком поблекли осенним листиком.

Толпа не враждебно, но настороженно изучала пришельцев.

Отступать поздно. Толик мужественно улыбнулся и корректно предложил:

– Бензин. Любая цена. О'кей?

– У тебя есть деньги? – спросил кто-то, будто речь шла о величайшем чуде.

Толик демонстративно похлопал по груди, где хранилась заветная пачка. Но вместо приятной пухлости обнаружил пустоту. Невероятно, немыслимо, чудовищно, но... денег не было. Просто не было. Чисто.

Пробил набат паники: каким-то невероятным образом посеяно богатство. Можно лезть в карман и вывернуть наизнанку, потом лихорадочно ощупать себя от пяток до макушки. Но все заранее бесполезно. Он чувствовал, вернее – точно знал: деньги исчезли. Окончательно и бесповоротно. Сунул не глядя, не застегнул молнию, не проверил лишний раз, хотя четко помнил, как тщательно застегивал и проверял. И вот теперь недостойный счастливчик подберет его мечту. Нет смысла в Ницце, бесполезно надеяться словить такую работу. Чудеса бывают раз. Конечно, остался Мусик. Теперь главное – не показать вида: все нормально, владеет ситуацией. Залить полный бак, а там не догонят.

– Заплачу любую цену. О'кей? – поддержала нагловатая улыбка.

Пробежал ропот сомнения, словно давние знакомые спорят короткими, одним им понятными полусловечками.

Шорох стих.

Первый смокинг, Толик запомнил его, не скрывая тревоги спросил:

– Покажи деньги.

Где-то в карманах завалялась просроченная «виза» мелкого банчика, издалека похожая на золотую карточку, если помахать небрежно. Стараясь быть неторопливым, Толик провел по всем возможным местам хранения, словно разглаживая комбинезон, но везение сыграло туш: кусок тертого пластика пропал тоже. Как это могло произойти – невозможно выдумать. Аккуратно спрятал в нагрудный карман, собираясь оживить наличными в Ницце, – и пропала. Осталось обаяние. Ничего другого у него не осталось.

– Покажи деньги.

Напряжение сгушалось. Орда накачанных мужиков взирала требовательно. На фоне смокингов все ярче рисуется последний выход: принести Мусика в жертву и уносить ноги с высокого старта. Как бы невзначай, Толик оглянулся на возможный путь отступления.

Шоссе пропало. Его просто не было. Торчали группки растительности, аккуратно стелилась матовая плитка, на этом – все.

Ужас, паника и животный страх не объяли его. Ничего не испытал Толик. Горести были так велики, что заслонили пропажу дороги. Он укрылся в спасительном отупении. Но прибывать в нем не повезло.

За спинами послышался шум, нарастая неразборчивым криком. Мужчины в смокингах стали оглядываться, заволновались и вдруг расступились, пропуская нечто неожиданное.

II

Широко шагая на высоких каблуках, в которые упирались пронзительно стройные

ножки в черных чулочках, росшие из коротенькой юбочки с соблазнительным фартучком, выступила натуральная горничная. Нет, не натуральная – абсолютный идеал любого пубертатного мальчика, уже добравшегося до папиного порножурнала. Осиная талия, затянутая в черные, слегка прозрачные кружева, подпирала полированный бюст, который вздымался наглым и откровенным призывом из широкого выреза. От зрелища ложбинки, в которой болталась золотая ерунда, невозможно оторвать взгляд. Искусство соблазна, не забывшее рукавички с белыми манжетками, не смогло бы создать лучшую бомбу. Невыносимое чудо венчала накрахмаленная коронка над копной соломенных волос. Толик пришел в себя, когда наткнулся на лицо: у такой фигуры оно было несколько кривоватое, в оспинах и, честно говоря, примитивное, как у девочек с глухих окраин.

Горничная выставила божественную ножку с божественным коленом, уперлась божественными кулачками в неподобные бедра и вдруг назвала его имя, отчество и фамилию тоном взбешенной учительницы.

Толик промычал согласно.

– Значит, все-таки ты! – утвердилась богиня с корявым лицом. – Вот и встретились.

Такую женщину, даже мельком увидев, забыть невозможно. Толик был уверен, что никогда не попадался ей на глаза. Захотелось высказать что-нибудь удивительно вежливое, а может, изящное, в галантном стиле старых ловеласов.

– Негодяй! Мерзавец! Подонок! – закричала горничная, переходя на писк. – Гад! Подлец! Скотина! Сколько мучений и страданий! Сколько горя! Сколько штрафных! Как мог быть таким глухим! Тупица! Безголовый чурбан! Остолоп! Как посмел явиться сюда! Да чтоб на тебя обрушились все муки, что достались мне! Ишь, баран упрямый выискался! Ничего слушать не хотел! Даже в последний момент! Да за что же мне такая участь выпала!

Толпа мужчин следила за происходящим с тревожным любопытством. Не вмешиваясь, но и не подзадоривая разбушевавшуюся фурию. Горничная исторгла множество интересных сравнений, ни разу не передохнув. Постепенно запал истощился. Только буравила Толика молчаливой ненавистью.

В одном он был уверен непоколебимо: именно эту не насиловал в пьяном угаре, не бросал с ребенком на руках, не обманывал и не сбивал на переходе. Пусть говорит что угодно, он себя знает. Совершенно ошалев от напора, Толик выдавил нечленораздельный звук, в котором менее взволнованная женщина разобрала бы: «Это вы мне, лапочка?»

Вскинув кулак жестом освобожденного раба, девочка заверещала:

– Дайте, дайте, ну, дайте врезать по этой наглой роже хоть разок! Все отдам за это! Только разок врезать, а там будь что будет! Пустите прибить гадину!

На самом деле желающих удерживать не было, отчего взбесившая горничная завелась пуще. Яростно вращая сжатой пятерней, она не двигалась, ругаясь без разбора и жалости. Вскоре проклятья стали повторяться, кураж явно исчерпался, мелькание кулачка слабело.

Гордо скрестив руки на груди, он ждал конца представления. Ему нужен бензин. Остальное – эмоции. Прогорят – дымом уйдут.

В горничной вдруг проснулось второе дыхание, она дернулась, но что-то сдержало ее и потому, орудуя руками, как заправский миксер, понесла дикую околесицу.

Уже без интереса пропуская мимо ушей нагромождение эпитетов, Толик заметил, что правое крыло толпы стремительно рассеялось, уступая приближавшемуся.

Новичок разительно отличался. Был он худ, потрепанных лет, сгорблен, руки при ходьбе метал засохшими крючьями, а лицо украшал такой уродливый нос, словно изломали картофелину. К тому же он был бос. При этом начисто лишен смокинга. Из одежды – монашеская ряса с капюшоном, перепоясанная грубой веревкой.

Статные красавцы сбились в кучку, скорее из страха, чем из почтения. Не глядя в их сторону, «монах» наставил закорючку пальца и ласково попросил:

– Вон.

Бешеную горничную сдуло как ветром.

Монах повернулся к толпе небритой щекой:

– Где вестник?

Его взгляд направили на гостя с мотоциклом. Толик был осмотрен тщательно, придирчиво и досконально. Монах скорчил мрачность и выжал из себя презрительно:

– Это обычный внезапный.

Кто-то из прятавшихся за спинами посмел возразить:

– У него деньги...

Неприятный старикан прошелся по телу Толика холодным рентгеновским взглядом, словно сдиравшим кожу по живому.

– У него денег нет.

Разоблачен и выпотрошен. О бензине можно забыть. И как хрыч угадал?

– Я могу заплатить, – повторил Толик безнадежную мантру. – Деньги на карточке.

– Молчать... – начал монах, но оборвал себя, словно не зная, как обратиться к незнакомцу. Зато бросил через плечо: – Всем по делам.

Толпа красавцев растворилась в окрестностях.

Толик остался один на один с малоприятным субъектом, не спускавшим с него такого колюще-режущего взгляда, что хотелось закрыться чем-то более прочным, чем комбинезон воловьей кожи.

Неотрывно пялясь, монах гаркнул:

– Томас!

Появился запыхавшийся толстячок с выбритой лысиной над стриженным ободком шевелюры. Спешил, подхватив юбку ярко-красного одеяния, иначе путающуюся в ногах. К юбке аккуратно, что и шва не заметить, пришита курточка с длинными рукавами, наглухо задраенная рядом пупырчатых пуговиц в цвет ткани. Тончайшим платком, выпрыгнувшим из рукава, упитанный вытер лысину, хоть не вспотел, и добродушно улыбнулся:

– Здесь я, что кричишь.

Строгий монах вновь применил крючковатую указку:

– Что это, сеньор Томас? – Грязный ноготь целился в грудь мотоциклиста.

Толстяк в кардинальском облачении картинно выпучил глаза, всплеснул пухлыми руками и провозгласил:

– Неужто вестник пожаловал?

– Нет, сеньор Томас, это не он. Ты прекрасно видишь.

– Да? А вроде похож. Черен обличьем, конь медный.

– Не конь, дрянная жестянка проклятых язычников. Не обличье, всего лишь дубленая кожа. Еще не забыл, как выгладить? Запах горелого помнится?

– Ох, дон Джироламо, прозорливый ты...

– Дело не в этом. Дело в другом. Совсем в другом. Не находишь?

– Да-да-да, как раз подумал, что... – красноодежник запнулся, отвел взгляд, но быстро затараторил. Начались вязкие препирательства давних спорщиков, в которых никто не может взять верх так давно, что и не помнят, о чем спорят, но спорят с жаром, страстью и аппетитом. О постороннем окончательно забыли.

Почтенные путались, несли абракадабру, из которой было ясно: толстяк медленно, но верно уступает в чем-то принципиальном важном. Кажется, один из них – с итальянским именем, то ли начальник, то ли босс. Хотя другой спорил о каких-то смутных правилах как ровня.

Пришла в голову странная мысль: а не повезло ли им с Мусиком залететь в загородный пансионат умалишенных? Конечно, так и есть. Костюмы – способ лечения игрой. Человек переживает публично, о чем страдал тайно, и исцеляется, наверно. Кто во фраке, кто в рясе, кого чем пришибло. Вот ведь в чем дело. Бензином тут не пахнет, таблетками – в лучшем случае. Но откуда девица знала его имя?

Больной в костюме монаха сделал решительный выпад:

– Позволь отвечать напрямик... – обрызганный ноготь снова впился в чужого, слова сыпались ударами молота, – Как... Сюда... Мог... Попасть... Внезапный?

Пациент в красном халате застенчиво потупился и, очевидно, сдался:

– Прости, дон Джироламо...

– Простить? Тебя? Каким образом? Ты понимаешь, что наделал?

Толстяк жалостливо вздохнул.

– Значит, опять?

– Только на мгновение, слово чести, дон Джироламо, на краткое мгновение. Ведь как удержаться: «Реал» дрался с проклятой «Старой Сеньорой» и вот...

– Но зачем? Зачем – тебе?

– Соблазны одолевают... Мерзко, а не совладать... Не гневайся, дон Джироламо, – толстый понуро разглядывал подол юбки, опечаленный довольно искренно.

Жестокий монах скрестил на груди руки, отчего стал похож на мрачное изваяние Средневековья, и вынес приговор:

– Твоя вина. Ты и разбирайся.

– Но как, дон Джироламо? – жалобно испросил провинившийся.

– Как хочешь. – Игравший в монаха совершил поворот на месте и, упрятав ладони в складки рясы, удалился, всем своим видом источая безразличие.

Наедине с нездоровым человеком, озлобленным унижением, лучше всего соорудить вид, что, дескать, все нормально, просто отлично: в Испании на каждом углу наткнешься на монаха, который чихвостит кардинала. Такие пустяки.

Толстяк пребывал в мрачной задумчивости, нервно теребя пуговку. В эту трудную минуту к нему обратилось само радушие:

– Сеньор Томас, далеко ли до Картахены?

Тонкие брови слегка приподнялись:

– Смотря как, сеньор.

– Я бы предпочел «Медитерэниэн».

Сотшурившись, будто внимательно изучая состояние головы мотоциклиста, сеньор Томас осклабился, да так неприятно, словно под улыбкой крылась хищная личина:

– Экие вы внезапные...

– В какую сторону шоссе?

– В любую.

– А где ближайшая заправка?

– Что?

– Бензин. Топливо?

– Топлива сколько угодно! – Сеньор плотоядно ухмыльнулся и потер ладони.

Дипломатия утратила смысл. Больной, очевидно, пребывал в мире грез и фантазий, где хорошо и уютно только ему.

Сняв упор носком ботинка, Толик прихватил Мусика за руль:

– Спасибо. Вы мне очень помогли. Мне пора. Я поеду.

Сеньор Томас одобрительно кивнул:

– Вот-вот, молодец. Сам разберешься. А мне некогда, – и заторопился.

Вдогонку красной спине Толик все же крикнул:

– Как называется это место?

Смысл ответа растаял в долетевшем звуке.

Сколько потеряно времени? Какая теперь разница. План спалился, от него пахло вонючим дымком погоревших надежд. На всякий случай были обшарены карманы, тщательно прошупана подкладка и даже проверен шлем. Финансы не возродились. Размытое будущее рисовалось красками отчаянно серого цвета. Деваться было откровенно некуда. Из одежды – футболка с трусами под комбинезоном. Не идти же с повинной в посольство кланчить билет на родину. Или продать Мусика за треть, за четверть цены, чтобы хватило на самолет в один конец? На такое предательство может толкнуть отчаянный голод. Для начала надо испробовать фокус «залил и догони». Вот только где разыскать бензоколонку.

Между тем ландшафт располагал, веяло негой покоя, как будто печали и горести

остались позади. Наверное, около шести, совсем не жарко и тихо, как в глухой чаще. Деревья не шелхнутся. Великолепное место для душевного выздоровления. А ведь, наверное, им нужны санитары или помощники по саду, на худой конец – швейцар. Почему бы и нет. Контакт с больными установлен. Главного врача, наверняка – женщину, оглушит обаянием, получит скромное жалование и еду, оглядится, а там, может быть, подвернется что-нибудь. И тогда карманы будут надежно застегнуты.

Окрыленный надеждой, Толик поворотил руль, чтобы двинуться навстречу новому.

Очень кстати за деревом мелькнул черный фрак. Пациент поглядывал из безопасного укрытия, явно намереваясь держать дистанцию.

Стараясь вести себя доброжелательно, Толик проявил сердечность, на какую был сегодня способен:

– Сеньор, где главный корпус?

Психов в смокингах оказалось несколько, переглянулись, но на контакт не пошли, настойчиво созерцая чужака.

Растянув улыбку резиной, Толик направился, как голодный кот к беззаботным птичкам: бережно, чтоб не спугнуть. Был он храбр и добродушен, потому что знал: накачаные тела прячут души, безобиднее букашки. Щелбана хватит для нокаута. А Мусик наверняка мерещится прирученным драконом.

До встречи оставался суший пустяк, когда оба смокинга нырнули за ствол и пропали. Опять в нелепом одиночестве. Хотя не совсем. Вокруг обнаружилось много любопытного.

Разнообразные деревья росли строго по распорядку садового искусства, образуя круги. Уход за насаждениями идеальный: веточка к веточке, одного роста, чистенькие, полные сил. Их было так много, что хватило бы на приличный лес. Психушка владела солидным наделом, чтоб пациентам было где развернуться.

На каждом сучке и под каждым стволом расположился зоопарк. Стайки бегающих, прыгающих, летающих, охотящихся на дичь, лазающих по деревьям и плавающих тварей в мехах, перьях, шкурах и чешуйках разлеглись как ни в чем не бывало. Между ними безразлично бродили собаки. Столько опасных животных – и без клеток. Видимо, больным прописано общение с дичью.

Живность вела себя сдержанно, не обнажая клыков и когтей, а мирно располагалась кто где, словно подремывая. Человека с мотоциклом одарили настолько равнодушными взглядами, какие у хищников бывают редко – от переедания.

Зверей Толик любил только в телевизоре. Для пущей уверенности залез в седло, совершенно забыв, чем собирался заняться. Так привлекала пастораль.

– Эй, друг, не подбросишь до города?

Ствол дерева удобно подпер парень идеально-спортивного сложения. Рельеф мышц обтягивал новенький камуфляж без знаков различия. Что-то знакомое мелькнуло в загорелых скулах и крепком лбе.

– Пожалуйста, сеньор. Но у меня кончился бензин, – Толик никак не мог понять, где видел его, листая в памяти лица и не находя нужное. – Покажите заправку – отвезу с ветерком.

Псих, а может охранник, вроде бы улыбнулся:

– За сколько успеем?

– В Картахену – час, не больше.

– Быстро.

– Машина – зверь. – Толик с гордостью потрепал холку Мусика. Нет, наверное, показалось, на кого-то похож, но и только.

– Молодец! – обрадовался камуфляжный и добавил: – Настоящий боец, Дроня...

Этой клички, дурацкого сокращения фамилии, не слышал лет десять, с тех пор как вырвался покорять столицу из глухого сибирского городка, где женщины разгибают руками заледеневшие шпалы.

– Витька?

Имя вырывается само, помимо воли. Друг, сосед, одноклассник, с которым водился, сколько помнил себя, а потом в один день расстался на перроне, обещая писать и звонить, но закрутился, забыл и потерял след. Это был он, без всякого сомнения. Возмужавший, раздавшийся и окрепший, но все тот же, не постаревший, Витька. Даже прическу не сменил.

Толик спрыгнул, чтобы сграбастать друга в охапку, но тот не спешил.

– Старик, ты правда ничего не знаешь?

Пришлось торопливо оправдываться, что виноват, дико виноват, потеряли связь, но столичная жизнь затягивает так, что даже своих не видел и не слышал уж года два.

– Ты как здесь оказался? Вот это да! Надо было приехать в Испанию, чтобы пересечься. Вот это здорово! Никогда бы не поверил. Ну, как ты?

Витька оторвался от древа, рук из карманов не вынув:

– Нормально. В 95-м призвали на срочную, попал в десант. В январе 96-го получил пулю в висок. Снайпер-литовка была с чердака. В Грозном их было много, старик. Много.

– И что? – тупо спросил Толик.

– Сразу наповал.

– Убили?

– Да нет, пошутили, старик.

Толик сморгнул, но дикое наваждение не прошло. Может, слышалось?

– Дроня, кончай изображать дурака. Ты все понял, старик. Все понял.

Нет.

Нет.

Нет.

Надо отчаянно сопротивляться, не верить ничему и цепляться за соломинку.

Но Толик поверил сразу. Поверил, что так оно и есть.

Он умер.

Конец.

III

Нерукотворный памятник репутации был воздвигнут на прочном фундаменте. К пятидесятилетнему юбилею монумент достиг апогея. В узких кругах большого бизнеса не осталось уха, которое бы не слышало, на что способен Иван Дмитриевич. А если попадалось, ему подробно растолковывали. Биография малоизвестного широкой общественности бизнесмена поросла таким невероятным количеством сплетен, догадок, фантазий и откровенной лжи, что стала змеем, пожирающим тело хозяина.

На самом деле ничего сверхъестественного в восхождении незаметного героя не удалось бы обнаружить. Забег к обогащению Иван Дмитриевич начал не как все, по сигналу, а задержавшись на старте. Вокруг уже бурлила, кипела и переливалась через край новая жизнь, в которой энергичные люди чем-нибудь торговали: кто – шмотками, кто – воздухом, а кто – родиной. Только Иван Дмитриевич прозябал скромным чиновником низшего ранга. Пока судьба не озаботилась предложить услуги. Точнее – ему предложили стать жертвенным барашком. Знакомому, которого отчасти можно было назвать закадычным другом, требовалась нехлопотная услуга: чтобы Иван Дмитриевич возглавил дело по бумагам. Для чего следовало покинуть скудную государственную службу, перейдя на частную с беззаботным окладом. А за это ставить подписи, не глядя и не задавая вопросы.

Недолго думая, Иван Дмитриевич согласился. И вскоре восседал за потертым столом в арендуемом у научного института этаже, штампуя подписи печатью. То есть занимался тем, что привык делать. Поначалу он честно не совал нос в документы. Но как-то поздним вечером, когда остался в одиночестве, заглянул и узнал, за что ручается своим именем. Оказалось, его фамилия ввозила в страну составы спирта, просроченных продуктов и тряпичного секонд-хенда. Обратно гнали эшелоны леса и цветного металла. Получая гроши, Иван Дмитриевич по бумагам распоряжался миллионами, за что непременно должен

схлопотать пулю или срок. Открытие было столь чудовищно, что первой мыслью было бросить все и сбежать куда глаза глядят. Но следующая мысль ехидно шепнула: «Деваться некуда, ты крепко попал».

Человек более слабого характера нырнул бы в запой или прыгнул бы с крыши. Но Иван Дмитриевич панике не поддался, а стал думать. И понял, что единственное спасение – стать тем, кто он по бумажкам: настоящим владельцем. Стоит устранить помеху в лице приятеля, как Иван Дмитриевич превращался в полноправного владельца. Со всеми регалиями и счетами в банке.

Что и как случилось на самом деле, осталось не выяснено. Только хитрый друг разбился в автомобильной катастрофе, да так удачно, что забрал с собой ближайших напарников. Иван Дмитриевич остался у руля бизнеса, приносящего прибыль, в которую не поверили бы нобелевские лауреаты по экономике. Буквально за неделю он превратился из обывателя в потертом костюмчике в нувориша, который вынужден набивать чемоданы деньгами.

Тонкая нить удачи попала в надежные руки. Иван Дмитриевич не остановился на достигнутом, а вовремя продал полукриминальный бизнес, чтобы стать владельцем пары десятка предприятий. Заниматься развитием было муторно. Он занялся более легким делом: поиском компаньона. А когда нашел, предложил объединить множество мелких заводиков в мощный холдинг. Компаньон согласился, слияние состоялось. Не прошло и года, как он сорвался с альпийской скалы, оставив весь бизнес партнеру. Иван Дмитриевич продал выросшее хозяйство с большой выгодой.

Какой-нибудь лентяй теперь забросил бы все и счастливо жил на проценты под шелест пальм и океана. Но не таков был Иван Дмитриевич. Простейшая комбинация повторялась несколько раз. Компаньоны заканчивали жизнь трагической случайностью. Расследований несчастных случаев не велось, мстить за погибших никто не спешил, а прессу скучные происшествия не трогали.

Вскоре состояние Иван Дмитриевича с трудом помещалось в нескольких банках, а в деловых кругах имя его вызывало неподдельный ужас. Все признавали за ним деловую хватку, но при этом упорно ходил слух, что ему помогает необъяснимая сила или какой-то черный ангел. Иного объяснения сказочному везению на смерть партнеров не находилось.

Удача нужна в покере, а Иван Дмитриевич четко знал, что и когда случится, умея организовать случайность. Он не оставлял следов, потому что тщательно их подчищал, заказывая незнакомым людям убивать друг друга по цепочке. Убились не только прямые исполнители, но даже заказчики заказчиков. На это денег не жалелось. Результат был блестящий всегда. Когда в глухом овраге закапывалось тело с дыркой во лбу, связать его с Иваном Дмитриевичем, а тем более с обрывом троса где-то в Альпах, было не под силу всем интерполам вселенной.

К важному юбилею Иван Дмитриевич имел все, что может хотеть человек. За одним крохотным исключением: у него не было наследника. Некому было передать накопленную империю. К возникшей проблеме он подошел как к бизнесу.

Первая жена Иван Дмитриевича застала восхождение к вершинам, штопала носки мужу, но оказалась бездетной. И вообще могла претендовать на часть нажитого в браке имущества. Поэтому за ненадобностью утонула на черноморском пляже, неожиданно разучившись плавать при полном штиле. Пережив утрату, Иван Дмитриевич выбрал невесту на двадцать лет моложе, наверняка плодovitую.

Скромная девушка, ослепнув от свалившейся удачи и попадания в мир богатства, не глядя подписала брачный контракт, по которому отказывалась от любых притязаний при разводе. Кажется, она романтически влюбилась в Ивана Дмитриевича.

В первый медовый день молодая жена по имени Катя получила условие: через год, не позже, в семье должен появиться ребенок мужского пола. Можно два, но не меньше одного. Катя с радостью согласилась и на протяжении следующих месяцев делала все, что от нее зависит, чтобы обрадовать хозяина, то есть мужа, не думая о наслаждении и всякой ерунде

типа оргазма. Девушка была честной и потому старалась регулярно, благо силы Ивана Дмитриевича не подкачали. Но результата не было.

Видя, что план дает осечку, Иван Дмитриевич отправил Катю на малоприятное обследование. Результаты показали: девушка готова продолжить род. Потребовался осмотр самого Ивана Дмитриевича. Проглотив ярость, он явился к врачу и узнал, что обязан сдать родную семенную жидкость на анализ. Его проводили в отдельный кабинет, увешанный тертыми листочками порножурналов, включили плеер с легкой порнушкой и попросили кончить в стерильную баночку. От пережитого унижения Иван Дмитриевич впервые в мужской карьере не смог ничего. Он давил, жал, мучил и терзал, но баночка оставалось чиста. Безысходное положение спасли пять сотен долларов и заботливые ручки медсестры, которая умоляла не говорить доктору.

Ответ анализа принес поразительную новость: под микроскопом не удалось найти ни единого продолжателя рода. Врач печально сообщил, что современная медицина бессильна помочь: пациент стерильно бесплоден. Выслушав вердикт, Иван Дмитриевич отказался поверить. Нельзя допустить, что такой умный, находчивый и волевой человек, поднявшийся из грязи к свету богатства, не способен оставить потомство. Наивный врач стал убеждать, что вывод верен: ему не приходилось видеть такой мертвой спермы. Спорить Иван Дмитриевич не стал, но, поразмыслив, понял: его безжалостно подставили. На самом деле здоров и силен как бык, а этот докторишка и жена Катя специально вошли в сговор, чтобы довести до сумасшествия. За ними кто-то стоит... Он даже догадался кто. Теперь Иван Дмитриевич знал, как действовать.

Вскоре клинику навестили плечистые парни с микроволновкой. Доктору предложили выбрать: с анестезией или по живому. Недолго сопротивляясь, несчастный вколол себе милосердно выданную ампулу. После чего его закрепили на стуле, без лишних мучений удалили яички, вложили обрезки в печь, пропекли и заставили сжевать уже плохо соображавшего эскулапа. Весь процесс засняли на камеру.

И хоть случай не попал в медицинские новости или Интернет, но среди коллег жертвы стал широко известен. Поэтому, когда Иван Дмитриевич приехал на повторное исследование, новый врач, слегка бледнея, выдал заключение: пациент так силен, что хоть на выставку.

Эта справка была предъявлена Кате. Девушка забилась в истерике, умоляла дать ей еще шанс и уговорила потерпеть месяц: они поедут в отпуск, к морю и солнцу. И там у нее получится. Иван Дмитриевич дал слабину, но отмерил ровно три недели. Так что из отпуска вернулся в бизнес-классе один. Бедная Катя прилетела в цинковом ящике, потому что неосторожно наступила в воде на ядовитого ежа. Как установила неподкупная полиция Карибского острова.

Погоревав годик, дважды вдовец выбрал новую спутницу жизни из глухой провинции. Новенькой была поставлена все та же задача: наследник – в кратчайший срок. Попав в московскую суету, Варя слегка опьянела, отчего неводержанно набрасывалась на формально молодого мужа при каждом удобном случае. Так часто и в таких разных местах супружеские обязанности Иван Дмитриевич не исполнял никогда. Возвращенная на экологически чистых продуктах, Варя была ненасытной. Только стальная воля помогла Ивану Дмитриевичу выдержать молодцеватый темп. Он честно не отлынивал четыре месяца. Но результата как не было.

Варя наполнилась соками жизни, готова была нарожать целую горницу детишек, но для этого нужен был живой живчик. Она бы его приласкала, пригрела, приютила и счастливо забеременела. Нужен был хоть один-единственный шевелящийся головастик. Но его не было. Все, что изливал Иван Дмитриевич, было не опаснее парного молока. Только бедная Варя об этом не догадывалась.

Подустав от жесткой гонки, он взял передышку и уехал за границу. Варя осталась одна. Жажда страсти только сильнее занялась. Хозяйка принялась вешаться на обслуживающий персонал и охранников. Что было немедленно доложено куда следует.

Иван Дмитриевич пришел к неизбежному выводу: враги опять подсунули яловую телку, гиблую нетель. Жить с ней не было никакого смысла. И потому жить Варе осталось недолго. Отправившись под Рождество на горный курорт радоваться жизни, Варенька неудачно съехала в ледниковую пропасть, из которой тело вытаскивала трое суток бригада спасателей. В середине января ее доставили в привычной цинковой посылке. На аллейке бывших жен прибавился припорошенный холмик.

Иван Дмитриевич стал предельно осторожен, выбирая очередную жертву, то есть жену, со зверской хитростью, которой позавидовал бы заядлый разведчик. Он твердо знал: враги не дремлют, они хитры и коварны, стоит потерять бдительность, как подсунут очередную пустышку. Поэтому не отвечал не только на разнообразные предложения познакомиться, но даже на приветливый взгляд. Все казалось, что это подстроено нарочно. Маниакальный страх довел до того, что он перестал покупать секс-услуги.

Мучился Иван Дмитриевич долго, но выход нашел.

Заранее спланировав день «Х» и постаравшись, чтоб об этом знали враги, поехал на встречу. Но в середине пути приказал остановиться, бросил на сиденье мобильный телефон, а изумленным охранникам приказал оставаться на месте. После чего растворился в темной улице. Он специально не знал, куда шел. Просто двигался по наитию, пока не наткнулся на какой-то ночной клуб. Охранник не хотел пропускать пожилого, по его мнению, посетителя, но хрустящая купюра решила вопрос.

Иван Дмитриевич утонул в бездне дыма, световых вспышек и грохота музыки, от которого сводило барабанные перепонки. Вокруг дергались в трансе юные тела, слегка прикрытые кусками материи. Каждой было лет на тридцать меньше биографии Ивана Дмитриевича. Искать мать будущего наследника в таком месте мог отчаянный человек. Зато ни один враг не подстроит каверзу. Его выбор будет именно его. Он стал приглядываться, кого бы осчастливить.

Юные создания казались одинаковыми, словно выданные копировальным аппаратом. Разница в цветах маек и клочках причесок, на взгляд Ивана Дмитриевича, была не существенна. Он решил выбрать первую, что попадется на глаза, не любовь ведь ищет. Иван Дмитриевич смежил веки, повернулся вокруг себя, как при игре в прятки, и резко прозрел. Судьба подсунула корявое создание в джинсиках, неказистой кофточке и с зализанными волосиками. Хуже девицы найти было трудно. Но Иван Дмитриевич дал себе слово, а с этим шутить нельзя. И потому прямоиком направился к избраннице.

Поначалу девочка, которой не было восемнадцати, не могла понять, что надо папику в дорогом костюме. А поняв, чуть не выронила бокал с остатком дрянного коктейля, который собиралась тянуть до утра. Дяденька предлагает выйти замуж. При этом сулит все блага, какие может выдумать недозревший мозг: виллу, яхту, машину, брильянты, шмотки и неограниченную карточку. Вика, а именно так звали везунью, сообразила, что ее разыгрывают или она попала в «Скрытую камеру» в лучшем случае. А в худшем — прицепился натуральный маньяк. Однако деловитость предложения вместе с портмоне, в котором туго жались золотые карточки, оглушили.

До этого мгновения в жизни Вики мало было радости, скудно и трудно жилось. Внезапно она сказала себе: «Викуся, ты мечтала о прекрасном принце, плакала в подушку и смотрела на богатых девушек. А вдруг это твой шанс? Подумаешь, принц на возраст, зато, кажется, с деньгами. Да и что ты, Викуся, теряешь? Ничего ценного. А вдруг это чудо, о котором шепчутся девчонки? А вдруг оно досталось тебе? И дальше получишь все, о чем пишут в журналах, просто так, ничего не делая, потому что я такая хорошая. У меня будет муж и все остальное. Вдруг это ангел мой помогает? Так, может, рискнуть?»

Следя за жертвой, Иван Дмитриевич убеждался в правильном выборе. Такое удивление духа и растерянность мысли сыграть невозможно. Нет, не подсадная утка. И по виду вполне здоровая. А молодость возьмет остальное. Он правильно выбрал.

Через четверть часа и одного коктейля для храбрости Иван Дмитриевич вышел с нареченной и, одолжив мобильник у охранника, вызвал свою неприлично роскошную

машину. Когда к порогу заштатного клуба, мягко шурша, подъехало сооружение из другой жизни, сверкающее лаком, Вика зажмурилась: сказка становилась явью. Кажется, она действительно вытащила счастливый билет. Спасибо ангелу.

Через месяц, который требовалась для достижения совершеннолетия невесты, организации скромного торжества и пошива роскошного платья, Вика стала законной женой по брачному контракту. Она взяла на себя суровое обязательство родить наследника в течение года и в этот же вечер приняла Ивана Дмитриевича у себя в своей спальне.

IV

Сдох.

Окочурился. Откинул коньки. Дал дуба. Сыграл в ящик. И тому подобное.

Вот ведь какое дело.

– Я же говорю: молодец! – подбодрил Витька. – Держишься стойко, как наша рота. Кое-кто бьется в истерике. Это трудно. Внезапным всегда тяжело, старик. Тяжело.

– Кому?

– Кто помер неожиданно. Как ты. И я, старик. Как ты и я.

Неожиданно – мягко сказано. Не было темного туннеля, жизнь не проскакивала за один миг, душа не воспаряла ввысь, зеленый луч не бил в глаза, ничего не было, ни одна сказка не оправдалась. Просто ехал и приехал. Только свет вспыхнул. А, ну, конечно, – фары. Такая глупая нелепость.

– Это меня грузовик сбил... на встречке, – пробормотал он, словно оправдываясь, что принял не геройскую смерть.

Друг пребывал в сомнении:

– Не может этого быть, старик. Не может.

– Скорость приличная, затянуло под колеса.

– Если бы погиб так, был бы в другом месте.

– Это где?

– Там, где покой, старик. Где покой.

– И что это значит?

– Кто его знает. Теперь уж точно не бери в голову. Не бери.

Как за последнюю надежду, Толик схватился за руку, потом за лицо, ощупал ноги, живот. Плотность тела есть, чувствует его и в то же время – не чувствует ничего. Даже теплая кожа или холодная. И деньги все равно пропали. Кошмар какой-то, дурной сон. Задержав дыхание, он вдруг понял, что дыхания нет. Издавать звуки может, но не дышит.

– Не стесняйся: посвисти, спой, некоторые даже испражняться пытаются, привыкают к новой шкуре. Советую ерундой не заниматься. У тебя все на месте, но не чувствуешь ни голода, ни холода, ни жары, ни жажды, ни запахов, ни вкусов. Стерильно. Вот так, старик.

Дернув молнию комбинезона, Толик убедился: работает как ни в чем не бывало. Витька ткнул кулаком в плечо, тоже ничего не почувствовал, но отшатнулся.

– Спрашивай, старик, не тани.

– Где я?

– Вопрос правильный, старик. Правильный. Сам как думаешь?

– Неужели в раю?

– Нет, старик, хуже.

– Значит, все-таки в аду?

– Если бы. Значительно хуже. Значительно.

– Разве бывает что-нибудь хуже ада?

– Бывает, старик. Бывает. И ты здесь.

Толик невольно огляделся: мирный покой ухоженного парка, зверюшки, птички, никаких запахов серы под всполохи багрового пламени.

– Здесь – это где?

Витька обнял за плечо, встряхнул, как добрый друг, когда готовит к худшему, убеждая крепиться и быть сильным, отпустил и доверительно сообщил:

– На Срединном небе, старик. На Срединном.

Про такое не было вестей. Наверное, мало интересовался, некогда книжки читать, все эта работа с женскими телами, замотался. Из того, что помнил, из обрывков болтовни и фильмов, из смутных сплетен и суеверий, путаных и диких, Толик знал твердо лишь одно: на Тот свет, если он есть, просто так не засовывают. Там порядок и дисциплина. Там все четко, ошибок не бывает. Списки и все такое. Может, даже путеводители. Получается, что Тот, то есть – уже Этот, свет есть, а по какому праву его зашвырнули, не объяснили. Беззаконие получается.

– Вот я и удивляюсь, – честно признался друг-старик. – Тут тебе делать вроде бы нечего. Насколько знаю. Странно это. Очень странно. Еще с мотоциклом пролез.

– Его зовут Мусик, – уточнил хозяин.

– Назвал! Назвал ведь! – Витька засмеялся так искренно, будто нашел элементарное решение теоремы Ферма. – Вот жулик!

Надо было срочно узнать миллион ответов, которые устроили страшную потасовку в мозгах, но Толик почему-то пожаловался:

– На меня какая-то сумасшедшая накинута, чуть морду не разодрала...

Витька мелко затрясся от смеха. Справился – отер сухие глаза и разгладил вихры по неотвязной привычке:

– Да уж, исторические события, старик, о нем только и говорят. Только о нем.

– Она кто?

– Угадай.

– Откуда мне знать. Русалка или кикимора? Привидение?

– Чудак ты, Дроня. Она твой ангел.

– Кто-кто?

– Была твоим ангелом, старик. Ангелом.

Друг, очевидно, ждал впечатлений, но Толик отказался удивляться:

– Зачем же скандал закатила?

– Допек ты ее, старик, до такого крайнего отчаяния, что бедная девочка решила на... В общем, впервые в истории мироздания ангел попытался набить морду своей овечке. Впервые! Это надо суметь. Мои поздравления, старик.

– Но я в глаза ее не видел!

– Естественно, она же твой ангел. Была.

Ангелов Толик представлял отчетливо. Им полагалась белая одежда до пят, как ночная рубашка, золотые волосы, печальные ангельские лица, ветки оливы, арфы, кажется, молнии и самое главное – крылья. Его ангел был какой-то неправильный. Полбеда, что сексапильная девица. Конечно, фигуркой не обижена, за такую подержаться – большая удача. Но вот лицом – не ангел. А уж характером и подавно. Еще странно: где крылья? У тех, правильных, крылышки за спиной не помещаются, да и тело хоть идеальное поднять – размах перьев нужен внушительный. Но ведь их не было. И чем же его ангел занимался, если он всю жизнь ковылял с неудачи на ошибку? И почему его называли овечкой? Витька ухмыляется как-то подозрительно, врет, наверно.

– Не припомню, чтобы мне кто-то помогал. Все сам.

– Она пыталась оберегать. Пыталась. Но получалось плохо. Просто чудовищно. Сплошные штрафные. Поэтому и взбесилась.

– Что же мешало? Опыта мало? Практикантку подсунули?

– Опыта предостаточно. А мешал ей ты, старик. Твоя самоуверенная наглость. Редкой пакости овечкой ты был. Редчайшей.

– Но я ничего не слышал! – взвился Толик. – Ни разу!

– Слышал, но не придавал значения. Привык упиваться собой, ничего, кроме себя, не замечал. А девочка мучилась. Страдала. В последний миг уберечь пыталась. Пыталась?

Всплыли огни ночного ресторана на шоссе и внезапный приступ жажды. Если бы остановился передохнуть – грузовик проехал мимо и сейчас бы гнал к Барселоне... Но ведь деньги все равно пропали! И все же в том месте, где была грудь, Толик ощутил странное томление. Чувство стыда ему знакомо не было, видимо, ноет синяк.

– Да, у меня сложный характер. Не подарок. Работа нервная и творческая... была. Могла бы найти подход. Я не овечка.

– Овечка, старик, был овечкой для ангела. Все они овечки. Лучше и не скажешь. Нет, не скажешь: овечка. Самое то.

– И что моей пастушке за это будет?

Старый друг помрачнел:

– Большие неприятности, старик.

– С работы выгонят?

– За такие нарушения – Исключительное Наказание. Только И.Н.

– В котле, что ли, живьем варят?

– Давай, старик, не будем. Не будем.

– В таком случае могу взять вину на себя, а про нее скажу, что классный ангел, настоящий профессионал. Я всем доволен.

– Она преступила... Короче: ей нельзя было здесь появляться. И давай свернем тему, старик. У меня нет права вникать в подробности. Нету! Скоро разберешься.

В детстве Витька отличался выдающимся упрямством: если на чем-то уперся – конец, будет стоять насмерть. Ему легко было в дворовых компаниях, все знали: не предаст и не выдаст. Видно, характер даже пуля снайпера не исправила.

Внезапно Толик обнаружил отсутствие изменений: ни благодати, ни успокоения, ни покорности, которые должны, наверное, наполнить отлетевшей дух, не было и в помине, по-прежнему жаль потерянных денег и Ниццы. Все его желания, страхи, обиды и мечты торчали в привычных ячейках.

– Пес с ней, с этой девицей, ангел так ангел. Я ведь теперь жмурик, так? Ну, то есть там, на земле, стал трупом. А здесь я – кто?

– Понимаешь, старик...

– Витька, скажи честно. Ты ведь здесь давно, порядки местные знаешь. Меня за кого-то приняли...

– Ерунда, – друг отмахнулся, – эти балбесы решили, что ты вестник апокалипсиса: на железном коне и всем раздашь деньги. Валюты не оказалось?

– Нет. И кто я после этого?

Слишком внимательно осмотрев комбинезон, приятель не скрывал сомнений:

– Казенное тело не выдали?

– Нет, личное.

– А наказ дали?

– Это что?

– Ну, что-нибудь сказали?

– Монах какой-то с кардиналом ругался, а потом приказал, чтобы он со мной разбирался сам. Но тот быстро смылся... Что-то не так?

Витька решительно выпрямился, натянул армейское кепи и строго приказал:

– Разберемся. Никуда не уходи, старик, – подмигнув искрометной шутке, пропал.

Толик похлопал по изгибам мотора, будто мотоцикл волновался больше него и требовал немедленного утешения. Кусок железа на самом деле, а вот дали имя – и, пожалуйста, помер как человек.

Было светло, свет шел ниоткуда и отовсюду. Вверху, где привычно располагаться звездам, солнцу или туче, простиралась покатая сфера оттенка нежного крем-брюле. Тишина на безветрии. Даже когти хищников не царапают матовую плитку.

Мягко ступая лапами, подошел раскормленный тигр, наклонил морду и уставился немигающим взглядом. Властелин леса, мечта любого таксидермиста, настоящий

благородный царь джунглей, полосы блестят, аж переливаются. Такой проглотит – даже не поперхнется. Толик сделал то, чего на Том свете никогда бы не решился: протянул руку к хищной пасти и почесал за ушком. Шерсть упругая, как у живого. Стало немного страшно, мало ли, животное не до конца померло, но руку не отдернул, а мужественно спросил:

– Что, котик, скучаешь по джунглям?

– Базар фильтруй, в натуре, – ответил тигр в мозгах Толика, не разжимая пасти. Голос зверя был низким, но отчетливым. – Котик у помоек шляется.

– Извини... те, – Толик отдернул руку. – Уже привыкли... тут?

– Все путем, кореш, не тушуйся. – Тигр подставил загривок под чес. – И тебя обтешут.

Чтобы не показаться невежливым хищнику, хоть и мертвому, Толик попробовал завести непринужденный треп:

– И как здесь живется... То есть не живется, а это, как его... Ну, вы поняли?

– Нормалек. Работка непыльная, за жратвой шевелиться не надо, охотников нет, гон весной не тянет. Мне не впадлу.

Толик как раз собрался выяснить кое-какие детали устройства мироздания, но откуда ни возьмись объявился Витька, прогнал полосатого разбойника пинком и устроился на задке мотоцикла.

– Двигаем. Я договорился. Понял? Договорился. Тебя ждут, старик.

Обреченно взявшись за руль, Толик спросил:

– Куда, шеф?

– Жми, – приказал Витька. – Я ротный, салага. Ротный. Вот так-то, старик.

Толик покорно крутанул ручку газа.

Парковые насаждения исчезли, выросла стена серого тумана. Как на шоссе.

– Приехали. – Витька спрыгнул. – Дальше сам, старик. Нельзя мне туда. Нельзя.

– Скажи хоть, что делать?! – в полном отчаянии взмолился Толик.

– Ничего, старик. Ничего. Милосердный Трибунал сам вершит, – невнятно пробормотал Витька и скрылся. Вот так всегда: заварит кашу, а расхлебывать – другим.

За серой ватой происходили неясные движение, бесшумно двигались формы.

– Что ставить? – долетел приглушенный, как занавесом, голос. – Подвал гестапо или застенки инквизиции?

– Нет, он Прованс любит, – ответил еле слышный окрик.

Застучали проржавевшие шестеренки, что-то щелкнуло, и туман выключили.

Поле золотой ржи расстиралось волнами холмов, пылали фиолетовые, желтые, красные, малиновые цветы и белели ромашки. В голубом небе заснулы пушистые облачка, одинокие деревца склонились под тяжестью апельсиновых шариков. До правды не хватало запаха трав. Около самой кромки жнивья расположился массивный крестьянский стол, по бокам пристроились три стула, грубо сколоченных и облезших шелухой голубой краски.

От неожиданности Толик зажмурился, а когда прозрел, во главе столешницы уже устроился поджарый старичок в помятом костюме-тройке без галстука. Плетеная шляпа с широкими полями от солнца игриво сдвинулась на затылок. По краям расположились знакомые лица – монах с кардиналом, хмурые и насупленные.

Тронув круглые очки в роговой оправе, такие дряхлые, что могли рассыпаться, старичок спросил:

– Анатолий Иванович Андронов?

Голос обволакивал приятным теплом, хотелось разговориться, открыть душу и выплакаться в жилетку, но Толика передернуло: губы не шевелились. Не облизнуться.

– Чудесно, – старичок улыбнулся такой искренней и мягкой улыбкой, что созревает годам к семидесяти праведной жизни. – Прежде чем начать, позвольте представить моих коллег. Справа от меня дон Джироламо Савонарола, слева – сеньор Томас Торквемада, благодаря стараниям которого, а по чести – отсутствию на положенном месте – вы оказались здесь. Ко мне можете обращаться герр Герман Гессе, или просто: герр Гессе. Договорились?

Условия Толик принял молча, все равно рот на замке. Монах с кардиналом

принципиально не смотрели в его сторону.

– Ситуация, выходящая из правил. – Герр Гессе избавился от очков, зажмурился и улыбнулся. – Насколько известно, делать вам здесь нечего, но и выгнать невозможно. Это не в нашей компетенции, *sozusagen*.

Над колосьями вспорхнула куропатка и пропала в лазоревом небе, словно пробила насквозь. Толику стало не по себе.

– С другой стороны, мы обязаны изыскать любую возможность, чтобы не ставить вас и себя в неловкое положение. И потому проведем процедуру, как будто бы вам было сюда. Досье, *bitte!*

Прямо из ржи, откуда вылетела птичка, вознеслась плазменная панель экстремального размера. Экран вспыхнул фейерверком звезд, вылетела пара сверкающих крыльев, а закадровый голос томно сообщил:

«Тебя угнетают сомнения... Тебе кажется, что мироздание устроено неправильно... Ты чувствуешь свое бессилие... Этому можно помочь!»

Крылышки плавно взмахнули и закружились, будто ими управлял невидимый танцор.

«...Крылья от Сикорского – это твой выбор! Крылья от Сикорского – полет твоей надежды! Крылья от Сикорского – позволь себе мечту!»

Проделав сложнейшие кульбиты, крылышки сложились в бутон и юркнули в плоскую коробку с фирменным логотипом. Голос сочился сладкой патокой:

«...Крылья от Сикорского – индивидуальный подбор и гарантия качества!»

Гессе поморщился:

– Нельзя ли без рекламного блока?

Экран послушно стух и тут же возродился. На фоне шоссе стоял человек с микрофоном, кажется, телевизионная звезда. Ведущий профессионально оскалился:

– Гадости, пороки, преступления! Это программа «Истина»! Мы всегда в эфире по первому зову! От нас не скроешься. Мы знаем все!

– Ближе к делу, коллега, – уже раздраженно приказал Гессе.

Понимающе подмигнув, ведущий прочистил горло и сообщил:

– Сегодня в эфире специальный репортаж «Анатолий Андронов – альфонс двадцать первого века, или Жизнь, пущенная насмарку!» Овечка, который вертел женщинами, как хотел, и ничего не выкрутил. Овечка, который занимался любовью за деньги, но никого не любил. Овечка, который познал тонкости женского тела, но так ничего и не понял. Мужчина-проститутка или последний романтик? Идеальный любовник или подлый извращенец? Подробности и шокирующие факты! Не переключайтесь!

Насчет шокирующих фактов Толик прикинул, что их не так уж и много, на передачу явно не хватит. Свою работу шокирующей не считал: не хуже, чем выдавать кредиты или продавать ипотеку. Но ведущий был другого мнения и выволок горы грязного белья.

Припомнили все. С детства. Разбитые окна соседей, воровство денег из кошелька матери, полученные двойки, вырванные страницы дневника, первый онанизм, драки в районе, грабеж вместе с Витькой ларьков и пьяных, первую сигарету, первый стакан вина, первую девочку, зажатую в подъезде, ложь и вранье по любому поводу, отнятые мобильники, забытых друзей и родителей, взятки преподавателям, чтоб не замечали прогулов на лекциях, мелкие кражи в супермаркете, где пахал в ночную смену, и, конечно, как пробовал толкать наркоту. Достали и деловые начинания, бесславно рухнувшие.

Мерзавцы понатыкали скрытые камеры кругом. Не иначе. Невозможно понять, как получили кадры, которых быть не могло, снятые так, что лучше не придумаешь. Каждый эпизод биографии живо иллюстрировался. Толик смотрел и не верил, что все это успел натворить. Куда же глядел его ангел? Почему не остановил. Почему холодеть ему от тоски.

– Это прелюдия к настоящему таланту, открывшемуся в Анатолии. – Ведущий сделал напряженную паузу и кровожадно припал к ранам: – Наш герой быстро понял, что может оказывать влияние на женщин. Он брал их мужской харизмой. Имея довольно простое, всего лишь симпатичное лицо, поражал женщин наглой простотой. Говорил, что доставлять

счастье – это главная цель его жизни. Они верили и платили. Это стало профессией. Циничным и коварным расчетом соблазнял невинных и получал материальную выгоду.

Чудовищная неправда. Да, он зарабатывал на женщинах. Потому что они пользовались им. Он давал счастье, которого их лишили. Кто были его клиентки? Неопытные овечки? Вовсе нет. Молодящиеся дамы, дети которых готовились наградить внуками, а мужья целиком отдались своим делам и любовницам. Эти несчастные, чувствуя, что срок их близок, бросали вызов биологии, чтобы напоследок еще разок, а там будет что вспомнить. Он дарил счастье последней надежды. Почему за это нельзя брать денег? Свою работу исполнял честно, несмотря на целлюлит, морщины и отвислые груди. Никто не жаловался. Не мальчиком по вызову для богатых дам, а лучший профессиональный любовник, которого можно достать в Москве за деньги. Это призвание. Нет, не циник, а знаток женщин вообще и их тел в частности.

Толик хотел резко возразить, но рот не распечатали.

Подлец-журналист между тем занялся первым эпизодом, когда в кафе на Тверской его заметила дама в брильянтах. В тот раз он был застенчив. Пиявка эфира стал подсчитывать, как скучный бухгалтер, каждый эпизод карьеры. Там было много разного.

Савонарола и Торквемада демонстративно отвернулись, Гессе посматривал равнодушно, на десятой даме, вдове макаронного короля, кашлянул:

– Danke, достаточно.

Экран провалился в рожь.

Протерев окуляры, Гессе плотно нацепил оправу на арийский нос:

– Думаю, все понятно. Высказывайтесь, коллеги. Донн Савонарола?

– Против, – пригвоздил вредный монах и послал в Толика ненавидящий взгляд.

– Что скажите, сеньор Торквемада, все-таки ваш клиент?

Толстяк в красном платье издал шипящий звук, закончив выхлопом:

– Против!

Гессе поднялся, сцепив пальцы полочкой, как пристойный ученик:

– Милосердный Трибунал выносит вердикт...

Толик невольно выпрямился, примеряясь к неизбежному. Куда его теперь? Наверное, в ад. Хотя ничего плохого, такого уж сильно плохого, не совершил. Даже оправдаться не дали, хорош трибунал.

– Овечка Андронов прожил жизнь серой посредственностью. Он довел своего поводыря до отчаяния, принудив нарушить Третий закон ангелов. Он не свершил ничего, за что полагается Срединное небо. Он попал сюда по предосудительной небрежности одного из членов Трибунала. Но если попал, значит, так должно быть. И потому приговаривается...

Герр Гессе сделал умелую паузу, чтобы взбодрить любопытство. Монах с кардиналом напряженно ждали, готовясь торжествовать, а Толику захотелось, чтобы у него внутри что-нибудь нервно оборвалось, или как там полагается, ведь не часто тебя отправляют в ад или куда подальше. Жаль, с Витькой не увидится.

– ... приговаривается на одну вечность к испытательному сроку. Ему присваивается номер... ах, ведь номер пока нельзя... Какое имя желает выбрать?

Затекшими губами булькнул что-то невразумительное.

– Как? – переспросил Гессе. – Тиль? Пусть так. Молодой ангел Тиль оправляется на срочную подготовку. Приговор окончательный, обжалование невозможно. Следующий!

Туман рассеялся.

Еще не до конца осознав, что произошло, Толик оглянулся: вдалеке торчали круглые рощи идеальных деревьев, живность отдыхала. Тишина.

Его оставили. Он жив. То есть не жив, но и в тартарары не сослали. И Мусик с ним. Вот это удача. И если правильно понял, теперь он сам стал... ангелом.

Толик потрогал спину. Крылья из-под комбинезона не пробились. И даже под лопаткам не чесалось. Ни перышка не вылезло. Ничего, дело наживное.

Захотелось подслушать, что происходит за туманом, но вместо пелены обнаружились

развалины греческого амфитеатра. На битых камнях пристроились двое. Перед ним возвышался полноватый господин в старинном сюртуке, кудрявом парике, вязаных чулках и туфлях с большими пряжками, словно вырванный из придворной жизни позапрошлого века. Старикан поигрывал здоровенной тростью с набалдашником в виде раззявленной пасти льва и клокотал гневом.

– Ангел-кадет Тиль?

В ответ на каркающий хрип Толик приложил ладонь к виску.

– Занять место! – последовал вопль. – Опаздываете, кадет, заставляете ждать. В дг'угой раз начислю штг'афные. Так и знайте. Шутки кончились. Я не ваш ангел, котог'ого вы довели до г'учки. Я вам мог'ду бить не пог'вусь, а сг'азу влеплю И.Н. Доступно? Молчать, мег'завцы!

Почтенный расплевывал слюну и не выговаривал звонкую букву, от чего походил на пьяницу в трудном похмелье. Отъявленный пират, не хватает костыля с повязкой.

Толик устроился на краешке грубо отесанного блока, выпавшего из кладки столетий, и украдкой обозрел соседей. Ближний носил форму гражданского летчика: белая рубашка, погоны и галстук. Другой казался капитаном торгового судна. Новичка приветствовали незаметные кивки. Парочка мужиков, крепко сложенных, пугливо следила за низкорослым учителем, прохаживавшимся наглым гусаком.

– Ангел-кадет, 897-й! – рявкнул он, взмахивая палкой.

Тот, что в рубашке летчика, подскочил и вытянул руки по швам.

– Как следует вам, ме'гзавцам, обг'ащаться к своему великому учителю?

– Герр Сведенборг! – отчаянно закричал 897-й.

– Сесть! Ангел-кадет 898-й!

Теперь подскочил моряк.

– Что есть наш пг'едмет? – зашипело на него.

– Наш предмет есть подготовка и изучение непреклонных правил поведения ангела при работе с овечкой, герр Сведенборг!

– Сесть! Ангел-кадет, тьфу гадость... Тиль!

Толик принял участь покорно.

– Что есть основная задача ангела?

– Извините, герр Сведенборг, я тут недавно...

– Штг'афной! Сесть! Ангел-кадет 897-й! Отвечать!

– Задача ангела есть исчерпание личных штрафных! – Летчик дрожал от усердия, потому что больше дрожать было не от чего.

– Что есть штг'афные?

– Штрафные – есть оценка поступков!

– Каким обг'азом списываются штг'афные? Ангел-кадет 898-й!

Вызванный подскочил навтыжку и крикнул отчаянно:

– Штрафы списываются за деяния овечки!

Парочка держалась шатким строем, как новобранцы перед зверюгой-сержантом.

Толик изготовился к неизбежному провалу, но вздорный учитель обмяк, ухватился за подбородок и погрузился в печальную думу, сжавшую складками лоб. Ангелы-кадеты боялись шелохнуться.

– Какая глупая несправедливость, – пробормотал он чисто. – Потратить столько сил, исписать горы бумаги про небеса, чтобы упустить простую истину. Как же так?

Пошевелив губами, словно в трансе, осмотрел послушников и произнес в печали:

– Ах, мальчики... Зачем попали сюда. Что вам здесь делать? Быть ангелом – тяжелое испытание. Лучше бы не раскидывались своей жизнью как попало. Еще не знаете, как тяжело... Как мучительно быть ангелом. Какое это... ну, ладно. Преступим.

Герр Сведенборг оперся о клюку и, глядя в песок, отчеканил:

– Первый закон ангела. Ангел не имеет права ограничивать свободу своей овечки. Нигде и никогда. Вы не можете ограничивать их свободу. Что это значит? Они всегда будут

выбирать сами. Потому что они свободны. А вы не будете ограничивать их свободу. Такова горькая участь ангела. Урок окончен. Свободны.

Дефект речи окончательно пропал. А за ним и сам учитель. Толик оглянулся на товарищей: заметили перемену или нет. Но те пялились на него во все глаза.

– Эй, приятель, правда, твой ангел хотел набить тебе морду? – робко спросил 897-й.

– У него получилось? – добавил другой.

Вот, пожалуйста: стал знаменит. На Том свете хотелось славы, а она ждала в укромном месте. Пришлось дать краткое интервью, чтобы сменить тему:

– Значит, мы теперь ангелы?

897-й поправил галстук:

– Пока еще учимся.

– А почему у вас цифры вместо имени?

– Имен на всех не хватает. Мне свое нравится, – честно признался 898-й.

– И мне свое. Не то что какой-то... «тиль-тиль».

Нумерованные захихикали, как девчонки в угаре вечеринки. Толик откровенно не прочувствовал новое имя. И не знал, что с ним делать. Мусику точно все равно. А мнение остальных его мало беспокоило. Как же Витька теперь называется?

– Коллеги, за что тут дают штрафные?

897-й ткнул локтем соседа, они понимающе перемигнулись:

– Будет приятным сюрпризом.

– Мы не имеем права толковать.

– Что ж, увидимся...

– Вы куда? – удивился Тиль, ему надо было выяснить массу подробностей.

– У нас увольнительная. Провеетрится. Посмотрим, как Там.

Летчик показал ладошкой фигуру высшего пилотажа, а капитан изобразил проплывающий корабль.

– А крылья? – не унимался Тиль. – Как добраться?

С откровенной завистью ангелы-кадеты облизали взглядами полированные бока Мусика.

– Тебе они точно не нужны, – успокоил 897-й.

Среди камней Толик остался в одиночестве. Потребностей нет, денег нет, бензина нет. Туда слетать не мешало бы, но как. И спросить не у кого.

Он рискнул поболтать с мотоциклом: если тигру можно, то почему Мусику нельзя. Но техника пребывала в немоте. Видимо, не доросла. Осталось запрыгнуть в седло и сделать последнее, на что был способен: выжать газ.

V

Готовясь к брачной ночи, Вика настраивалась на милосердный лад, ожидая скучных поерзываний и быстрого окончания. Но молодой муж оказался действительно молодым. Крайне живым и энергичным. Просто молодцом оказался. Иван Дмитриевич занимался любовью целеустремленно, расчетливо, жестко и победительно. Как бизнесом. И хоть Вика слышала о счастливом разнообразии страсти от подруг, телевизора и женских журнальчиков, но нахлынувшие эмоции оказались сильнее. Мужчина старше ее на тридцать три года проявился однообразным, но ненасытным любовником и к середине ночи буквально заездил новобрачную. Разве могла она подозревать, что деловой человек вовсе не стремится к рекордам Казановы, а добивается поставленной цели.

В предутреннем мраке Вика лежала без сил, счастливо фантазируя, какие прекрасные дети у них будут, какой верной, любящей и заботливой женой станет, как все сложится у них хорошо и, вполне возможно, состарятся и умрут в один день. Она плыла в томных размышлениях наивной девочки, убеждая себя, что так и надо жениться: не по глупой любви, а по точному расчету. Как было в старину. Верно ведь говорили: стерпится –

слюбится. И она, кажется, любила недавно постороннего человека, который купил ее, чему была теперь удивительно рада. Викуся очень серьезно отнеслась к обещанию и готовилась обрадовать мужа первым сыном как можно скорее. Если бы могла – и того раньше.

Иван Дмитриевич остался доволен покупкой: девочка оказалась нетронутой, что нынче редкость. Значит, будущий наследник возьмет его кровь без сомнений и темных пятен. Ему стало казаться, что в этот раз получится, как задумал, раз сумел провести врагов. И хоть не верил в предчувствия и приметы, но ощутил нечто, похожее на отдаленные сполохи грядущего счастья. Иван Дмитриевич не жалел ни себя, ни жену, выкладываясь три раза в неделю по строгому расписанию. Идиллия продолжалась три месяца.

Вика слегка притомилась от ненасытного напора. В остальном новая жизнь нравилась: неограниченные возможности, огромный дом, настоящие слуги и горы одежды не в шкафу, а в специальной гардеробной. Все было не просто хорошо, а чудесно, как бывает в бесконечных женских романах. Кто бы мог подумать, что счастье возможно с человеком, настолько старше ее. И все же среди не проходящего розового дурмана она чутко улавливала странные, почти тревожные звончки, которые ненароком раздавались в самый неожиданный момент. То охранник посмотрит как-то странно, будто гроб примеряет, то прислуга внезапно замолкает, когда она расспрашивает про прежние годы Ивана Дмитриевича, а то и вовсе сам уставится таким холодным и страшным взглядом, что хочется бежать без оглядки.

Страхи Вика тщательно отгоняла, уверяя себя, что и в бочке меда должна быть ложка дегтя, иначе вкуса не будет. Прислуга наверняка завидует ее успеху, а муж легонько проверяет: не глупенькая ли, достойна ли его выбора, не ошибся ли он. И хоть у девочки из спального гетто образования – кое-как законченной школы, но природный ум достался отменного качества. Она стремительно осваивалась в новой жизни, не просто надевая ее, как платье, а вживаясь всем существом. Вика выучивала быстро и на отлично роли хозяйки дома, богатой женщины и жены влиятельного мужа. Как хамелеон принаравливалась к окружающей природе. Результат упорства не заставил себя ждать. Невзрачная, серенькая мышка, заморыш, которую худшие парни не дарили вниманием, стремительно обратилась холеной и слегка надменной женщиной. Сбросив старую судьбу, как змеиную кожу, она не смогла отделаться от крохотных пятнышек, неверно ставя ударения в трудных словах. И как-то раз, всмотревшись в зеркало, с удовольствием и трепетом обнаружила там совсем другую женщину – роскошную красавицу, от которой глаз не отвести. И Вика немедленно влюбилась. Безнадежно и окончательно.

Объект ее восторга был достоин такой поглощающей любви. Вика полюбила себя искренно и глубоко. Первой и единственной настоящей любовью. Это чувство было настолько сильным, что разделить его было не с кем, никто бы не смог понять и оценить его по достоинству, а потому оно было обречено принадлежать только ей, оставаясь глубочайшей тайной, не доступной никому. Вика захотела наслаждаться своим прекрасным образом в одиночку. И стала жить по заведенному распорядку, жадно глотая, чего была лишена, но чутко прислушиваясь к тому, что варилось вокруг. Это было не столько хитростью, сколь бессознательной защитой. Уж больно не хотелось подвергнуть даже малейшей опасности свой идеал обожания. Вскоре сигналы опасности, поначалу смутные, стали позвякивать отчетливо.

Перво-наперво она прикинула, что с такой интенсивной супружеской жизнью организм молодой и здоровой женщины должен был несколько раз зачать новую жизнь. Однако сколько ни проверяла тесты, сколько ни прислушивалась к внутренним токам тела, ничего не менялось. Не тошнило, не хотелось соленьенького, и даже сны специально женские не являлись. Как будто лишилась невинности, но и только.

Легкое беспокойство лопнуло большой паникой одни недобрым утром, когда были обнаружены очередные месячные. Вика поняла, что усилия, потраченные мужем, умудрилась проворонить. А тут, как назло, Иван Дмитриевич стал задавать прямые и неприятные вопросы, мрачней и обрывая застольную болтовню. Но что хуже всего,

домашние стали поглядывать на нее как на опустевшее место, вроде бы исполняли приказания беспрекословно, но так, словно она уже не жила.

Смекнув, что назревает крупная неприятность, Вика решила браться за ум, чтоб не остаться на улице без мужа с выходным пособием в сто долларов, как предрекал брачный контракт. И первым делом отправилась к врачу, сведущему в проблемах зачатия. Она собиралась подробно описать проблему, но доктор, взглянув на фамилию пациентки и переспросив, кто ее муж, как-то странно побледнел и заявил, что ее супруг совершенно здоров, а делать ей анализы нет никакой необходимости, он и так видит, что все отлично. Вылив ушат ерунды на изумленную Вику, врач отказался от денег и попросил поискать для консультаций другого специалиста.

Что удивительно, история повторилась под копирку. Как только новый врач дошел до фамилии мужа, прием был окончен стремительно, причем диагноз выписан обоим супругам самый положительный.

Природная смекалка забила нешуточную тревогу. Хозяйка выбрала одну из горничных, с которой сложилось что-то вроде легкого приятельства, и заперлась с ней и бутылкой коньяка. После третьей рюмки и страшных клятв не говорить, откуда ветер дует, прислуга в общих чертах просветила, что случилось с предыдущими женами. Вика не только поверила, но и быстро просчитала, что дело не ограничится падением в грязь. Все наивные мечты о тихом семейном счастье по взаимному расчету, вся вера, что Ивану Дмитриевичу нужна прилежная жена, сгнили насквозь. Настало прозрение: о счастье думать нечего, тут другое. Нависшая опасность была столь велика и неотвратима, а силы Вики столь малы и наивны, что она не испугалась, а обозлилась. И поклялась биться за свою жизнь, нет, уже не богатство, а обычную биологическую жизнь, сколько хватит сил. Она не позволит уничтожить эту прекрасную и замечательную женщину, лучше которой не найти. Она не позволит, чтобы ее любви к самой себе угрожала опасность. Она сумеет защитить свою драгоценную, чего бы это ни стоило. Как можно, чтобы такой замечательной Вики больше никогда не было и она перестала радовать мир собой. Не может такого быть!

Первым делом Викуля запаслась стерильной баночкой, в которую украдкой собрала то, что оставил в ней очередной раз Иван Дмитриевич. Рано утром, сказав, что едет на фитнес, отправилась в лабораторию и, назвавшись девичьей фамилией, заплатив втридорога, заставила сделать срочный анализ. Результат показал, что положение ее – хуже не придумаешь. Делать с Иваном Дмитриевичем детей было так же бесполезно, как с оловянным солдатиком.

Влетела шальная мысль: бежать без оглядки. Бросить все, снять деньги с карточки и, не возвращаясь домой, укатить в глухомань, затеряться и затаиться. Но, только вообразив возможности Ивана Дмитриевича, от этого решительно шага следовало отказаться. Такой и в Сибири найдет, и во льдах откопает. Бежать глупо и некуда. Надо сражаться и победить его же оружием: хитростью. Сражаться предстояло не за любовь, сохранение семьи или за незнакомого ребенка, которого она люто возненавидела, а за выживание собственной особи, назло сумасшедшему психу, который в наказание за какие-то грехи не может, но хочет иметь детей. Действовать придется одной, помощи от домашних ждать нельзя.

Вика отправилась в спа-клуб, легла в теплую ванну с лепестками китайской розы и сосредоточилась на оценке вариантов. Как забеременеть от безжалостного психопата, у которого вместо спермы – молочный коктейль? Самый простой способ – использовать достижения научного оплодотворения отпадает: осеменить нечем. Купить ребенка у бедной семьи? И девять месяцев изображать беременность во вражеском окружении, а потом исхитриться и подложить новорожденного. Такое приключение возможно в мыльном сериале. Честно поговорить с мужем и взять на воспитание сироту? И сколько она проживет после?

Перебрав все более или менее фантастические варианты, Викуся зашла в тупик, из которого светил единственный, а потому простейший, выход. Восстав из ванны Венерой, невольница долга отправилась на поиски спасения.

Наиболее подходящим местом казалось модное в тот год кафе в центре Москвы, где фантастические цены и сервис с натянутыми улыбками официантов давали ощущение ненастоящей, но лучшей жизни. Вика выбрала столик, позволявший обозревать зал, заказала что-то, расправила пошире вырез кофточки и занялась отбором кандидатов. Их было достаточно. На любой вкус и фантазию. Крепыши с бритыми затылками, завидные красавцы в тончайших свитерках ангорской шерсти, солидные господа в дорогих костюмах и часах тяжелого золота. Отборные самцы столицы убивали время, проводили встречи или проглатывали ланч. Кое-кто был со спутницами, но одиноких в данный момент хватало. Надо было сделать крохотный шаг.

И тут Вика осознала в растерянном ужасе, что понятия не имеет, как снять мужчину. Весь ее предыдущий опыт говорил, что все должно происходить наоборот, а обретенные привычки кричали о чем-то вовсе непотребном. Она поняла, что не в состоянии не то что познакомиться с красавцем или уродом с соседнего столика, а даже закрутить с ними легкое кокетство, искренно не умела это делать и видела лишь паскудные примеры подружек по району. В голове завертелась дикая фраза: «Не угостите даму шампанским, гусар?», после которой ее наверняка примут за проститутку и вышвырнут, несмотря на бутиковые шмотки. Честное приглашение к совокуплению, простое и соблазнительное в теории, на практике обернулось неподъемной гирей. Найти полноценного мужчину и переспать с ним оказалось невероятно сложным делом.

Кое-как совладав с собой, Вика стала подбирать успокоительные аргументы. Она красивая и богатая женщина, надо это помнить, надо стать раскрепощенной и доступной, и тогда лишь бровью поведет – выстроится очередь желающих. Что для этого дамы делали в кино? Дрожащими пальцами Вика вытащила сигаретку. Самцы лениво поглядывали мимо и продолжали заниматься собой. Наконец, один подбежал и щелкнул зажигалкой. Но это был официант.

Загасив незакуренную сигарету, Вика признала полное поражение с истощением сил. Но тут природный ум, куда же без него, выдал простое и важное объяснение: она пришла не в то место. Ну, конечно, эти мужчины примерно одного состоятельного круга, могут знать ее мужа, и потому вокруг нее стена неприкосновенности. Может быть, они все хотят ее, но никто не решится подойти. Искать здесь мужчину не только бесполезно, но и опасно. А вдруг кто-то донесет Ивану Дмитриевичу. Нет, надо порыться, где попроще.

Швырнув на счет, Вика выскочила в свободу улицы. Здесь мужчин водилось предостаточно. Обильно посыпались жадные взгляды, хитрые ухмылочки и намекающие улыбочки, многие оборачивались и подмигивали. Пораженная прыжком из льда в огонь, она стояла посреди улицы, не в силах на что-либо решиться. Одновременно хотелось броситься на шею первому встречному и потребовать сделать ей ребенка, но другая половинка измученного «я» нестерпимо кричала: бежать, не оглядываясь, от похотливых животных.

Ее осматривали и оценивали на предмет быстрого секса с первого взгляда, восточный мужчина поцеловал кончики пальцев, выразив восторг обольщения, но Вика словно онемела. Поняла, что, даже заставив себя улыбнуться и пойти выпить с кем-то стакан водки, то дальше не совладает и убежит. А если не убежит, не сможет раздвинуть ноги. А если на остатке воле все-таки ляжет под первого встречного, ничем не кончится. Или сделает с несчастным мужичком что-то непотребное. Подцепить кобеля на улице, как рассказывали подвыпившие подружки, или стать воплощением мечтаний тихого заморыша, который только и воображал, как предложит переспать красивой женщине, а она в ответ согласилась, – непосильное испытание. Даже ради спасения жизни.

От кипения мыслей подступила тошнота, Вика закашлялась, и чуть было не испачкала туфли. Срочно потребовалось укромное место. Она нырнула в ближайшую станцию метро, забилась в угол вагона и каталась, пока мерзкий озноб не отступил, а остывшее сознание заработало с прежним старанием.

Надо было взглянуть на облом с другой стороны. Оттуда поражение стало выглядеть

настоящим чудом, спасением, будто ангел помог. В самом деле, если бы исполнилось безумное намерение, результат был плачевным. Неведомый избранник мог наградить букетом болячек, мог быть психом или алкоголиком, от которого родить урода стало бы легким уделом. Но главное, она не учла маленькую деталь: Иван Дмитриевич верит, что ребенок его, а значит... должен походить на «отца». А искать на площадях и проспектах похожее мужское лицо можно до глубокой старости, которая ей пока не грозит. Нет, плодотворный секс с первым встречным мог оказаться куда страшнее быстрого конца от пустого мужа.

Требовался иной путь. Но следовало торопиться. В эту ночь Иван Дмитриевич спросил прямо: когда супруга собирается забеременеть. Вика поклялась, что уже подходит к пику формы, дело буквально нескольких суток. Строгий супруг поверил еще раз.

Не теряя драгоценное время, она взялась основательно. Заявившись в самый крупный центр, помогавший бездетным парам, а для этого имевший в запасе обширный банк спермы, попросила выдать картотеку доноров. От такой наглости принимавший врач опешил, разгневался и потребовал немедленно покинуть кабинет. Вика предложила круглую сумму наличными, все, что у нее было на карточке. В ответ пообещали вызвать охрану. Видя, что надежда истекает, Вика сыграла в открытую: сообщила, чья жена, и прямо сказала, что если не родит мужу, то очень скоро погибнет в случайной катастрофе. У нее остались считанные месяцы. Просьба была приправлена настоящими слезами и неподдельной истерикой.

Врач задумался. Конечно, он знал, что случилось с его коллегой. А тут подворачивается шанс отомстить за профессию: отвратительный подонок будет воспитывать чужого ребенка. Месть будет умна.

Дама была оставлена в кабинете наедине с секретной папкой, в которой хранились данные на всех сдатчиков. Она внимательно и жадно вглядывалась в фотографии, ища сходные черты. Все кандидаты деликатного донорства прошли тщательную проверку, многие имели здоровых детей. Обычные, нормальные, правильные, не особо красивые, но и не уродливые мужские лица, в основном до тридцати лет, больше студенты или спортсмены, распираемые тестостероном. Мужчины были качественные, иметь от таких здорового ребенка можно наверняка. Лишь одна незадача: никто и близко не смахивал на Ивана Дмитриевича, даже с поправкой на возраст. Муж Вики имел специфическую внешность, мерзкую, но незабываемую: Иван Дмитриевич напоминал помесь удава с хомячком. Никого похожего в картотеке не обнаружилось.

И этот шанс оказался битым. Вместо отчаяния проснулся спортивный интерес. Где еще обитает разнообразие мужских особей? Военные училища или боевые полки были отмечены сразу, иметь дело с защитниками родины она зареклась еще в детстве, видя скорбный быт жен офицеров. Отделы кадров заводов и университетов не внушали доверия. Ну, в самом деле, как в таких случаях поступают героини кино?

Ответ был в кармане.

На огромной территории кинофабрики Мосфильма найти актерский отдел оказалось несложно. Добросердечные тетушки, снабжавшие фильмы и сериалы разноформатными звездами, согласились предоставить мужскую картотеку, причем спросили смешные деньги. Вдобавок старательно подобрали типажи.

С некоторым трепетом Вика прикоснулась к пыльным карточкам с фотографиями актеров известных, безвестных и вовсе невиданных. Пальчик откидывали одну за другой картонки с описанием личных данных, ряд худел, а похожего лика так и не явилось. И вдруг, в самой глубине коробки, буквально на последнем листке увидела его. Сомнений быть не могло: некий П.С. Перепонов был разительно похож. Да что там – вылитый Иван Дмитриевич. С сердцем, забившимся надеждой, Вика предъявила карточку, спросив «кто таков». Дамы кастинга поморщились и расстроились. Не актер, а так, пустое место, иногда снимался в массовках, но характер такой мерзкий, что на нем поставили крест, больше никуда не приглашают, хотели выбросить из картотеки, да руки не доходили. Но для Вики

мусор кино пах первым сортом.

Она позвонила. Чтобы не огорошивать незнакомого мужчину предложением сделать ребенка, представилась ассистенткой, которая хочет посмотреть его для большой роли. Забытый талант согласился прибыть на встречу немедленно.

Заметив его издалека, Вика в первое мгновение испугалась: так неприлично похож оказался П.С. Перепонов. Может быть, лет на пять младше – и только. Впрочем, лицом сходство заканчивалось. Герой массовки обреченно горбился, одет в заношенное пальтишко, ботиночки дырявые, а глазки голодно бегали в поисках, чего бы урвать. Но такие мелочи не портили в целом положительный портрет.

Поборов отвращение, Вика улыбнулась и шагнула навстречу неизбежному. И уже через часок, когда П.С. Перепонов заглотил пятую рюмку под салат и котлету, обмякнув и подобрев, предложила углубить знакомство в каком-нибудь уютном месте. Квартира кавалера была отвергнута вежливо, но твердо, а вот номер в частном и тихом отелечке вполне устроил обоих.

В постели сходство П.С. Перепонова стало вовсе ничтожным, но Вика стерпела, идя до конца по выбранной дорожке. А в ближайшие дни привыкла, не замечала и лишь упрямо рвалась к спасению, пропуская давно не стиранные носки и сальные рубашки.

Возвращаясь домой, она долго стояла под кипящим душем, словно сдирая с кожи следки мерзких касаний. Встречи продолжались с неделю, пока Вика бессовестно не исчезла.

VI

Река толпы наполнилась ручейками и течениями. Человеческие существа текли водоворотами, наполняя берега улицы волнением живой массы. Люди топтались по своим делам и бестолковым причинам, наполняли улицу до краев, хоть была она велика и широка. Улица звалась Тверской. Меж ее каналами пролегал ничейная зона, по которой плыли в три ряда жестянки, несшие в себе таких же овечек. Но те, что в машинах, смотрели прямо, а не по сторонам, то и дело попадая в мертвый омут. Шум, гам, скрежет шин и визг гудков неслись над улицей ураганом.

По этим горбатым тротуарам Толик любил пройтись днем, когда зазевавшиеся туристы тыкаются от дома в карту, любил прогуляться вечером, когда ожидающая публика разбегается по театрам, любил ночью, залитыми огнями вывесок, бесшабашных, затейливых, наивных и порочных. Толик прикипел к Тверской.

Наверное, молодого ангела забросило сюда по привычке.

Что-то изменилось. Стало другим.

Ощущалась плотность земли и зданий, но почему-то он знал, что теперь нет помех, все пути открыты, может быть где угодно.

Нет ветра?

Было что-то еще.

Раньше, чем понял, он увидел. Просто увидел.

Поразительная картина, которая открывается новичку: вместо привычной массы человеческих существ распахнулся новый, волнующий и соблазнительный мир женщин. Только женщин. Одни женщины. Исключительно женщины. Никого, кроме женщин. Всех возрастов, рас и туфелек. Плотные, упругие, конкретные тела, за которыми чудилось что-то еще, пока не мог разобрать детали. Любая, невзирая на кофточки и макияж, представляла настоящей, живой, чувственной и удивительно вкусной. Как свежие булочки, только что из печки. Жар пылал, и сладкая корочка призывно блестела глазурью. Так и хочется куснуть. Под одеждами ощущались тела, полные силы желаний, как будто радиатор прикрыли тонким тюлем. Каждая несла неповторимость, и каждая была частичкой чего-то целого. Походки под вальс бедер, взгляды, жадные и оценивающие, казались штандартами победившей армии, захватившей не улицу – вселенную, и марширующей победу под гром каблучков. Женщины были всюду, и женщины были всем. Ничего, кроме

женщин. Все казались решительными красавицами. Чего быть, конечно, не могло. Но так видел он.

А что с мужчинами?

Ангел-кадет уяснил ошибку. Они никуда не делись, были повсюду, шли рядом с женщинами или навстречу. Но Тиль видел картонные куклы, плоские, безликие фигурки, не отличишь от теней. Не разобрать ни лица, ни фигуры. И только догадывался, что серое и бесформенное рядом с красоткой – это мужчина.

Улица женщин тонула в тенях мужчин.

Такой мир ему нравился.

В этом дивном, новом мире Толик станет безраздельным владыкой. Ему удивительно повезло. Никто другой не заслуживает больше стать ангелом женщин и... Пока он еще не знал, что именно предстоит. Какие-то штрафные искупать. Но это все ерунда. Если дело касается женщин, наверняка справится. И не просто, а на отлично. Развернется во всей красе. Такие перспективы открываются.

Наверное, глубоко в душе Толик мечтал оказаться там, где он – единственный, где все тела будут для него. А он будет для каждой. Мечта близилась к воплощению. Тиль будет самым чутким и нежным ангелом, подарит заботу и опеку, окружит лаской и пониманием. Впереди непочатый край работы.

Дело близилось к эрекции, но ангелу незачем беспокоиться.

Наслаждаясь восхитительным зрелищем, ангел-кадет слал улыбки особо симпатичным и даже воздушные поцелуи сдувал с ладони. Но их не оценили. Его с Мусиком обходили стороной. Словно перед ними – невидимый экран. Даже прядь кудрей не коснулась.

Несомненно, каждая благоухала ароматом духов и нежной кожи, но Тиль не поймал ничего, как будто нос заложили картоном. Эта мелочь не подпортила эйфорию, и без запахов переполнили впечатления и соблазнительные загадки.

Особенно занимали смутные, расплывчатые пятна, словно затертые рисунки на стекле, которые пребывали над каждым правым плечиком. Было в них что-то важное и полезное для ангела, что пока еще скрыто недоступностью. Размытые картинки манили и волновали сильнее роскошных бюстов и поп. Тиль пробовал вглядываться, даже сощурился, ловя резкость, но странные облачка не захотели стать более четкими. Миражи плыли над плечиками хозяек, дразня секретом.

Он так загляделся, что прозевал, когда из-за сладких фигурок выплыла черная туча накачанного тела, перетянутого блестящим смокингом. Мужик с фигурой стриптизера и лицом дальнобойщика, нагло ухмыляясь, пер на него, проходя сквозь прохожих. Наконец, с невозмутимым видом заслонил улицу и обдал взглядом сверху вниз:

– Рот закрой, ворона влетит.

– А? – только и смог Тиль.

– Что, новичок, поражен зрелищем? Слюнки текут и лапы чешутся. Кажется, все твое и для тебя, только руки протяни. Понимаю, пацан. Все через это проходят. Учти, восторга хватит ненадолго.

– Я оптимист по жизни. Даже после смерти.

– О, пацан, молодец! Не буду портить тебе удовольствия. Можно вопрос?

Тиль не возразил.

– Какие надо иметь таланты, чтобы довести своего ангела до ручки?

– Это не я.

– Ну, герой! Ну, уникам! Ну, красавчик.

– Вы ошиблись.

– Так держать! Приятных открытий желать не могу, а остальное и так будет.

Красавец телом и галоша лицом, сделав ручкой, поспешил за хорошенькой спинкой, на которую ниспадала блондинистая копна волос.

Как мог забыться. Ну, конечно. Здесь ангелы кругом. Их женщины принадлежат им. Сказка лопнула: восхитительные создания не одиноки. Рядом – есть. Открылось главное:

среди женских тел пребывают другие. Идеальные тела следовали за избранницами. Похожие, в одинаковых смокингах и разных лицах, сновали по обеим сторонам улицы и даже на крышах машин. Целый мир.

Толпа на Тверской загустела, но незначительно. Ангелов было много, но как-то не слишком. Даже не вровень. Если честно: удивительно скупое. Незримых спутников явно не хватало. Женщин-то значительно больше! Навскидку черный смокинг приходился на три или даже четыре дамы. Ангел следовал лишь за каждой четвертой юбкой, а то и реже. От чего это зависело, Тиль не смог угадать. Логика не было. Ни возраст, ни модность кофточек, ни номер груди не гарантировали наличие ангела. Невидимые герои распределялись по какой-то неведомой причине. С тенью мужчин дело обстояло и вовсе скверно: ни единой девицы-ангела, ни соблазнительной юбочки или кружевного выреза не вилося над несчастными. Быть этого не могло, гармония вселенной не допускает пустоты, а потому Тиль решил, что видеть ангелов в женском ему пока не положено.

Выяснилась и другая странность: его коллеги не обременялись службой. Ангелы вальяжно прогуливались за овечками, перекидывались шуточками, зевали и небрежно озирались по сторонам. Заботливой прыти нет и в помине. Никто не нашептывал на ушко оберегающее словцо, не поддерживал под ручку, не бросался заслонять от опасностей, не горел желанием защищать или направлять на путь истинный. Какая-то полоумная сиганула через улицу посреди потока, а ее защитник игриво увиливал от бамперов. Со стороны казалось, что ангелы никак не пеклись о своих овечках. Меньше всего они походили на бодигардов. Скорее – светские бездельники, которым нечем убить время, кроме неспешного променада. Может, это специальные ангелы с Тверской? Наверное, в других местах иначе.

Тиль вертелся на Мусике, стараясь уловить пример ангельского достоинства, с которого можно взять пример. Но, как назло, попадались странные ситуации. У одной развалились пакеты, украсив мостовую покупками, – ангел чесал языком с встречным. Другую толкнула мужская тень, она схватилась за бок, но ангел был занят витриной бутика. Какая-то девчонка плакала по телефону – ее ангел упрямо делал вид, что рассматривает горизонт. В общем, смокинги не очень напрягались. И крыльев что-то не заметно. Ни у кого.

Зато нарисовалась личная проблема: он стал центром внимания.

Интерес к его скромной персоне разгорелся степным пожаром. Один за другим смокинги разглядывали, подмигивали, обменивались словечками, кивочками и мерзко хихикали. Казалось, над Тверской грохочет вопль: «Так вот кому хотел набить морду ангел!» Вмиг став популярным, Толик испытал предательское смущение, не зная, как подбодриться молодому ангелу: отвечать улыбками, швырнуть камень или скроить постную морду, дескать, ничего не вижу, я тут ни при чем.

Усиленное внимание крепко достало. Толкнув Мусика, он двинулся, куда глаза глядят. Нарочно по-простому, как будто не мог теперь иначе. Но это не спасло. Каждый встречный ангел считал своим долгом выразить удивление, восторг или полное восхищение такой редкой персоной. Хоть автографы не просили.

Устав звездить, спрятался в знакомом кафе.

Столики полнились. Женщины сидели с женщинами или тенью. Все было на месте. Только исчез знакомый дух: молотого кофе вперемешку с вьевшимся коктейлем табачных дымов, молочной пенки и разлитых ликеров. Мягкая музыка и полусвет, беганье запаренных официантов, щелчки кассы, звон блюдец и даже чмоки по диванчикам только острее напомнили: знакомое стало иным.

Отставив Мусика в угол, Тиль побрел искать, где бы пристроить тело или то, что от него осталось. Его тихо окликнули.

На подоконнике устроилась парочка в смокингах, дружелюбно подзывая.

– Как делишки, новичок? – конопатый ангел с рыжим вихром подмигнул.

– Уже просек фишку? – поддержал бритый с поломанной челюстью.

Тиль постарался избежать неловкости:

– Да, много любопытного.

Рыжий шаловливо погрозил пальчиком:

– О, хитрец! Да ты прирожденный ангел, не правда ли, 1048-й?

– О, да, 1047-й, ты прав! Чистый талант.

– Признайся, талант, умеешь видеть досье?

– А варианты различать научился?

Таким беспомощным Толик пребывал на экзамене первой сессии, когда еще не умел покупать нужные оценки. Он тотально не понимал, про что распинаются эти двое. Словно нарочно, на опытных коллег напало вдохновение:

– Как тебе наш мирок?

– А овечки?

– Не правда ли, они отвратительны?

– Не находишь, что это мерзейшее из возможных местечек?

Нумерованные тараторили без удержу. Тиль испытывал свое терпение на прочность: сказать было нечего и деваться некуда.

Пресытившись забавой, ангелы довольно улыбались.

– Ничего, малой, не тушуйся, – подбодрил рыжий.

– Все через это проходили, – согласился лысый.

– Выдержишь, парень. Не бойся, дальше ада не пошлют.

– Главное – вовремя понять главное.

– Так ты умеешь видеть досье?

Пришлось честно признать: не понимает, о чем речь.

Ангелы заспорили, кому выпадет счастье просветить новичка. Хотя стоило подозревать, что благородством не пахнет, а подвернулся шанс развлечься.

Победил рыжий:

– Для меня большая честь обучить досье того, кто сумел разозлить своего ангела! Прошу использовать мою овечку.

Тиллю указали на соседний столик, занятый очаровашками. Одной не исполнилось двадцати, зато ее подруга пережила возраст пышного цветения. Девочки мило лепетали.

Рыжий указал на смутные пятна, маячившие вблизи ушек, обвешанных бижутерией:

– Смотри тщательно. Смотри навывлет.

Размытые кляксы неярких цветов сплетались в хаотичный узор, еле заметно шевелились, как чернила расплываются в молоке. И вдруг невидимая линза навела резкость. Тиль зажмурился как от удара. Но, разжав веки, поразился открытию. Пятен больше не было.

Проявились четкие картинки, не фотографии, а куски любительской съемки, прокручиваемые без остановки. Их было много, очень много. Теснились картотекой, прозрачными экранчиками, друг за дружкой, в строгом порядке. Все больше показывали заурядные истории: ребенок тянется к груди, девочка спорит с матерью, девушка волнуется перед свиданием и всякое такое, что в семейном альбоме безраздельно угнетается пылью. Двадцать лет четыре месяца и пять дней юного создания были подробно зафиксированы и подшиты до секунды. Протяженность ее жизни Тиль познал целиком. Не было секрета, который бы скрылся. Все – от украденной конфеты и красивого мальчика за дальней партой до первого косячка и случайной потери девственности – было тщательно собрано. То, что не знали мать и подруги, знал Тиль. То, что она забыла или в чем не хотела признаться, знал Тиль. Каждую мелочь знал.

Необыкновенное развлечение: женщина, вывернутая наизнанку. Так беспощадно раздеть не сможет заядлый порнограф, а выпотрошить – и трупорез. Жизнь, вскрытая, как консервная банка, – такого потрясающего развлечения видеть не приходилось. Самые масштабные блокбастеры потускнели перед анатомией лет заурядной девчонки. Толик испытал глубочайшее потрясение и профессиональную зависть. Вот если бы «раньше» овладел таким фокусом... Даже страшно представить, какие бы высоты покорил. Не было бы женщины, способной устоять перед знанием сокровенных тайн. Ох, что бы наворотил! Никакой Испании с Ниццей не понадобилось. Все бы принесли на блюдечке, к ногам

положили и поклонились: возьми и владей...

– Скользишь, коллега, внимательней. Вникай, – прошептал рыжий.

Толик воспользовался советом и получил откровение. Картинки над девочкой оказались одинаковы. Слишком одинаковы. Мелкие, очень мелкие и даже мельчайшие события ее биографии посвящались одному – желанию. Она постоянно чего-то хотела. Вся ее жизнь была непрекращающимся хотением: еды, сна, секса, нового платья, подарка на день рождения, побега в туалет, актера с обложки, упругих бедер, длинных ресниц, обилия денег, детей, большой груди, отпуска на Багамах с «ним» и прочей бесконечной ерунды. Жизнь ее была желанием. И ничем больше. Просто ходячий инстинкт. В этом открытии таилось что-то неприятное, мерзкое и противное, как липкая жвачка под столешницей.

– Похоже на овечку? – Рыжий ангел ехидно жмурился.

Стоит признать: кличка приходилась впору. Покорное существо, поедающее желания. И это женщина?

– Ничего не напоминает? – подзудил остриженный.

Как ни жаль, но опытный, прекрасный и побеждающий Толик мало чем отличался от половозрелой дурехи. Он тоже хотел, желал, домогался, чего только мог заграбастать – от холодного пива до Мусика. Самые отборные женщины из его коллекции попадали под черту желания. Толик сам был воплощением желания. Вот ведь до чего эволюция дошла. Опять прилипла тревожность.

Наставник подмигнул:

– Угадай, чего нет в ее досье?

Тиль попробовал, но на ум ничего стоящего не приходило.

– Да ты не напрягайся. Это же совсем просто. Что первое приходит в голову, когда смотришь на овечку, то есть женщину?

– Любовь? – брякнул Тиль.

– Молодца! – Рыжий наградил хлопком по плечу. – Понял фокус?

– Не совсем.

– Ее нет, кадет!

– Это... Она... Оно... Выглядит как-то особенно?

– Примитивно: камешек, размером с каплю, загорается рубиновым цветом, вот здесь, – ангел показал в месте, где раньше было солнечное сплетение. – Так говорят. Хотя никто не видел. Не в этом соль. А в том, что овечки только и болтают о любви, только и живут ради нее, только и занимаются ею в постелях, а на самом деле – у них пусто. Нет ничего, кроме желания. Основной инстинкт – это не любовь. У меня было три десятка овечек – все одинаковы. Ну, как тебе?

Уставившись в досье, Тиль искал: может быть, упустил, не заметил. Но ничего похожего на рубиновый камешек не попадалось. Такая милая, добрая мордашка, а на самом деле – голое желание. Как овечка на лугу. Как же так?

– Развлекся и хватит. – Рыжий щелкнул, досье вернулось в туманное облачко. – Вообще-то такие штуки делать категорически запрещено. Досье овечки перед другим ангелом закрыто. Для знаменитости сделали исключение. Не болтай, штрафных навешают.

Настала очередь лысого:

– Продолжим или сыт?

Тиль не смог отказаться. Ангел 1048-й щедро позволил потрошить свою овечку, для чего потребовал внимательно рассмотреть пустоту над левым плечом женщины (ближе к тридцати, вся в кудряшках).

И Тиль сделал.

Первое мгновение ничего не изменило: она пила кофе и болтала. Но в следующее – около левого уха возник правильный экранчик. На нем одновременно показалось три истории. В первой – зазвонил телефон, кудряшка взяла трубку, послушала и вдруг выплеснула чашку на платье подруги, после чего они расставалась врагами. В средней – опять звонил телефон, она брала мобильник, разговаривала, вдруг срывалась с места и

убегала. В последней – тоже начиналось со звонка, она, извинившись, отходила в сторонку, болтала, возвращалась, встреча завершалось миром и прощальным поцелуем.

– Знаешь, что это, кадет? Это трудный хлеб ангела. Его нива и пахота. Урожай и оброк, – безволосый наслаждался глухим непониманием юнца. – Это варианты, конечно!

– Что с ними делать?

– Выбирай и предлагай. Ты же ангел. Они живут и не знают, что будущее – у них за плечом. Не знают, но боятся. Даже плюют налево, чтоб отогнать страх. Хочешь попробовать?

– Легко.

– Как думаешь, кадет, какой вариант выбрать? Какой посоветовать ей?

– Конечно, последний, там все хорошо, – уверенно ответил, будто экзамен, Тиль.

Ангелы развеселились от души, а 1047-й пожурил:

– Молодой ангел, неопытный.

– Пылкий еще, – согласился приятель.

Досада овладела Тилем:

– Ну, и как правильно?

Ангелы переглянулись, затихли.

– Кто его знает.

Зазвонил мобильник. Женщина вытащила трубку из глубин сумочки, увидела номер на экранчике и, быстро извинившись, выскользнула из-за стола. Овечка выбрала второй вариант.

Тиль еще не понял, но ощутил, что дальше должно случиться что-то неприятное. Почему же ангелы не вмешиваются? Почему следят равнодушно? Вопрос завертелся на кончике языка.

– Что ж, кадет, приятно было познакомиться.

– Прогуляйся, пока свободен. Только помалкивай о досье. А про камешек – ни звука. Считай, что тема под запретом.

Напоследок Тиль успел заметить, как вернулась кудрявая и мазнула подругу ненавидящим взглядом. Кажется, овечка еле сдерживала слезы. Но это было не его дело.

Вечер близился. Тверская бурлила котлом. На комбинезон воловьей кожи оборачивались персоны в смокингах, а женщины, вернее – овечки, слепо торопились по насущным делишкам. Смутные облачка следовали над ними, рядом увивались тени мужчин.

Забитый впечатлениями, как гусь кукурузой, Тиль оседлал Мусика.

Как-то раз попалась дурацкая передача о паранормальном. Бородатый дядька в следах усугубленного пьянства на лице вещал о переходе в мир иной. Получалось, что душа обязана возвращаться во все места, где бывала в человеческом облике. Иначе нельзя. Порядок и все такое. Вроде бы сейчас – самое время для путешествия. Но команды не было. Никто не беспокоился, чтобы отправить Тилия по этапу. А ему вовсе не хотелось наведаться на историческую родину или заглянуть на огоньки к заброшенным клиенткам. Может, на ангелов это правило не действует.

Тиль крутанул ручку газа. Мусик не шелохнулся, но встал, где надо.

Зажженные окна дырявили громады многоэтажек. Спальный район суетился перед скорым ужином и кратким сном. Одинаковая жизнь текла в похожих домах. Толик сразу узнал нужный. Оставив Мусика у скамейки, шагнул к подъезду и отпрянул. Прямо на него уставилась кошачья морда. Приблудный был черен, подран и любознателен до крайности. Зеленые зрачки изучали ангела-кадета так, словно охранник решал: пускать незваного гостя или гнать в шею. Тиль показал «козу», ласково издав кошачий позывной. Черныш вздыбил ус, презрительно фыркнул и гордо удалился во тьму. Путь свободен.

Он знал, что способен оказаться сразу, но подробно одолел шесть этажей. Знакомая дверь на месте. Тиль позволил пройти насквозь.

В квартире, несомненно, кто-то был. Кое-где горел свет, из спальни доносились ритмичные звуки. Последний раз Толик ночевал здесь перед отлетом в Испанию. И обещал

вернуться, чтобы забрать навсегда в новую, ослепительную жизнь, которую приготовит для них на Лазурном Берегу. Половину клятвы выполнил. Ну, почти выполнил.

Осталось пройти стеклянную дверь в меловых узорах.

Двуспальная кровать все так же занимала большую часть комнаты, разбросанная постель – остальное. Только простыня уцелела. Среди складок яростно билось женское тело. Ангел было решил, что Аленке плохо, может, случился приступ болезни, припадок или что-то такое, дернулся оказать первую помощь, но вовремя заметил серую тень. Контур разместился меж задранных ног и задавал нужный такт.

Визжал матрас, скрипела кровать, стонала Аленка, все глубже и настойчивей. Жизнь шла своим чередом. Початая бутылка шампанского и объедки подсказали остальное.

Ничего не почувствовал Тиль: ни досады, ни обиды, ни отчаяния. Подобного стоит ожидать, когда исчезаешь на три месяца и не даешь о себе знать. Даже ангелу-кадету ясно, что женщина ждать не будет. Потому что не может. Желания жгут.

Делать больше нечего. Надо убираться. Но Тиллю захотелось опробовать навык. Сосредоточился на правом плече и увидел смутное облачко. Больше ничего. Может, потому, что плечо сильно содрогалась. Левое и вовсе сияло загорелой кожей. Но было что-то еще. Вдруг понял он, что видит тело изнутри во всех подробностях. По венам бежала кровь, сердце работало натужным мотором, печень изливала желчь, в животе разлагался ужин, большая часть откладывалась в толстой кишке, сквозь поры кожи пробивались пот и сало. Все это издавало чавкающие, шуршащие, хлюпающие, чмокающие звуки, как механический нож, разделяющий баранью тушу. Не было волнующей романтики. Организм совершал естественный процесс притирания, выполняя биологический акт. Механическое совокупление кожаных мешков с дерьмом и костями.

Омерзительное открытие.

Стоило ради этого попадать в ангелы.

В любви, которая называлась сексом, Толик знал толк. Умел доставить настоящее удовольствие, чем гордился, и уверял, что фильм «Дон Жуан де Марко» сняли про него. На работе занимался не сексом, а творчеством, всегда творчеством чувств. Каждая женщина была новым куском глины, из которого лепилась уникальная симфония поз, звуков и впечатлений. Камасутра годилась ему для детских забав. Маэстро постели и дирижер оргазмов был уверен, что лучше него это никто не делает. Во всяком случае, в границах Российской Федерации. Потому что делал от души. Толик любил секс не только за деньги, но как тонкий ценитель.

Тиль узнал изнанку.

Близость разгоряченных тел – всего лишь тошнотворное физическое упражнение. Открытие поразило настолько, что ревность отступила. Действительно, всю жизнь заниматься любимым делом, верить, что достиг совершенства в высоком искусстве, а оказывается – мял свежее мясо. И больше ничего. Вообще ничего. Сколько ни всматривайся, кстати, она уже совсем готова, нет даже намек на любовь. Очередное желание, не хуже и не лучше. Чистая физиология. Тиль был ошарашен, как чукча, игравший на скрипке, и вдруг узнавший для чего смычок.

Если бы мог – с радостью заблевал пол.

Аленка между тем никак не могла дожать. Тень мучилась.

– Новичок или соскучился?

В кресле устроилось статное тело в смокинге, над которым торчала добродушная, хоть и помятая, физиономия. Сквозь смокинг просвечивала стопка белья любовников.

– Знакомые лица! – обрадовался ангел. – Давненько не видел. Ты стал знаменитостью. А меня 33-32 зовут. Привет, коллега!

От дурацкого вопроса Тиль удержался. Ну, конечно, этот знает его по досье своей подопечной. Кого же еще. Значит, у Аленки есть ангел. Получается, близкий друг. Одну телку делили. То есть овечку.

– Советовал ей, дуре, чтобы с тобой завязывала, так не слушала. Теперь будет

расхлебывать, – беззлобно сообщил ангел.

– Он кто?

– Обычный проходимец. Как ты. Только без обид, ладно, ангел-кадет?

Тиль и не думал начинать войну. Ему требовалась помощь:

– Покажите ее досье. Пожалуйста...

Девчонка разразилась продолжительным воплем. Дошла, значит.

Ангел 33-32 даже подскочил в кресле:

– Ты что! Это запрещено! Да за это такие штрафные начислят!

Молодой ангел был настойчив. Просил, уговаривал, взывал и даже упрашивал. И пересилил. Видимо, 33-32 по натуре был добряк.

Аленка как раз успокоилась.

Ангел щелкнул, облачко навело резкость. Тиль углубился. Среди всего хлама желаний, что накопила его, нет, уж не его, девица, искал одну лишь маленькую подробность, пустяк, но важный для него, особенно сейчас. Аленка так часто говорила, что «это» у нее возникло впервые с ним, только с ним, и она этим страшно дорожит. Тиль просматривал карточки, перебирал и рылся, видел себя с ней, нет, не себя – Толика, просмотрел дни и ночи, каждую минуту, и даже три последних месяца. Но все было впустую. Рубинового камешка не было. Даже намек. Даже следа. Даже крохотной искорки. Слова Аленки были выхлопом легких, не лучше извержения газов. Досье не врет. Желание – не любовь.

Облачко погасло.

Зарабатывая на женщинах, Толик тайно верил, что когда-нибудь откроет самое чистое и святое в той единственной, ради которой стоит жить. Он не знал про рубиновый камешек, видный ангелам, но смутно догадывался о чем-то подобном. Ему даже казалось, что это возникло у них с Аленкой. Ну, почти возникло. А на самом деле? Пустота желаний. Слова только. Шептала Аленка, не веря и не чувствуя ничего. Наверное, Толик был слеп, как безнадежный самец-романтик. Удовольствие вышло слишком дорогим.

Аленка сыто разметалась по сырой простыне. Вспотела, бедная.

33-32-й сочувственно улыбнулся:

– Тебе уже говорили, что быть ангелом – не самое приятное?

Согласился Тиль молча.

– Значит, еще ничего не знаешь, коллега. Дальше будет интересней.

– Это радует.

– Не расстраивайся. Не принимай близко. Будь равнодушен. Они всего лишь овечки. Не лучше и не хуже. Они такие, какие есть. Ангелу требуется нечто большее, чем терпение. Но главный приз того стоит.

Показалось, что ему хотят подсказать нечто очень важное:

– Какой приз?

– Извини, коллега, это – сам. – Ангел 33-32 беспомощно развел руками.

Крыльев и у него не было. Это точно.

– Трудно присматривать за этим месивом? – для чего-то спросил Тиль.

– Нормально. Главное – не задумываться.

Аленка встала, покачивая бедрами, и отправилась в душ. На сбитых простынях распласталась уставшая тень.

– Тебе понравилось, крошка? – прохрипел запыхавшийся.

Она проурчала неопределенно. Тень одобрительно хрюкнула. Доволен собой, подлец. А по меркам Толика – выступил не лучше жалкого любителя.

Помахав рукой доброму ангелу, Тиль ушел в стену.

Мусик покорно ждал. Поблизости терся черный котяра, подозрительно обнюхивая колеса. Шерсть на загривке топорщилась, кот был крайне недоволен.

Помоечный гуляка огреб смачного пинка. Так расстроился ангел-кадет.

В то утро Вика проснулась рано. Дом еще спал, за окном расплывались свинцовые московские сумерки. Иван Дмитриевич, напомнив, что время истекает, как обычно, ушел из спальни засветло. От чего проснулась, Вика и сама не поняла, то ли снилось что-то, то ли ангел шепнул, да только не расслышала. С некоторых пор у нее вошло в привычку чутко прислушиваться к себе, словно настройщик – к пианино, стараясь уловить малейшие движения внутренних соков и вибрацию тайных струн души. Лежа под одеялом, она пытливо искала в себе нечто, что могло бы стать долгожданным знаком. Было ли это тайной женской магией, шаманством, сумасшествием или наивной попыткой стать самой себе экстрасенсом, Вика не задумывалась, а предавалась странному занятию с завидным упорством. Поначалу упражнения проходили в предвкушении сладкой радости, но в последние дни – мучительным ожиданием. Она дослушивалась до того, что пульс стучал в голове, живот распирало мелкими коликами, и сеанс самогипноза заканчивался стремительной ретирадой в туалет.

Так было до сего часа. Проведя внутренний осмотр, Вика привычно нацелилась не белую дверь, как вдруг где-то в сокровенной глубине возникла искорка, тихая нотка, как удар капельки в тишине. Это было так неожиданно, что Вика не поняла, что это было. На всякий случай аккуратно легла на спину, расслабилась, как могла, и стала ждать, стараясь не волноваться, не думать ни о чем, а просто ждать. Время застыло и растворилось, организм неторопливо копошился по внутренним делам, и не было в нем ничего, что бы стоило радости. Досадуя на пустые надежды и зло бросив одеяло, Вика вскочила с постели, как вдруг это повторилось. И опять прозевала. Надеяться и верить, тратя душевные силы, было легкомысленно, а потому отправилась к упаковке с тестами.

За завтраком Иван Дмитриевич был хмур до чрезвычайности, особенно раздражаясь опозданием жены. Не потому, чтобы любил вкушать яичницу в семейном кругу, а чтобы учинить строгий спрос безмозглой девице, не понимающей, с кем вздумала шутить. Тревога Ивана Дмитриевича возрастала оттого, что в этот раз трудновато спихнуть отсутствие ребенка на скрытых врагов, жену-то выбрал сам. И если опять ничего не получится, значит... Прогнозировать дальше он категорически отказывался. Здоров как бык, вся вина на женщине, хлипкие они, молодые, какие-то.

Вика юркнула за стол и одарила мужа невинной улыбкой. Иван Дмитриевич хмуро спросил, когда собирается беременеть, все сроки и месячные давно прошли, что она себе думает. Молодая супруга намазала хлебец джемом и равнодушно сообщила, что уже.

Долгожданная весть оказалась настолько неожиданной, что Иван Дмитриевич тупо переспросил. С победной улыбочкой ему объявили: положительный результат, две полоски и все такое.

Не услышал фанфар Иван Дмитриевич, и солнце не повернуло обратно. Великую новость принял спокойно, как известия о кончинах партнеров. Проект с этой девочкой становился перспективным. И главное: он был прав, как всегда, когда сваливал предыдущие поражения на козни врагов. Стоило взяться самому, и пожалуйста – результат.

Не имея привычки брать что-то на веру, Иван Дмитриевич подверг Викино тело тщательной проверке. Супруга была отправлена в лучшую клинику, где ее исследовали всеми возможными способами. Вердикт врачей был однозначен: получилось.

Новость имела несколько последствий. Меньше всего изменилась жизнь Ивана Дмитриевича. Будущий папаша даже не надрался на радости, потому что было не с кем, а в одиночку поглощать виски пятидесятилетней выдержки было скучно. Зато Вике известие принесло немаленькое бриллиантовое колечко, новую золотую карточку и право обустройства жизни на ближайшие месяцы в доме, как будет удобно ей, чтобы ребенок уже в утробе не знал ни в чем недостатка. А вот домашний персонал известие повергло в уныние. Если не сказать – удивление. Скорее всего они догадывались об истинных возможностях своего хозяина. Так что появление будущего наследника выглядело для окружения если не чудом, то аферой. Между обслугой и Викторией стена отчуждения стремительно выросла и окрепла.

Будущую мать награждали холодным исполнением обязанностей и натянутой вежливостью.

Вика не осталась в долгу и оттянулась от души, потребовала убрать всех, кто посмел бросить косой взгляд, и набрала новеньких, кто устраивал. А заодно выписала из глухомани двоюродную тетку, которая в ней души не чаяла, чтобы потом заняла вакантное место няньки. Иван Дмитриевич беспрекословно соглашался, что в истории было впервые. Он даже не оспорил пресечение сношения с женой, чтобы лишний раз оберечь плод, и более того, стал испытывать нечто вроде привязанности к матери своего ребенка, выжав максимум чувств из стальных перегородок характера.

В наглом блаженстве Вика купалась два месяца, пока Иван Дмитриевич не захотел узнать пол будущего наследника. И сколько она ни клялась, что будет мальчик, что в этом уверена, и все женские приметы на то указывают, и вообще светить плод ультразвуком вредно, муж остался непреклонен. Пришлось подчиниться. И опять ангел, кто бы еще другой, помог ей выторговать такое условие, что она все сделает самостоятельно.

Как только снимок с черно-белыми пятнами, в которых с трудом угадывался силуэт будущего человечка, вылез из принтера, сердечко нехорошо сжалось. А радостная врачиха сообщила, что плод развивается совершенно нормально, лежит, как по учебнику, так что девочка родится здоровенькой.

Разверзлись небеса, случилось самое страшное, к чему она была не готова. Вот теперь деваться некуда. Иван Дмитриевич даже мысли не допускает, что может родиться не мальчик. Устроить выкидыш – подписать себе приговор. Такого он точно не простит. Выкрутиться в этот раз, пожалуй, будет невозможно. У нее семь месяцев, чтобы найти выход. И для начала обратилась к докторше с необычной просьбой: стереть из компьютера картинку и выдать снимок с каким-нибудь мальчиком похожего срока.

Опытная диагност повидала всякого, но чтобы мамаша свихнулась после зрелища будущего дитя – с таким иметь дела не приходилось. Врач предложила помощь хорошего психолога, недешевого, но эффективного, который поможет пережить сумасшествие беременности. Вике не осталось ничего другого, как применить верное оружие: честность и деньги. Она сообщила, что рождение девочки для нее – гибель. Чтобы подготовить мужа, нужно время. За что предлагается круглая сумма.

Получив кусок термобумаги с отпечатанным дитятей, Иван Дмитриевич долго вертел его так и эдак, вглядываясь в зачатки половых признаков, и остался совершенно доволен. Вика получила маленькую передышку. Но правду не рискнула сказать даже любящей тетке. На всякий случай.

Время летело. Внешне она вела жизнь самой обычной беременной женщины: ела что и сколько хотела, спала до отвала, таскалась на полезные физкультуры, капризничала, гуляла и подолгу смотрела телевизор. Но в отличие от других не то что не ожидала приближение родов с радостной тревогой, но мучилась приближением неизбежного с паникой и ненавистью. Придумать выход не удалось, оставалась последняя надежда, что ангел ее, в которого истово поверила, что-нибудь соорудит и все кончится хорошо. Как – не понятно, но хорошо. На том и успокоилась.

В один теплый вечерок, когда Иван Дмитриевич укатил в краткую командировку, а возможно, отправился к шлюхам проветриться, раздался звонок, и в запинающемся, хмыкающем голоске на том конце связи Вика узнала П.С. Перепонова. Ее герой попросил о встрече и наотрез отказался пояснить, откуда узнал номер. Хотя Вика без сомнения догадалась: кто-то из своих метко отомстил. Ничуть не сомневаясь, зачем объявился тип, она запаслась наличными и отправилась на встречу, отказавшись от сопутствия тетки.

Место было назначено там же, в парке Горького.

П.С. Перепонов нервничал, что выражалось резкими подергиваниями головы и суетливой мельтешней рук. Даже издали казался потасканным, как всякий неудачник, пытающийся гордо держаться. Попросив ангела не оставить ее в тяжкий час, Вика шагнула навстречу.

Заготовленная улыбка П.С. Перепонова скисла, как только рассмотрел выпиравший

животик. Однако актерский талант, хоть и примитивный, выручил. Звезда массовки принялся изливать поток жалоб, обид и сожалений, что был так счастлив и хотел разделить это счастье с ней, а она так некрасиво поступила с ним, и он все время мучился и страдал, пытался найти ее, а она совершенно забыла про их любовь с первого взгляда, и тому подобное. Вика терпеливо слушала причитания, при этом убеждаясь: как мало похожи внутренне наружно схожие мужчины. И спросила только одно: каким образом был найден ее телефон.

П.С. Перепонов попытался разыграть трагическую сценку оскорбленной невинности, даже исторг причитание, но Вика помахала перед носом опешившего любовника тонкой пачкой долларов и потребовала правду. Актеришка для приличия отнекивался, но как только пачка вернулась в сумочку, стал покладист. Его нашел человек, назвавшийся частным детективом, по описанию походивший на уволенного охранника, и предложил за небольшую плату телефон пропавшей возлюбленной.

Рассчитавшись, Вика попросила забыть ее номер, если не хочет больших неприятностей, и вообще забыть, что они когда-либо встречались. П.С. Перепонов послушно кивал, но поинтересовался, на каком она сроке. Вика отрезала: этот ребенок к нему не имеет никакого отношения. П.С. Перепонов расставался с печальной слезой в голосе, хотя скрылся торопливо, словно спешил потратить свалившееся богатство. Но Вика чувствовала, что так просто история не кончится. Разумно рассудив, что узнать об актеришке можно было, только следя за ней, немедленно пришла к горькому выводу: она увязает все глубже.

Как только Иван Дмитриевич снял после возвращения галстук, Вика залилась слезами. Подвергнутая строгому допросу, не случилось ли что-нибудь с ребенком, она рассказала ужасную историю: охранник, которого попросила уволить, сегодня позвонил и стал шантажировать, якобы у него есть доказательства, что ребенок не от Ивана Дмитриевича. А причина в том, что он приставал к ней, но она жестко отказала и лишь из стеснительности не рассказала мужу.

Иван Дмитриевич не показал взыгравшее бешенство, но успокоил жену, что звонки больше не повторятся, она может ни о чем не беспокоиться. Так и случилось. Следующее утро мстительный охранник встретил кучкой обгорелых костей в выгоревшей квартире. Причиной несчастного случая была непогашенная сигарета, как установило краткое следствие.

Узнав подробности из хроники происшествий, Вика не столько обрадовалась, сколько предалась отчаянию. Беспощадность Ивана Дмитриевича не оставляла шансов. Надо было что-то делать, только непонятно что. И ангел молчал. Зато дал о себе знать П.С. Перепонов. Крайне торжественным тоном попросил о встрече, потому что ему надо сообщить нечто важное. На продолжение шантажа это не походило, и Вика отправилась в дешевый ресторан на окраине Москвы из любопытства.

П.С. Перепонов встретил в своем лучшем костюме, который неплохо сохранился с выпускного вечера, и одарил букетом гвоздик в целлофане. Мужчина гордо заказал шампанского, и пока его несли, заявил, что переосмыслил свою жизнь и все понял. Краткое резюме этого необыкновенного события заключалось в том, что Вике предлагалось связать свою судьбу с ним, развестись с мужем и начать новую жизнь. П.С. Перепонов обещал работать за троих, чтобы обеспечить Вику и будущего ребенка всем необходимым. Причем был уверен, что дитя принадлежит ему. И вообще полон надежды, что Вика тайно любит его, и чтобы не подвергать любимую испытанию, готов сам поговорить с супругом, как мужчина с мужчиной.

Год назад прежняя Вика, возможно, приняла бы предложение руки и сердца П.С. Перепонова со слепой радостью. Нынешняя Вика стала лихорадочно думать, как справиться с бедой.

П.С. Перепонов благородно не торопил с ответом.

Вика попросила два дня на размышления.

Когда пришел срок, она предложила поездку на романтический пикник.

На берегу лесного озерца был расстелен плед, выставлены бутерброды и батарея водки. П.С. Перепонов жадно облизнулся на бутылки и немедленно занялся поглощением, заливаясь соловьем о счастье тихой семейной жизни любящих сердец. Вика подливала и поддерживала разговор о милых подробностях их совместного быта. От чистого воздуха и влюбленности П.С. Перепонов хмелел стремительно, скоро язык его стал заплетаться. Вика налила полный стакан и подняла тост «за любовь». Из последних сил П.С. Перепонов осилил до дна и упал без чувств. Оглядев окрестности, Вика подхватила тело за плечи, доволокла к кромке воды и уронила лицом вниз. Волны потянули тело в глубину, из пьяного сна актеришка прямиком нырнул в вечность. Несчастный случай, с кем не бывает, выпил человек, упал в воду и все концы там же.

Выждав, чтоб уже наверняка не выплыл, Вика тщательно собрала следы, села в машину и уехала в Москву. Все произошло так просто и чисто, что она не успела даже занервничать. Никаких последствий для беременности это происшествие не имело. Так что ровно в положенный срок отправилась рожать в лучшую клинику столицы, заранее выбранную Иваном Дмитриевичем, готовясь к разоблачению и непредсказуемому концу.

VIII

Ночи не было. Светлый купол не потемнел, и звезды не проклюнулись. Идеальные деревья отражались в мраморной плитке. Живность ленилась стайками.

Сна или усталости он не чувствовал. Другое требовалось: срочно излить накопившиеся вопросы хоть на кого-нибудь. Как найти Витьку? Даже его нового имени не знает. Тиль бесцельно сидел на Мусике, вертя головой. Кругом было одно и то же. Тишина и покой.

Напротив всплыл рекламный билборд, один из тех, что торчат по краям трасс. Пространство щита зажглось снопом искр, закружился вихрь звезд, галактики взорвались Большим взрывом сотворения Вселенной, и на поверхность выплыла надпись, отливающая живым золотом: «Шоу Бэнни».

Тиль успел моргнуть, а на билборде уже вовсю улыбался прилизанный красавец, облитый фраком в блестках, трепетно сжимавший микрофон. На самом кончике акустической головки кокетливо растопырилась пара крылышек. Глядя прямо на зрителя, красавчик растянул улыбку до опасной широты и громогласно рявкнул:

– Да! Да! Да! Вы ждали, и мы пришли! Мы снова вместе! Встречайте! Это долгожданное! Любимое! Неподражаемое! Шоу кого? Ну, конечно! Это шоу Бэнни!

Противная манера растягивать последние буквы протяжным эхом, словно у несчастного животного рвали хвост. За кадром разразился восторг невидимой публики, так что и Тиль невольно похлопал в ладошки. Бэнни благодарно поклонился.

– Сегодня у нас в студии только один, но важнейший, поразительный и неповторимый вопрос: кем ты хочешь стать!

Опять раздавался гром. Волевым жестом Бэнни навел тишину.

– Что выбрать: Ж-ангел или М-ангел? Вот в чем вопрос!

Никто не объяснил Тиллю, что есть разные ангелы. А еще говорят: телевидение полирует мозги. Вот, пожалуйста, важная информация. Ангельское телевидение полезно.

– Давайте узнаем подробности. Да! О да! Стань Ж-ангелом, и ты будешь помогать умным, честным, сильным, полезным и замечательным, мудрейшей половине овец, ее надежде и опоре... Кому? Ну, подскажите мне! Да! Мужчинам!

Невидимая студия содрогнулась от шумной радости.

Бэнни замахал:

– Нет! Нет! Нет! Мы не будем спешить. Ведь есть еще М-ангел. Правда? О да! Что же сказать о них? Дайте подумать... Ну, конечно. Стань М-ангелом и будешь опекать нежных, ласковых, сладостных, очаровательных созданий, лучшую половину овец, которых по ошибке назвали... Ну, помогите мне, я боюсь это сказать... Нет? Ну, конечно – женщинам!

Свист и улюлюканье захлестнули экран.

Бэнни сморщился, как от пропущенного гола, и вдруг наставил палец в экран:

– А кем ты хочешь стать, Тиль?

Застал врасплох. Вопрос поставлен ребром. Наверное, досье Аленки не сильно отличается от других. Обычных, нормальных, среднестатистических женщин, то есть – овечек, мечтающих о тихом семейном счастье с яростным и неповторимым сексом, с умными, послушными и прочно здоровыми детьми, лучше сыновьями, но, конечно, не без сладких дочек, с вечно молодыми мужьями и быстро стареющими подругами под свое не меняющееся отражение в зеркалах. Чтоб полной чашей на зависть другим и как бы хотела мама. Выбирать не из чего.

– Я бы в Ж-ангелы записался.

Бэнни издал вопль разогнавшегося паровоза, яростно крутя рукой, как пропеллером:

– О да! Он ответил! Потрясающе! Великолепно! Поздравляю! Ты можешь быть только М-ангелом, Тиль!

– Почему? – не удержал досады обманутый ангел.

– Таковы правила. Их не изменить.

– Можно было не спрашивать...

– Каждый должен иметь право выбора. Даже если его нет! Это наше шоу!

Билборд провалился без следа. Ровная поверхность плитки отражала чистоту.

Может, проверка на прочность? Реклама соврет – недорого возьмет. Даже ангельская. Захотелось разыскать под кожей комбинезона хоть каплю надежды. Но ее не нашлось. Почему-то он знал твердо: быть ему М-ангелом, и никем иным. Если, конечно, справится. Значит, от женщин никуда не деться. В той жизни Толику помогал драйв иллюзий. Тиль видел каждую насквозь. И даже больше. Как же их опекать – таких, какие они есть на самом деле. Как быть их ангелом? Неужели это то, о чем предупреждал добряк 33-32? Все равно. От сверкающего мира остались серые осколки. Надо готовиться к испытаниям.

– Чем-то опечален?

Художник стоял спиной, прикрывшись от невидимого солнца широкими полями соломенной шляпы. На подрамник живописного мольберта натянуто беленое полотно, изредка прочерченное контурами.

– Возникли сомнения?

Герр Гессе как раз прицеливал кисть к рисунку, на палитре растеклась лужица бледных красок.

– Расскажи, что тебя тревожит, ја.

Хотелось узнать так много, расспросить и понять, что в рот не вмещалось. Тиль мужественно выбрал самое горячее:

– Я обязан быть ангелом женщины?

Под легким мазком на полотне проявилась цветная полоса:

– Срединное небо устроено милосердно. Ж-ангелы и М-ангелы не могут находиться вместе. Мы не знаем их, они не знают нас. Разделено непреложно. Это мудро. Избавляет от многих мучений, которые досаждали Там. История с твоим ангелом – хороший пример. Иначе такие драки случались бы регулярно. А так – у них свои овечки, у нас свои. И по-другому быть не может. За нарушение правила – Исключительное Наказание, natürlich. Ты должен оценить, что стоило твоему Ж-ангелу пробиться сюда, чтобы... Надеюсь, понятно.

Картина проступила контурами голубых деревьев.

Тиль решил идти до конца:

– Если я ангел, где крылья?

Гессе еле приметно улыбнулся:

– Не торопись. Ты ангел-кадет.

– Я хочу крылья. Модели Сикорского.

– Ну, зачем тебе крылья, мальчик, у тебя «Ниндзя». На самом деле, ты хочешь спросить про другое.

Тиль счел, что нагло врать не получится, и выпалил:

- За что дают штрафные?
- Нет, не то.
- Как общаться с другими ангелами?
- Nein, совсем не то, холодно. Что тебя на самом деле волнует.
- Набравшись мужества, он спросил:
- Почему в ангелы попал я?

Кисть, только что наведенная к полотну, застыла. Гессе глянул сквозь кругляшки очков:

– Вот правильный вопрос. Ты здесь есть случайно. Вина или непростительная ошибка нашего коллеги. Оставил свой пост у древа, и ты свернул не туда. Ты здесь чужой. Ты даже не знаешь, отчего оказался здесь.

- Меня сбил грузовик.
- Это не совсем так.
- Имеет значение?
- Очень большое. Но если ты оказался здесь, значит, у тебя должен быть шанс.
- В ад не загреметь?
- Ты сказал глупость, фу. – Гессе принялся за рисунок и продолжил, не повернув головы: – Каждый ангел, Ж или М, мечтает только об одном: о Хрустальном небе. Он знает, что может туда попасть. Он знает: если нести службу достойно, ему будут списывать штрафные. Когда-нибудь, конечно, не скоро, он сможет попасть на Хрустальное небо. Ради этого служат ангелом. Но у тебя всего вечность в запасе. И в этом есть сложность.

Открыв было рот, Тиль намерился разобраться по-крупному, но его перебили:

- Опоздаешь на урок, мальчик.

Поправив шляпу, Гессе принялся вытирать кисть. На полотне буйствовал красками Прованс: поля цветов, одинокие кипарисы и кучерявое облачко в бирюзовом небе. Пейзаж неместной натуры выглядел похоже, но кривовато, как у самоучки.

Любой художник, кроме денег, ценит похвалу. Тиль собрался быть щедрым к председателю Милосердного Трибунала, но случайно моргнул.

Там, где стоял мольберт, возвышался пологий холм. На макушке торчал лысый куст, обгоревший до угольного налета, вокруг расшвыряли обломки каменных плит с вырезанными закорючками еврейского алфавита. Один из фрагментов скрижалей использовал под сидением знакомый летчик. Ангел-кадет 897-й был тих и мрачен, как море перед штормом.

Оставив дружеские приветствия на другой раз, Тиль с Мусиком подошли молча, примостились рядышком. Обломок с письменами на ощупь зада был остр и холоден.

- Налетался, сокол? Много впечатлений?

897-й уставился в пересохшую почву:

- Славно, весело и беззаботно.
- Отчего грустен?

Летчик посмотрел прямо:

- Действительно хочешь знать?

Толик не очень любил чужие откровения, вернее – на дух не переносил соплей и жалоб, но ангелу, видимо, положено сносить терпеливо. Все-таки одноклассник, надо быть в контакте. И потому рассыпался в уверениях искреннего интереса.

Пилот мрачно сообщил:

- Я в полной растерянности.
- Это ты на самолете в гору заехал? – вдруг ляпнул Тиль.

897-й резко обернулся:

– Знаешь почему? – спросил он с таким надрывом, что стало ясно: исповеди не избежать. – Ее звали Доллорес. Ведьма с черными волосами и бешеным взглядом. Около нее увивались все богатенькие, на разные лады перья распускали. А у меня ничего не было. Я стоял в стороне и только смотрел. И это ей понравилось, она решила выбрать меня назло

всем: достанусь тому, кто меньше всего достоин. Я дал слово, что она ни в чем не будет нуждаться. Я хотел стать истребителем, но ради нее пошел в гражданскую авиацию, учился и работал за троих. Чтобы у нее было все. Когда окончил летную школу, мы поженились. Я стал летать на дальних пассажирских. Возвращался, Доллорес встречала, говорила, что любит. Только ей все время было мало денег. Тогда я устроился в частную компанию возить туристов. Денег хватало, но дома перестал бывать. Виделся с ней раз в неделю, не чаще. Я очень хотел детей, но Доллорес сказала, что спешить не стоит, сначала кредит на дом, машину и что-то там еще. Я все терпел. Потому что любил ее, потому что верил, что она меня любит. И вот как-то раз возвращаюсь раньше обычного – рейс отменили – и вижу: она собирает чемоданы. Я спрашиваю: что случилось, любимая. Доллорес говорит: у нас все кончено. Оказывается, пока я летал, она бурно крутила роман с каким-то продюсером. И сегодня они уезжают в Лос-Анджелес. Ей ничего не надо, оставляет все, просит развод и чтобы ее простил и нашел свое счастье. Я не стал ее убивать, ушел в гостиницу. И сразу попросился на рейс, была не моя очередь. Село пять американок, раскрепощенные, богатые, свободные дамы, пили и оралы, как ненавидят мужчин, и какие те подонки, и как их надо проучить, вытянув все деньги и соки. У меня в голове что-то замкнуло. Заложил вираж и пошел на ближайшую гору. Чтобы их всмятку. Чтобы не принесли горя таким же простым парням, как я. Чтобы очистить от них землю. Вот как.

Надо бы выразить сочувствие или подставить дружеское плечо, но опыт Толика был на стороне лихого продюсера. Такие, как этот летчик, рождены, чтобы носить украшение оленя. Толик много постарался для победы животной справедливости. Одни работают, другие – имеют. С этим ничего не поделать. Малыш попал под раздачу, и его совсем не жалко. Чтобы не казаться равнодушной свиньей, Тиль выжал:

- Отомстил, значит, герой? Так о чем печаль?
- Я был у Доллорес, – мрачно сообщил ангел-кадет.
- Уже покорила Голливуд?
- У нее есть ангел. Скажу по секрету: он позволил увидеть досье.
- Понятно...

– Нет, Тиль не понятно, – неудавшийся истребитель разошелся. – Все пять лет, что Доллорес была со мной, она наказывала себя за глупость, которую сделала. Понимаешь? Я был ее наказанием. Она заставляла любить меня. Я отдавал ей все сердце, все мысли, все силы, верил, что наша любовь – это самое светлое, что может быть. А на самом деле был машиной зарабатывания комфорта. И больше ничего. Доллорес симулировала любовь. Даже в постели. Знаешь, как она кричала подо мной? Я был не просто дураком, я был слепым щенком, которого водили на поводке. Я не нашел даже искры любви. Одно желание. Это так больно. Я презираю их всех.

Похожие мыслишки бередили Тилу, но в этом он не признался бывшему рогоносцу, а лишь похлопал по плечу:

– Ничего, брат-ангел, всякое бывает. Нам же сказали, что молодому ангелу в досье любимых заглядывать не стоит.

Про рубиновый камешек и спрашивать нечего – все и так ясно.

Неторопливой походкой подплыл капитан. 898-й насвистывал песенку, пребывая в отличном настроении. Выбрав скрижаль, удобно приземлился и потянулся:

- Как дела, коллеги?
- Отлично, – ответил Тиль за двоих. – Проветрился?
- Великолепно! Фантастика! Неподражаемо!
- Досье видел?

898-й приложил палец к губам:

– Это большой секрет. Не вздумайте болтать герру Сведенборгу.

Как по команде послышался стук трости, из-за пригорка показался парик в буклях, а под ним и весь господин учитель. Сведенборг раскачивался так, словно хромал на обе ноги. Лицом мрачен, брови скошены, барометр настроения показывает бурю.

Ангелы-кадеты подскочили и встали в стойку «смирно», Тиль замешкался, но вытянулся, как остальные.

– Мег’завцы! Бездельники! Тг’утни! – рявкнул учитель, еще одолевая пригорок. – Как стоите, олухи! Смиг’но! Г’уки по швам, глазами есть! Я вам покажу бездельничать!

Палка с мордой льва описала круг в опасной близости носов. Тиль невольно отшатнулся. Заметив, Сведенборг взъярился:

– Ангел-кадет... тьфу,... Тиль! Как ангел должен поступать со своей овечкой?

– В каком смысле?

– Штг’афной! За что ангел получает штг’афные?

– Я не знаю, герр...

– Штг’афной!... Ангел-кадет 897-й! Отвечать!

– Ангел получает штрафные, если овечка не следует должному! – браво отрапортовал летчик, недавно печальный.

– Ангел-кадет 898-й! Как ангел оп’еделает лучший выбог’ для овечки?

– По своему усмотрению, герр учитель! – горел усердием капитан.

Сведенборг погрозил палкой и гаркнул:

– Мег’завцы! Слюнтяи! Недоучки!.. Сесть!

Буря стихла внезапно. Озверевший учитель принялся мирно теребить подбородок, борясь с размышлениями. Никто не смел шелохнуться.

Сведенборг вдруг улыбнулся беззащитно и растерянно:

– Потрачена жизнь на то, чтобы написать тома про небеса и ангелов. Казалось, мне являлась сама истина. А ведь я, мальчики, был слеп, как старый крот. Ну, откуда мог знать, как попадают в ангелы. Откуда мог знать, что ангелами становятся отниматели жизни: солдаты, бандиты, хирурги, акушеры абортот, охотники, киллеры, грабители, полицейские, мясники, террористы, спецназовцы, генералы, банкиры, надзиратели, палачи, самоубийцы, ковбои, снайперы, водители, адвокаты и прочая шваль. Как можно было догадаться, что им суждено отбывать не в месте, которое Там называют «ад», а здесь, у нас. Кто мог знать, что расплата за отнятие чужой жизни будет так чудовищно велика. Ведь это пикантно, не находите, господа?

Ангелы-кадеты переглянулись, но поддакнуть не смели.

– Ведь в этом есть особая прелесть. Вот, например, ангел 17-89, называвшийся овечкой Наполеоном. Знаете, где он? Нынче присматривает за продавщицей лапши в Гонконге. А овечка Чингисхан? Опекает украинскую проститутку в Мюнхене. А овечка Гитлер? Как паинька – ангелом у еврейской домохозяйки с пятью детьми. Да и вы, маленькие подонки, разве не заслужили гореть в смоле или хоть жарить ваши подлые задницы на сковородках? Так ведь нет – будете ангелами. Почему, я спрашиваю?

Тиль сделал то, чего никак не ожидал: поднял руку.

– Лично я, герр учитель, убивал только мух и комаров.

Сведенборг отмахнулся, как от приставучей осы:

– Кого это интересует? Наверняка – не меня. Разве не великая трагедия, что человек, проживший серенькую жизнь, ничего не сделавший, кроме как отслужил мельчайшей пылинкой, получает покой. А дерзновенные и сильные, которые не боялись ничего и вели за собой, обречены быть ангелами. Где разгадка этой несправедливости?

Ему не ответили.

Палка, описав круг, приземлилась на плечо учителя. Внезапно повеселев, он сказал:

– Не будем предаваться унынию. Вас обучили, как пользоваться досье овечки и видеть ее варианты. Очень мило, что коллеги избавили меня от этой рутины. Первым делом вы сунули носы в жизнь тех женщин, что имели к вам отношение. И нашли много неожиданного. Это будет уроком. Когда станете опекаль овечек, помните, кто они на самом деле. И не питайте иллюзий.

Сведенборг исследовал ангелов-кадетов, но троица осталась невозмутимой.

Отважился Тиль:

– А Хрустальное небо?

Учитель подправил съехавший парик и настороженно спросил:

– О чем это вы, ангел-кадет?

– Мы сможем попасть на Хрустальное небо?

– Ах, вот что... Разумеется. Для того и служат ангелом, чтобы попасть на Хрустальное небо. Именно для этого, конечно, – Сведенборг оперся на палку. – Запомнить урок. Второй закон ангела. Ангел не имеет права договариваться с другим ангелом о поступках и судьбе овечки. Это значит, вам придется все делать самостоятельно. Помощи нет, и ждать неоткуда. Советов никто не даст. Ангел один на один с овечкой. У ангела друзей нет. Разбирайтесь как хотите. Обучение окончено. Курс выпущен.

Ангелы-кадеты послушно вскочили.

Мастер заковылял по склону, шаркая туфлями пыль и сбивая камешки тростью. Как только спина его исчезла за холмом, 898-й натужно заржал:

– Отлично разыграли! «Большая тайна», «никому не говори, а то штрафные выпишут». Умереть от смеха, если бы уже не сдохли.

– Нас уже обучили? – Тиль не мог поверить в такую удачу. Или наоборот.

898-й взобрался на камень и принялся рассматривать даль:

– Все, что нужно, я знаю... А не видать что-то Хрустального неба.

Зато летчик опять сник и, закрыв ладонями физиономию, пробормотал:

– Дерьмо! Что я наделал!

Сблизившись с 898-м, Тиль спросил тихонько:

– Ты видел свою девушку?

– Нет, – беззаботно ответил он.

– Неужели не нашел?

– Незачем искать. Маргарет я утопил вместе с муженьком. Запер их в каюте и открыл кингстоны. Красивая смерть. Кричали сильно, пока не захлебнулись. Яхта крепкая, надежная. Долго тонула.

– А сам?

– Пил коньяк, пока не ушел под воду. Как положено капитану. Хо-хей!

– Не жалко?

– Так ведь сука.

– Доллорес! Будь ты проклята! – затянул 897-й.

Слушать душещипательную мелодраму не было никакого желания. Надо срочно, любой ценой, за любые штрафные разыскать Витьку. Хоть мозги пудрить не будет.

Оседлав Мусика, чтобы рвануть куда угодно, Тиль, непонятно для чего, оглянулся.

Кривой пальчик Савонаролы подзывал. Неприятно, но послушаться нельзя.

Подрулив к монаху, будто делая жест вежливости, Тиль лихо соскочил с мотоцикла, хоть и мертвого.

– Рад вас... – начал он, но израненная ладошка приказала заткнуться.

– Ангел-кадет Тиль, тебе оказана высокая честь.

Монах улыбнулся. Любой грешник согласился бы провести недельку в аду, лишь бы избавили от этого зрелища. Казалось, улыбается не человек, а василиск, мечтающий порвать живьем на запчасти.

– Спасибо, донн Джироламо, – кое-как выдавил Тиль. – Что надо делать?

– Тебе назначается овечка. Торжествуй.

В глазу Савонаролы мелькнул хищный огонек, но Тиль списал на блики мраморного пола.

– Благодарю, дон Джироламо, но...

– Меня – не за что.

– ...но ведь я только ангел-кадет. Девушка, то есть овечка, молода, и вообще... – продолжая лепетать, необъяснимым образом он уже знал, кто выпал ему.

– Не печаль. Ты знаешь достаточно. Многие ангелы довольствовались куда меньшим.

А у тебя такие способности общения с грешни... с овечками.

– Когда прикажите приступить?

– Денька два-три, отдохни, оглядитесь, соберись с мыслями.

В противной роже крылся подвох. Почуяв неладное, Тиль переспросил:

– Когда, простите?

– Немедленно, ангел-кадет! Как можно скорее! Срочно!

Удержавшись, чтобы не отдать честь неприятному субъекту, Тиль запрыгну в седло:

– Сделаю, что смогу.

– Да уж, постарайтесь ангел-кадет. И помните: у вас в запасе одна вечность. Получите назначение! – Рука в капюшоне щелкнула над головой Тиля.

Чуть выше взгляда, так, чтобы не мешать, но всегда находиться в поле зрения, вспыхнуло и замерло перышко, каким писали при свечах.

– По итогу прошлой жизни у тебя скопилось...

Перышко вздрогнуло, ожило и начирикало цифру с пятью нулями.

– ...не так уж много штрафных. За уроки тебе выписали...

Подлая самописка добавила три сотни.

– ... тоже мелочь. Поэтому за первую овечку тебе, как любому ангелу, нельзя скопить больше миллиона штрафных. Это не много, поверь.

Легко прикинуть: если девчоночка протянет лет восемьдесят, запаса может не хватить. Шустрые они – женщины, то есть теперь для него – овечки, так разойдутся годам к тридцати, что штрафных не хватит.

– А если переберу?

Савонарола нехорошо осклабился:

– Не советую.

– Как мне узнать, что овечке делать правильно, а что нет?

– Ты ангел, ты и решай. Выбирай варианты... По-моему, тебе пора.

– Подождите, но как я буду ангелом без крыльев...

– Крылья надо заслужить. Пользуйся мотоциклом. Это все, ангел-кадет?

– Еще мгновение, дон Джироламо. Если спишут все штрафные, я попаду на Хрустальное небо?

Монах стремительно удалился, сверкая пятками в мраморной плитке.

В призрачной надежде заметить Витьку Тиль огляделся, но, кроме ленившегося зверья и скучающих деревьев, не обнаружил ничего дельного. Он уже взялся за ручку газа, когда выросла объемная тень, выступившая багряно-красным платьем. Субъект воровато огляделся и подмигнул:

– Как дела, ангел-кадет?

Тиль демонстративно скрестил руки:

– Спасибо, сеньор Торквемада, благодаря вашим стараниям – хуже некуда.

– Какие могут быть обиды, – кардинал сокрушенно вздохнул. – Понимаешь, такой матч, пропустить не хватило сил. Каюсь, но страсть сильнее. Уж такую гадость придумали проклятые еретики с мерзкого острова, так бы и послал на костер. Не могу оторваться. Футбол любишь?

Ангел-кадет неопределенно пожал плечами. На самом деле к спорту был глубоко равнодушен. Ну, если только гольф...

– Молодец, – похвали толстяк. – Скоро наш «Реал» будет с «канонирами» драться, хочешь со мной?

– Можно.

Близкое знакомство с членом Трибунала, хоть и милосердного, не бывает лишним. Даже на Срединном небе.

– Беллissimo! Благодарю! – Кардинал умыл лапки и заговорщицки спросил: – Может, помочь чем? Подсказать...

– Как понять, что для овечки правильно?

Кажется, вопрос поставил сеньора Томаса в тупик. Засопел, живот заходил волнами, толстые ряшки нервно дернулись. Овладев нервишками, подманил на близость и сдавленным шепотом выжал:

– Дело в том, что это никому не известно.

– Но как же... – удивился Тиль.

– Вот потому ангелам несладко. Держись, кадет, еврокубок скоро!

Кардинал хлопнул по плечу дружески и подло смылся. И Витька где-то шляется, ангел-вояка. Смутная тревога заворочалась где-то там, где предполагалось наличие души, которой ангелу не полагалось. Недомолвки и намеки как будто заманивали в западню, из которой не выбраться.

Что поделаться, такова, видно, доля ангела.

IX

Часы, отмеренные до главного события в ее жизни, намного более важного, чем у любой среднестатистической роженицы, Вика пребывала в необычайном настроении, в котором перемежались желания выброситься с третьего этажа или тайком наестся таблеток. Она сидела на кровати, тупо уставившись в матовую стену экстракомфортабельной палаты, не обращая внимания на телевизор, цветы и обильный выбор деликатесов на любой вкус. Мыслей не было. Вика перестала думать и только слушала незатихающий гул, доносившийся непонятно откуда. Попытки разговаривать с ангелом закончились нехорошим молчанием с его стороны, а молиться кому-нибудь ее не учили.

Если бы роды продлились хоть на день больше, трудно сказать, что осталось бы от ее личности. Но все сложилось благополучно. Схватки начались внезапно, но вовремя. Она еще надеялась рожать в палате в одиночестве, чтобы навредить под видом несчастного случая. Но инстинкт матери или животный страх, кто знает, заставили нажать кнопку экстренного вызова.

Роды она не запомнила.

Вернее, помнила, как будто все было обернуто в мутную вату, двигались тени, пятна, силуэты, свет жесткий голубой бил, кажется, кто-то кричал. Потом послышался чей-то совсем чужой плач. Больше ничего не осталось. Но по вытянутым лицам сестричек, отводившим глаза, поняла, что наговорила больше, чем надо.

Ивана Дмитриевича почему-то не было.

И ребенка не было.

Вика уже обрадовалась, что природа забрала дань, но в палату вошел главный врач, успокоительно похлопал по ладони, сказав, что при родах всякое бывает, и не такое кричат, не стоит об этом переживать. А Вика и не переживала. Потому что ничего не помнила. Но вежливо согласилась. Врач же принес добрую, как он думал, весть: ребенок родился здоровенький, три сто, девочка, сейчас ее дадут матери. Внесли сверточек и бережно положили на грудь. Первое соприкосновение матери с дочерью решает их совместную судьбу: как глянули, как посмотрели, как задышали вместе, внутреннее чувство двух женщин, одной уходящей, а другой идущей ей на смену, будут держаться невидимой ниточкой с этого мгновения. Зажмурившись, Вика заглянула в лицо своему ребенку.

Сморщенное яблочко смотрело не мигая, словно спрашивая, кто ты и что со мной сделала, для чего вырвала из теплой и уютной утробы, зачем выкинула в чужой, непонятный и страшный мир. В детском личике не было любви. Или Вике так показалось. Не так важно. Потому что она испытала невиданный страх и глубочайшее отвращение к кусочку красноватого мяса. И ради этого комочка подвергла свою дорогую, чудесную, замечательную жизнь страшному испытанию. Ради него может погибнуть внезапно и случайно. Ну, почему не родился мальчик, так бы все было просто.

Сверток шевельнулся и издал утробный звук.

Кажется, есть хочет.

Представить невозможно дать свою грудь, чтобы это высасывало из нее молоко и жизненную силу. Более мерзкого существа она представить не могла. Ужас безысходности плотно стянул голову, Вика закричала, истошно, жалобно и пронзительно, как вопит тигрица в капкане. Вбежал персонал, забрал ребенка, занялись ею. Вкололи, напоили, она уснула. Но у Вики пропало молоко.

Иван Дмитриевич собирался появиться на следующий день. Он не спешил, потому что был уверен в благополучном исходе, а дела требовали его присутствия. Позвонил, спросил, как ребенок, поздравил жену и успокоился. Даже не уточнив, кто родился. Так был уверен.

В бессоннице у Вики созрел план. Завтра попросит покормить ребенка и сделает так, чтобы он перестал дышать. Крепко придавит личико, чтобы наступила асфиксия, никаких следов не останется. А потом передаст тельце сестричке, скажет, что наелась и спит. А когда утром обнаружат, будет поздно. И все спишут на внезапную смерть. И она не виновата, и проблемы нет.

Утром приехал сам. Главный врач лично поздравил с рождением замечательной дочки. Иван Дмитриевич поблагодарил и не подал вида, что получил чувствительную оплеуху. Прошел в палату, посмотрел на жену так, что Вика сжалась. На пощаду рассчитывать бесполезно. Не стала оправдываться, врать, только слезы потекли от жалости к себе.

Внесли ребенка, чтобы отец подержал на руках первенца. Ивану Дмитриевичу стало неловко отказаться и, сдержав брезгливость, принял кулек. На него посмотрели огромные, ясные, чистые глазенки, в которых можно было утонуть без оглядки. В каждой черточке, в каждой румяной складочке, как в зеркале, Иван Дмитриевич узнавал свои черты. Детеныш улыбнулся, подмигнул и издал утробный звук «бу!», как будто отдал команду.

Что случилось, Иван Дмитриевич не понял. Словно пронзил столб теплоты и умиления такой силы, какой не испытывал никогда. В холодном и тупом механизме его души ржавые шестеренки дрогнули, издав движение, Ивана Дмитриевича вывернули наизнанку, шмякнули об пол, повозили по потолку, собрали обратно и наподдали хорошего пинка. Не иначе. Таким обалдевшим выглядел.

Случилось немыслимое. Иван Дмитриевич безнадежно влюбился первый раз в своей прочерченной жизни. Застоявшаяся животная сила, скопленная за годы равнодушия, со всей бешеной необходимостью ударила в голову, сердце, печенки. Иван Дмитриевич безгранично полюбил свою дочь. Так, что даже забыл, что она – дочь. Потому что это была его дочь. А значит, самая лучшая, замечательная и великолепная. О такой мелочи, как передать дело в надежные руки, он позаботится. Дочь сможет не хуже какого-нибудь обалдую-сына, наверняка сможет. В следующий миг Иван Дмитриевич уже составил план, как будет воспитана и образована его кроха, чтобы стать законной, полновластной и достойной наследницей. И никакого другого ребенка ему уже не надо. Как он мог хотеть сына, болван. Все, с этим кончено. Только любимая дочка. Нет ничего сильнее искренней любви беспощадного человека.

Происшедшему чуду Вика не могла поверить: тот, кому уничтожить любого было проще, чем выпить глоток воды, тот, кто и слышать не хотел ни о ком, кроме сына, вдруг нежно и бережно покачал сверток, а потом вытворил невероятное – осторожно прикоснулся губами к краешку конверта. Происшедшее не имело объяснения, кроме как ангел шандарахнул Ивана Дмитриевича по затылку.

Ребенка унесли. Муж, несколько минут назад собиравшийся стереть обманщицу в порошок, подошел к кровати, поцеловал руку и сказала невозможное: «Спасибо». После чего сообщил, что в качестве подарка она может выбрать между роскошным джипом и бриллиантовым колье. Вика обещала подумать и попросила дать отдохнуть. Иван Дмитриевич деликатно удалился.

Все слова благодарности Вика излила на ангела и заснула таким глубоким сном, что проспала больше суток. Проснувшись в прекрасном настроении, полная сил, четко осознала, что в лучшем случае равнодушна к дочери, но ведь это уже не грозило ее жизни. Перспективы казались более чем радужными.

Любовь Ивана Дмитриевича сразу приобрела безграничные формы. Имя он выбрал не просто редкое, а особенное, порывшись в словарях. Ее называли Фавстина, от латинского «fausta», то есть «счастливая». В домашнем обиходе девочку полагалась называть: Фася, Стина или даже Ина. Но как-то само собой закрепилось Тина.

Для Фавстины Ивановны были созданы условия, которые выпадают на долю не каждого арабского принца, а уж детям королевского дома Британии и подавно. Тина не просто не знала ни в чем отказа. Для нее был построен волшебный, чудесный и радостный мир, который был перенесен Иваном Дмитриевичем прямо и конкретно из сказок. В нем было все, о чем ребенок в состоянии помечтать. За маленьким исключением. В этом мире-сказке почти не было заметно матери.

Иван Дмитриевич не то чтобы отдалил Вику, но как-то получилось, что занимался все больше сам. Вика не пробивала стену отчуждения, а была довольна тем, что имеет. Дочку видела регулярно два раза в день, говорила ей «доброе утро» и «спокойной ночи», а что происходило с ребенком в остальное время, ее не беспокоило. Да и зачем. Об этом заботился штат прислуги, врачей, горничных плюс трепетная тетка.

Что удивительно, Тина, сделав несколько робких попыток поиграть или приласкаться к матери, получила холодную вежливость, обиделась и быстро отвыкла, а уже скоро смотрела на нее как на чужую или особый вид домашней челяди. Иван Дмитриевич не мешал, а быть может, тайно радовался. С женой он прервал исполнение супружеского долга окончательно.

Тина росла быстро. Как-то в пять лет Вика вдруг обратила внимание, что дочь невольно повторяет мелкие ужимки Ивана Дмитриевича, которые, по идее, должны передаваться только с кровью, генетическим кодом и прочей чушью. Ну, не мог же давно покойный П.С. Перепонов иметь с Иваном Дмитриевичем зеркальных привычек. Мало того: Тина внешне очень походила на отца, оставалась при этом удивительно милым и симпатичным ребенком, так что бери и снимай в рекламе.

Не веря ни во что, кроме своей стальной воли, Иван Дмитриевич стал ангелом-хранителем для дочери. Он знал, что после смерти не будет ничего, все надо брать здесь и сейчас, не откладывая и не ожидая воздаяния, а потому старался передать ребенку это четкое и простое отношение к жизни, своей и чужой. Нравоучения Тина слушала внимательно, но обычно заканчивала папины тирады у него на шее.

Когда Тина немного подросла, Иван Дмитриевич стал брать ее в офис, чтобы ребенок привыкал управлять людьми с раннего возраста. Тина не очень понимала, зачем должна сидеть смирно, когда скучные дяди занимаются скучными разговорами, а потому развлекалась в папином кабинете, как только может безотказный ребенок. Члены совета директоров, а к этому времени дело Ивана Дмитриевича уже требовало многоголового участия, терпеливо сносили игрища юной принцессы.

Поступление Тины в школу, и так особенную и закрытую, сопровождалось взрывом родительской паники Ивана Дмитриевича. Ребенка сопровождала группа охранников, один из которых перекрывал класс, другой – лестницу, третий – вход в школу, а четвертый сидел за рулем с включенным двигателем. Верхом паранойи стала бригада «Скорой помощи», дежурившая вблизи забора. Иван Дмитриевич изводил себя, требуя ежечасного отчета на мобильный. Словно ему возвращались муки, причиненные другим.

В классе Тина считалась талантливым ребенком, училась, когда хотела, а когда было лень – бессовестно отлынивала, выдумывая изобретательные небылицы. Иван Дмитриевич прощал двойки, потому что был не в состоянии строго поговорить с обожаемой дочерью, а тем более пригрозить. Но как-то раз, когда Тина бездельничала в пятом классе, он внезапно понял: чадо может остаться неучем. Самому не одолеть кандалы любви, придется передать дело в руки британского образования. Со взаимными слезами и к тихой радости матери Тина была отправлена в частный колледж под Лондоном. Рядом с ней неусыпно находился десант трех охранников, бывших спецназовцев, так что суровая безопасность ребенку была гарантирована.

Попав в ежовые рукавицы закрытого колледжа, Тина попыталась показать характер и

напомнить, кто ее папа. Но английским языком ей объяснили: здесь ее папа никого не волнует. Обязана подчиняться общим правилам и постигать науки. Иначе пойдет вон со всеми деньгами своего папы. Пусть ему будет стыдно, что, заработав капитал, не сумел воспитать дочь. Тина опешила, затихла и вдруг стала учиться с жаром прилежания.

Вполне возможно, в положенный срок она бы вернулась нормальным человеком, но случилось непредвиденная осечка: одним весенним утром Иван Дмитриевич не проснулся. Один из самых богатых людей Москвы умер, как и все, кого обрекал на несчастный случай.

Дочь была шатким, но мостиком, соединявшим Вику с Иваном Дмитриевичем. Как только ребенок перенесся вдаль, супруги стали тем, кем и были: посторонними сожителями. Вика получала на карточку ежемесячную сумму, была приветлива и мила с хозяином, но жила, как ей удобно, впрочем, не зарываясь в измены или интрижки.

Увидев окоченевшего супруга, Вика испытала прилив радости игрока на ипподроме, выигравшего на темной лошадке. Теперь начнет новую, свободную и по-настоящему счастливую жизнь и еще успеет наверстать, еще оторвется за все годы каторги в золотой клетке.

Счастье было так велико, что Вика не огорчилась возвращению дочери. Посмотрев друг на дружку, они молча согласилась быть рядом. Вика сочла, что дальнейшая судьба почти чужого ребенка обеспечена достаточно и потому не должна ее волновать.

Похоронив Ивана Дмитриевича, в положенный день Вика с Тиной приехали к нотариусу узнать последнюю волю.

Завещание было вскрыто и зачитано.

Вникнув в подробности, Вика поняла, что сильно недооценила благоверного: и после конца он придумал умный, хитрый и беспощадный ход, в своем стиле.

Пытка только начиналась.

Х

Апельсин солнца плыл в мареве бескрайнего городского неба. Потоки машин забрызгали тротуары утренней серостью. Но этот дом возвышался над туманом. Прочно царил над Остоженкой чистым фасадом, отгородившись от прохожей суеты кованым забором в игривых завитушках. Пять этажей разделили редкие квартиры, каждая из которых стоила особняка в Лондоне или пентхауса в Нью-Йорке.

Толик обожал этот дом. За вальяжный надменный стиль, за строгую роскошь, за то, что был крепостью другого мира, в который так хотелось попасть. Проезжая или гуляя, всегда разглядывал непрозрачные стекла и мечтал купить здесь жилье когда-нибудь, и тогда наступит абсолютное счастье. Потому что жить в этом доме – одно нескончаемое, безграничное счастье. Как же иначе.

Знакомое строение Тиль встретил без эмоций, напряженно обдумывая первую встречу с овечкой, как ни одно свидание. В старом доме не нашлось прежнего очарования: каменная клетка, да и только. Отовсюду пялились ленивые ангелы, подмигивали и строили удивленные гримасы. Сжав неодолимую робость в кулак и взнуздав Мусика, ангел-новичок ринулся к неизбежному.

До потолка равномерными стеллажами громоздились коробки. Маленькие, крупные, продолговатые, с рисунками и чистыми боками картонок. В каждой хранилась пара. Туфли, сапожки, ботиночки, балетки, босоножки и какая-то невообразимая чушь на веревочках, шнурочках, с пряжками и стразами, из кожи и денима, без задников и выше колена скопились в наглом изобилии. Кажется, карьера ангела началась с оплошности: залетел на склад обуви. Но перышко мирно дремало. Видать, по адресу.

Оставив Мусика в углу, Тиль обнаружил, что находится в гардеробной комнате всего лишь. За ней следовала другая, отданная шеренгам вешалок с блузками, юбками, платьями и всем, во что может облачить себя только женщина. Та, что требовалась, находилась сразу за дверью-купе. Всего-то сделать шаг. Но это оказалось не так-то просто.

Покуда долг ангела казался ясным: знай досье овечки с вариантами и управляй, как вздумается. Но, оказавшись в шаге от подопечной, споткнулся о гадкое чувство: оказывается, ангелы могут робеть и трусить. Паника вспыхнула оттого, что Тиль не представлял, куда и зачем вести овечку. До отвращения не хотелось брать на себя заботу о чужом существе. Послать бы службу куда подальше, вскочить на Мусика и вернуться. Не надо Хрустальных небес, не готов и не обучен. Все равно наберет штрафных и влепят нагоняй. Так, может, сразу, без мучений? Не получилось из него ангела.

Тиль попробовал выдохнуть страх, как живой, но из него ничего не вышло.

И тогда, назло себе, прошел через дверь.

Кремовые шторы не задернуты. Комната наполнилась утром. Эту спальню и слепой не принял бы за обитель женщины. Пустота, серые обои, как в офисе, зеркало узкое, баночки крема не завалилось. Из всей мебели – столик с фоторамкой, телевизор на стене, широкая кровать, тумбочка, стакан с разводами молока, одежда свалена где попало.

Завернувшись в кокон одеяла, спала она. Его первая овечка.

Ангел приблизился, хотя и так было видно: внутри тела клубился черный дым. Ей плохо, и сон не спасал. Наволочку украсила тонкая струйка багровой жижи. Ближняя карточка досье открыла вчерашний вечер: грохот музыки, вспышки лазеров, коктейль разноцветных жидкостей, пара белых полосок в туалете. Достаточно для крепкого мужика.

Бил озноб, овечка вздрогнула и закуталась плотнее.

Должен ангел помогать в таком случае или нет? А если должен, то как именно? Перышко не шевелилось, Тиль занялся досье.

У овечки оказалась, в общем, удачная жизнь. Выросла среди безграничной любви отца, имея все, что только может желать девочка, настоящей принцессой, избалованной, но добродушной. Ангел видел в карточках много отца, доброго и любящего, чуткого и заботливого мужчину, хоть и строгого порой. На редкость мало встречалась мать, у которой с ребенком сложились странные отношения. Еще недавно овечка была счастлива беззаботно, но все изменилось, как только умер отец. Его снимок сиротливо жался под телевизором.

Досье кончилось. Про овечку он знал все. И это мало радовало. Девочка хоть не злая, но самоуверенная, наглая, а порой безжалостная. Привыкла делать что захочет, не считаясь ни с чем. Желания не ограничивались. Если что-то не по ее – шла напролом. Тот еще подарок: в бочке дегтя – ложка меда. Придется хлебнуть штрафных, мало не покажется. И лимита до старости не хватит, разлетится со свистом до тридцатника, одна надежда, что с такими дозами долго не протянет. Поискав рубиновый камешек, скорее для утешения, ангел смирился: овечка не отличалась от других.

В дверь робко постучали, пожилой голос ласково позвал:

– Полдень! Все проспишь, соня...

Овечка не шелохнулась.

– Вставай, деточка, сколько можно лениться...

Не разжимая глаз, она перевалилась на спину.

– Лапушка, вставай. Пора уже, Тиночка...

Нащупав под одеялом что-то твердое, по форме сумочку, овечка размахнулась и швырнула в дверь.

– Пошла на хер, старая сука!

Что думает об этом перышко? Ангелу аккуратно впаляли сотню штрафных.

Женщина за дверью, не разобрав, наверно, куда ей предложили отправиться, с настойчивой лаской повторила:

– Тиночка, все уже собрались, тебя ждут.

– Катись отсюда! – заорала Тиночка, закашлявшись.

– Так мы тебя в холле ждем... – ответили терпеливо. Шаги удалились.

Мутило, голова тяжестью прилипла к подушке. Организм пытался справиться, работая на пределе, черная муть клубилась густо. Тиль видел, как пыхтят печень и почки, но помочь не мог. Да и не хотел. Женщина утром – зрелище чудовищное, с отходняка – вдвойне.

Сражаясь с приливами тошноты, Тина приподнялась на локтях, сползла по одеялу и, пошатываясь, выпрямилась. Толику она достала ростом не выше плеча. Повстречайся ему при жизни, маэстро женщин не стал бы ее окучивать. Худенькое тельце без сдобных женских форм, бедер нет, живот впалый, груди торчат неспелыми сливами, ножки кривоваты, да и мордашка без изысков. Остренький носик, глаза узкие, как будто сняты с отца, угловатая и колючая, как битое стекло. Девочки с такими данными и папиными деньгами обычно – не вариант. Сил угрохать много, а потом, даже если выгорит, ходишь как собачка на поводке, выполняя капризы. Нет, такой клиент был не для Толика, тот слишком себя ценил. А Тилю выбирать не приходилось.

Путаясь в длинной футболке, дрожа и матерясь, овечка добралась до душа, включила на полную мощность кипятик и уселась под водопад. Смотреть на худое зрелище, поджавшее коленки к подбородку, было противно. Тиль отвернулся, но все равно каким-то необъяснимым образом следил за ней. Вот ведь ярмо ангела, никуда не деться.

Не вытираясь, овечка залезла в футболку и, шлепая мокрыми ступнями, выгреблась из спальни. Ангел следовал по пятам.

Стол торжественного завтрака утопал в голубых букетах, сверкал веджвудский сервиз, блеск начищенного серебра отражался в идеальном стекле бокалов. Все, кто имел счастье служить этой семье, собрались в большом холле с лепным потолком и огромным камином, над которым плыла мраморная нимфа. Гувернантки сжимали скромные букетики, повар приготовил куст посолиднее, охранки и водитель, смущаясь, жали стебли роз. Хозяйка дома и старая тетушка, сносившая нелегкую миссию, ждали с коробками подарков. Давил гнет неловкости.

Армия obsługi встретила появление девчонки, как подобает маршалу. Люди сбились в шеренгу, выставили букеты, натянули улыбки и старались не смотреть на мокрую футболку, под которой проступали фигурки грудей. С босых щиколоток капало на старинный ковер.

Британский котяра, изнеженный любимец, возлежал на спинке кресла. Желтые зрачки сузились, а ушки встали дыбом, когда появился ангел. Животное зашипело на незваного гостя, но ему был показан грозный кулак. Кот обиженно мяукнул и дал деру.

Окинув население взглядом, Тиль уяснил причину: ангел здесь был редкостью, повезло только одной овечке. Над ней болтался незримый колокольчик. Но поводыря что-то не видать.

Тина сурово обозрела праздничное сборище:

– Вам чего?

Вперед подтолкнули пожилую тетку в антикварной кофте:

– Дорогая наша Тиночка! – Голос подвел, старушка задохнулась. – В этот славный, э-м-м... чудесный и замечательный день мы от всей души хотим поздравить тебя с именинами, с днем твоего ангела и пожелать тебе...

Как же он проглядел! Сегодня у овечки такой праздник. Самый главный праздник, куда важнее дня рождения, потому что это праздник самого ангела. Родиться – ни труда, ни везения не надо. Выпрыгнул, как пришел срок, и готово. А вот получить ангела – большая удача. Не каждому так везет. Тилю стало приятно и даже немного щекотно, что столько людей собралось в его честь, будут говорить приятные слова и дарить подарки. Жаль, не ему, а тому, кто это меньше всего заслуживает. Но ангелу все равно радость.

Отчитав запасенные поздравления, тетушка засеменила к имениннице, откровенно робея, ткнулась в мокрую скулу и протянула подарок:

– Поздравляю, деточка, от всей души...

Сунув короб под мышку, Тина рыкнула:

– Зря стараетесь. Нет у меня именин.

– Но как же, Тиночка... – опешила тетка.

– Нет у меня никакого ангела. А если бы был... – она мазнула по лицам нехорошим взглядом, – ... вы бы сдохли в мучениях.

Послышались смешки, дескать, шутит ребенок, чего не бывает. К оплеухам домашние

привыкли. А вот Тиль обиделся не на шутку. Можно сказать, не жалея сил, собрался служить овечке, а она ответила черной неблагодарностью. У нее нет ангела, надо же! Да знала бы, какого замечательного ангела ей направили. самого лучшего из лучших из лучших. Даже мотоцикл есть! Паршивая овечка, одним словом. Была бы под рукой молния или что-нибудь тяжелое, Тиль с удовольствием метнул бы в мокрую голову. Бдительное перо записало свежих штрафных, вот ведь гадость.

Торжество продолжалось. Виктория Владимировна, улыбаясь через силу, отдала коробочку с бантиком:

– Будь счастлива, пусть ангел защищает тебя.

Они казались ровесницами, так хорошо выглядела мать и скверно дочь.

Не подставившись для ритуального поцелуя, Тина разорвала обертку. Сверкнуло кольцо. Захлопнув крышку и отправив подарок к первому, именинница буркнула:

– Спасибо, Вика.

Тиль готов был закипеть от негодования, если бы было чем. Да что она себе позволяет! Это не овечка, а монстр какой-то. Мало того что родных оскорбила, так еще штрафных ангелу добавила. Надо срочно что-то делать. Вот только что именно?

Между тем ребенок приблизился к шеренге слуг:

– А вы чего приперлись?

Рядом с ней тени мужчин обретали ясность. Тиль увидел, как побагровел здоровый охранник, как сжались в его кулаке стебельки. Прислуга наперебой кинулась поздравлять и совать букеты. Собирая веник, Тина всем видом показывала, как ей противно, но, заглянув на молодого охранника, хоронившегося в конце шеренги, вдруг спросила:

– Оружие есть?

Парень замаялся и, лишь получив одобрение старшего, подтвердил.

Ему властно протянули ладонь:

– Дай.

– Он заряжен...

– Вот и здорово. Постреляем ради праздничка. Давай...

– Извините, Фавстина Ивановна, не положено, – охранник совсем растерялся.

– Ты не понял? Я приказала: дай мне свою пушку!

– Но...

– Быстро дал! – она зашлась визгом.

Охранник не шелохнулся, по лицу тетки расплзлось выражение кислого ужаса, мать побледнела, а прислуга отпрянула. Парень, нокаутированный истеричными воплями, уже полез в наплечную кобуру, когда прогремела команда:

– Не смей!

– Не мешай, Вика...

– Людей нанимаю я, по контракту они обязаны выполнять мои распоряжения. Я запрещаю вам, Андрей, отдавать личное оружие. Идите, вы свободны.

Зыркнув на мать, Тина накинулась на несчастного служащего:

– Хорошо же... Ты уволен! Понял? Уволен! Пошел вон! – Швырнув на пол подаренные растения с коробочками, уселась за стол и постаралась налить сока. Кувшин дрожал и цокал о край бокала.

Накрыли на троих. Но мать и тетка остались в сторонке. Обслуга с видимым удовольствием покидала веселье. Старший вытолкал молодого охранника с глаз долой.

Сделав глоток, Тина закашлялась. Организм не принимал, дым копился у горла.

Подскочив к овечке и не раздумывая о правилах, Тиль отвесил хорошую затрещину. И волосок не шевельнулся. Ангел бессилен.

Сидя за пустой тарелкой, она пыталась выпить. Хоть как-то.

Виктория Владимировна пошептала с теткой, утешая, и попросила оставить их. Старушка покинула поле боя, украдкой вытирая слезящийся глаз.

Мать села напротив дочери.

– Зачем так... с ними?
– А тебе не все равно? Они же мусор. Что их жалеть. Разве не так, Вика?
– Не называй меня Викой... Пожалуйста.
– Хорошо, Вика.
– Можно тебя попросить?
– Попробуй, Вика.
– Держи себя в руках сегодня вечером.
– Зачем?
– Потому что так хотел бы папа. Считаю, что это прошу не я, а он. Люди, которые приглашены на праздник, работают на нас, но мы зависим от них не меньше. Пойми это.
– Я постараюсь... Вика. – Тина еле удержала подступившую тошноту.

Ангел перестал заглядывать на перышко, и так ясно: выпишут достаточно. Спасибо, овечка, устроила праздник.

Дверь гостиной пропустила тень с букетом, в размере парковой клумбы. Приблизившись к Тине, гость прояснился: благообразный господин, лет пятидесяти, в костюме скромной роскоши, часы чуть дороже небольшой дачи. Виктория Владимировна, не скрывая радости, поднялась навстречу, мужчина церемонно приложился к ее ручке и протянул букет Тине:

– Дорогая именинница! Не смог дожидаться, заглянул пораньше. Сама понимаешь, подарок только вечером. Дай-ка тебя лобызнуть... Что такая мокрая, крошка? Прямоком из бассейна?

Человек был знаком по досье: имел какое-то отношение к отцу Тины, вроде делового партнера. Без особых приглашений, как свой, разместился за столом. Тина, обернувшись хорошей девочкой, поблагодарила, и, швырнув букет на дальний край, спросила:

– Как там наш бизнес, Борисыч?
Борисыч положил себе канапе с черной икрой и половинку вареного яйца:
– Отлично, Тина Ивановна, развиваемся. Ждем только вас.
– Подворовываешь помаленьку?
– Ну, как же без этого! – он хмыкнул и проглотил канапе. Видимо, совсем свой, привык к шуткам ребенка.

– А как у тебя в личной жизни?
– Пока не жалуюсь и на меня не жалуются.
– Значит, с сексом все в порядке?
– В полном и абсолютном, как в наших налоговых документах.
– Наверняка жену обманываешь, проститутку покупаешь?

Виктория Владимировна попыталась пресечь зарвавшуюся девчонку, но Борисыч только улыбнулся:

– Всякое бывает. Но это между нами, ладно, Тина Ивановна?
– Не вопрос. Тебе какие больше нравятся: постарше, вроде Вики, или свеженькие, вроде меня?

– Молодость – она всегда привлекает, – доверительно сообщил Борисыч, потянувшись за другим канапе.

Тиль опомнился, что пора заглянуть в варианты.

Отодвинув неопустевший бокал, Тина спросила:

– Какой секс предпочитаешь: оральный, анальный или тривиальный?

Борисыч раззявил рот, но шустрая овечка опередила:

– Спорим, что оральный? Ну, признавайся?

Мужчина замер, не донеся канапе.

– Я так и знала! – торжествуя, закричала Тина. – А хочешь ради праздничка минетиком угошу? Хочешь? Да ты не стесняйся, Борисыч, все свои. Вика выйдет. А не выйдет, так и не такое видала. Да что ты в самом деле! Я же тебе как партнер партнеру отсосу. Ну как, согласен? Расстегивай ширинку...

Отшвырнув стул, Тина ринулась к намеченной цели. Борисыч невольно сжал колени. Но мужества от него не потребовалось. Всех опередила волна рвоты. Забрызгав брюки гостя и испачкавшись сама, овечка зажала ладошкой рот и оставила поле брани. А потом долго мучилась над унитазом, снова забралась под душ, еще содрогаясь в последних спазмах, проглотила горсть таблеток из сумки и зарылась в постель.

Торнадо утихомирил сон.

К таким гонкам Тиль был не готов. Наплевать на штрафные, и так все понятно, но как приструнить бешеную овечку? Проверив варианты и увидев, что до вечера девчонка будет мирно спать, ангел проскочил стены и запрыгнул на Мусика.

XI

Царил покой. Деревья бросали тень на матовый мрамор, хищники нежились стайками. Благодать кругом. Всем было хорошо. Но не Тилю. Восседа на Мусике, он бился над вопросом и не мог разогнуть. Вопрос мучил, как упрямая заноза. Вопрос был мерзким и скользким. Но поделаться с ним ничего было нельзя: кроме неудержимого презрения, к овечке ангел не испытывал ничего. Ненавистно видеть худосочное тело насквозь, как работают органы и гонят кровь с дерьмом. Ненавистно, что тварь купается в богатстве и совершенно не ценит его. Ненавистно знать досье и варианты развития событий. Ненавистно, что обращается с людьми как с провинившимися рабами.

Что делать, если ангел презирает овечку? Вот в чем вопрос.

Помучившись, Тиль не смог ответить. Зато молодой ангел приметил валун, исцарапанный замшелыми значками вроде рун. На верхушке восседал роскошный орел с гордым профилем и свирепым ликом. Глаз птицы, не моргая, изучал Мусика.

– Привет, – неуверенно поздоровался Тиль. – Не подскажите, где все, ну, эти, то есть на букву «М»?

Орел уставился в ангела, отчего стало зябко, и, картавя, чирикнул:

– Сколько сил?

– У кого? – искренно не понял Тиль.

– У железного.

– Двести, почти... Извините, вы, наверное, тоже ангел, птичий, а не знаете как...

– Вещь! – прогнусавил орел и, перевалившись на лапах, показал спину.

У этого хоть крылья были настоящие, а у Тили только проблемы и никаких крыльев.

От грустных мыслей его отвлек шум.

Невдалеке, если на Срединном небе бывает «невдалеко», резвились двое в черных смокингах. Разойдясь, с разбегу сталкивались животами, от чего разлетались резиновыми мячиками, падали на спины, заливаясь истошным смехом, подсакивали и с не меньшей охотой сшибались опять. Когда им надоело лупить животы, принялись толкаться боками, затем дошло и до спин. Веселье молодняка не нарушало покой. Звери лениво поглядывали, словно такое повторяется с занудным постоянством.

Поблизости никого более человеческого не нашлось, и потому Тиль крикнул:

– Эй, мужчины!

Внимания не обратили.

– Але, парни!

Без результата.

– Ангелы, блин!

Повернувшиеся головы, безусловно, принадлежали летчику и капитану. А вот тела сокурсников здорово изменились, обретая идеал пропорций и рельеф мышц.

– Тиль! Вот это да! – закричал 897-й. – Сюда! Скорей!

– Иди к нам, Тиль-тиль! – подхватил 898-й. – Ура!

Оба молодчика плыли в пьяной эйфории.

С холодным интересом печальный Тиль осмотрел новенькие телеса.

– Откуда у вас это?

Не то чтобы ему захотелось расстаться с комбинезоном. Вовсе нет, столько денег заплатил. Хотя в смокинге он бывал неотразим. Зачем теперь смокинг. Просто бездельники выглядели изумительно. Или, может, профессиональная зависть очнулась.

– А ты почему носишь старье? – с надменным превосходством осведомился 897-й. Дружки перекинулись понимающими улыбочками. Мерзкими такими улыбочками. Нет, их реально поменяли. Куда делась печаль и страдания. Неужели стоит ангелу получить новое тело, как проблемы исчезают?

– Некогда было, овечку назначили, замотался, – врать Тилью было легко, как и раньше. – Вам-то еще рано овечек пасти...

Ангелы синхронно ухмыльнулись, а 897-й заметил:

– Лично у меня первая уже есть.

– И у меня, – поддакнул 898-й.

Стерпев оплеуху, Тиль уточнил:

– Ну и как вам тел... овечки? Мерзкие?

– Лично у меня исключительно замечательная овечка. – 897-й оправил сбившуюся бабочку. – Библиотекарь в библиотеке Конгресса, чудесная, тихая, милая, послушная. Живет с матерью, кроме книг, никаких интересов. После работы – сразу домой. Много читает и даже пытается писать. Не курит, не пьет, про наркотики знает только из газет. Настоящее золото.

– А моя в целом восхитительная. – 898-й подергал за черный бантик на шее. – Представь, Тиль, она – монашка! На самом деле. Бенедиктинка. Живет по монастырскому расписанию. Встает в шесть утра, идет на молитву. Потом скромный завтрак, ранняя месса, целый день хлопочет по хозяйственным нуждам, вечером опять молитвы, послушная, робкая, во всем покорна матушке-настоятельнице, о мирских гадостях речи быть не может. Что скажешь, повезло.

– Между прочим, благодаря поведению моей овечки мне списали уже двести штрафных, – не без гордости сообщил 897-й. – С такой овечкой, думаю, вскоре увидеть Хрустальное небо.

– Неплохо, неплохо. Хотя мне списали больше тысячи. Так что моя перспектива куда ближе. А у тебя как, Тиль?

– Моя тоже вполне... ничего... Молодая, взбалмошная, но девочка хорошая.

– Сколько тебе штрафных списали?

– Не считал, некогда было.

Неужели и ангелам удача улыбается по-разному? Да что же это...

Ангелы-везунчики перемигнулись, грудь выпятив колесом.

– Коллеги, мне совет нужен, – осторожно попробовал Тиль. – Поможете?

– Если не придется нарушать Второй закон.

– Это нет... Просто скажите: как управляете своими овечками? Где у них рычаги? Или педали? Куда давить?

Ангелы задумчиво уставились туда, где предполагались недремлющие перья.

– О-о-о, мне пора, – тревожно сообщил 897-й. – Моя овечка готовится ко сну. Хочу пожелать ей добрых сновидений.

– И мне, – поддакнул 898-й. – Моя как раз проснулась. Пойду, подежурю на мессе.

Негодяи исчезли. Тиль почувствовал себя ребенком, которому забыли положить подарок под елку. Надо бы заплакать, но нечем.

– Как делишки, старик?

Старый друг выглядел уставшим, камуфляжная куртка болталась мешком, словно накачанное тело осело.

– Витька, гад, ты где пропадал?! Ты мне так был нужен!

– Позови ангела по имени, он явится. Вот так, старик.

– И как же звать тебя?

– Ибли, старик. Ибли.

Было в этом имени что-то красивое и сильное, как взгляд кобры. Такую кличку Витька никогда бы не придумал сам. Тиль попробовал на язык новое имя старого друга: был в нем привкус полыни. И никак не желало оно слетать с губ. Поднатужившись, повторил.

Витька одарил Тиля своим фирменный улыбоном, косившим наповал весь женский пол их района, от школьниц до милиционерш: сильным, но беспомощным:

– Чего кричишь, я здесь, старик. Здесь.

– А почему не номер?

– За особые заслуги в производстве ангелов, – он многозначительно подмигнул.

Конечно, хороший десантник изрядно пополняет запас свежих ангелов. Боевой сержант и на Срединном небе незаменим. Тиль уже собрался выяснить главное, но вместо этого зачем-то спросил:

– У ангелов нет друзей, я знаю, но объясни мне как старому другу, раз уж оба мы жмурики: что такое Хрустальное небо? Ради чего напрягаться?

Витька, точнее Ибли, засунул кепи под погон и, как в детстве, почесал кончик носа:

– Хрустальное небо, старик, это как ящик патронов, когда магазин пуст. Как стакан воды после марш-броска. Как запасной парашют, открывшийся у земли. Понял?

Тиль пребывал в тумане.

– Там, брат-ангел, хорошо, как первый раз увидеть океан, как первая рюмка с друзьями, как танец с королевой бала на выпускном. Только секунда счастья не заканчивается, а длится. Понимаешь, вечно длится. Твое наслаждение не прерывается, становится шире, рассыпаясь звездами на гранях хрусталя. Короче: вечный кайф на вечном торче. У каждого – свой. Это Хрустальное небо, старик. Небес много, но ангелы ни за что не хотят уходить дальше Хрустального неба. Это приз. Каждый ангел мечтает о нем. И ради него мучается с овечками. Твой Ж-ангел была в двух шагах от Хрустального неба. Но ты все испортил. За это мало морду набить.

Ожидать от Витьки, даже сменившего имя, такой тирады было нереально. Видимо, Хрустальное небо – вещь стоящая, раз сурового друга развезло в кисель. Прямо захотелось одним глазком взглянуть на чудо. Может, ради него стоит потерпеть овечку...

– А яблоки?

Ибли отразил глухое непонимание.

– В раю ведь яблоки, молочные реки, нектар, все такое.

Бывший сержант нахмурился:

– Это не рай, старик. Не рай. Это Хрустальное небо. Чего звал?

Торопливо и сбивчиво Тиль объяснил, что попал на отвратительную овечку, но это полбеда, хуже, что не знает, как с ней справиться, в общем, уже заработал кучу штрафов и теперь хочет, чтобы...

– Тебе что, старик, так и не сказали? – перебил Витька.

– О чем?

– Как ты здесь очутился.

– Торквемада отлучился на футбол, вот я и...

– Не то. Что Там случилось, знаешь?

Ради друга Тиль мог и повториться:

– Грузовик сбил. Случайно. Я же внезапный...

– Дурак ты, внезапный! – гаркнул Витька и саданул кулаком воздух или, может, эфир. – А еще в ангелы поперся... Тебя убили! Грохнули, как щенка. Завалили. Мочканули. Понял, старик?

– Как? – только и смог выдавить Тиль.

– Не знаю, боец. Не знаю... Разведанные точны. Можешь не сомневаться.

Найти бы решительные аргументы, но они куда-то подевались. Все стало просто и понятно, как в кино: его убрали. Заплатили за работу и подчистили мусор. Какие негодяи. Даже Мусика не пожалели. Повстречать бы того заказчика здесь, за рощей, а уж это поганец

мимо не денется, и убить на месте. Но как ему удалось все подстроить?

– Мысли без меня мусоль, – Витька нацепил кепи. – Еще есть вопросы, ангел?

– И что это значит?

– Честно, старик?

– Не жалею патронов, старик.

– Ты крепко попал. Крепко. Завалишь с первой овечкой, а ты завалишь, все ангелы с этого начинают, и тебя вышвырнут. По-другому спровадить нельзя, а оставлять незачем. Таков Милосердный Трибунал.

– Куда?

– Лучше не знать. Хрустального неба точно не жди.

– Но ведь мне дали целую вечность, может, успею научиться...

– Тебе дали одну вечность. Одну. Это означает: одна попытка. Одна овечка. Один шанс. Другого не будет.

– И ничего нельзя исправить?

– Держись, ангел Тиль. – Бывший Витька двинул друга кулаком в плечо и сгинул. Вот какой он – этот Ибли, тумана напустил и ничего толком.

Перышко ожило и добавило пару сотен штрафных.

Знать, поганая овечка очнулась и что-то вытворяет.

XII

На Том свете Толик искренне верил, что неудачи, разорявшие после особо щедрых дам, были происками злого рока, и старательно не замечал малоприятную истину. Блистательно мороча головы женщинам, он умудрился сохранить наивность провинциала, не привыкшего к законам столицы. Друзья щедро одаживали деньги и запросто спускали на ветер потому, что Толик всегда соглашался винить колебание курса акций или экономический кризис в Юго-Восточной Азии.

Залет на Срединное небо поначалу не вызвал вопросов. Тиль искренно считал, что попал в аварию случайно. Витька посеял сомнения, которые возли мрачной подозрительностью: ему отплатили убийством за честно сделанную работу. Но как у них получилось? В свои планы Толик не посвящал никого. Маршрут движения выучил наизусть и вообще ни с кем не общался. Как же сумели подстроить грузовик на шоссе?

Погрузившись в мрачные раздумья, Тиль промахнулся и влетел в холл. Просторная комната пребывала в тишине. Появление ангела заметил только кот, который порвал с дремотой и уставился настороженно.

Пора наладить отношения с единственным существом, которое его видит.

Прислонив Мусика к камину, Тиль опустился на корточки и пригласил животное знакомиться. Кот приблизился, соблюдая вежливую дистанцию, но когда Тиль погладил по шерстке и почесал мохнатый подбородок, размяк, приластился и заурчал. Пальцы ангела и шерстинки не потревожили, проникая сквозь кожу, но коту нравилось.

Перышко напомнило, что для нежностей не время.

– Веди, приятель, к своей хозяйке, – попросил Тиль.

Кот выгнул хвост со значением и важно потрусил к спальне. Поглядывая, не отстает ли ангел, подскочил к двери и жалобно замыкал под скрежет когтей. Створка приоткрылась, чтобы впустить любимца. Для ангела было узковато, он прошел напрямик.

Посреди разбросанных платьев стояла Тина в ажурных стрингах. Овечка зябла, но упрямо не одевалась. Ничего не съев, успела проглотить две таблетки успокоительного, гнавшие ватный туман по сосудам. Тиль постарался не смотреть внутрь тела. Но и снаружи было мало приятного. Еще не женщина, но уже не ребенок, развившаяся, но не созревшая, казалась недоделанным созданием, скульптурой, которую автор забросил высекать на полпути, от чего будущая красота не различалась в грубых сколах природного материала. Неприязнь крепко владела ангелом, но не осталось роскошного права сложить руки и

наблюдать, как овечка свернет себе шею.

Приложив очередную тряпочку к впалой груди и немедленно отшвырнув, Тина почесала кота, устроившего лежку на уголке кровати.

– Мотька, ты на что уставился, бандит? – спросила она, посмотрев сквозь Тилю.

Ангел подмигнул, дескать, не выдавай тайну. Кот благородно сожмурился.

Расследование, чем занималась овечка без присмотра, не обнаружило серьезных проступков или того, за что бы следовало выписать штрафных. Подопечная держалась в рамках. Ну, буркнула что-то матери и тетке через дверь. Разве за это надо наказывать ангела? Он ведь не нянька. Обидно, честное слово. Правилам не обучили, крыльев не дали, а колоду навесили. Как тут быть ангелом.

Пожалев себя, таким образом, Тиль заглянул в варианты. В ближнем показалось мало хорошего, наверняка на пару тысяч штрафных. Но другие беспокоили серьезно. Явно просвечивала такая неприятность, что штрафных могло не хватить. Хуже всего, что в последнем – маячила пустая чернота.

Швырнув на пол очередное платье, Тина взяла следующее. Она была спокойна, как закаченный таблетками человек, счастливо не знающий будущего. Только ангел видел, что может случиться.

Усмирив начало паники, Тиль принялся за дело. Подойдя вплотную так, что ее локоть проходил сквозь него, крикнул в левое ухо:

– Останься дома! Приказываю остаться! Нельзя ехать!

Кажется, нарушил Первый закон, овечек нельзя ограничивать, надо по-другому.

– Прошу остаться! Предлагаю остаться! Советую остаться!

Мотька с интересом следил за ангелом, но Тина ничего не услышала.

– Как некрасиво подсматривать за голой девушкой, кот. В прошлой жизни случайно не был бабником?

Ангел пробовал кричать в другое ухо, орал в лицо, шумел в затылок, но овечка не реагировала и не чувствовала тревогу. Все старания предупредить оказались напрасными. Зато она выбрала платье: маленькое черное, доходившее до колен и сразу взрослившее лет на пять. Протиснувшись, овечка разгладила ткань на бедрах, поправила грудь и сделала с тканью что-то, что умеет любая женщина.

Раньше Толик обожал валяться на кровати и смотреть, как они наряжаются. В этом было что-то магическое и волшебное, куда более волнующее, чем раздевание, таинственный ритуал спален и альковов, крохотная щелочка в тайный мир женщин, в которую дозволено заглянуть мужчине. В одевании женщины больше соблазна, чем в обнажении. Этот закон вывел он. Но Тилю было не до изысков, пока овечка глуха к голосу ангела.

Шелковая коробочка вспыхнула бриллиантовой гроздью. Колье изумительно подойдет к черному платью. Но подарок матери отправился под кровать. Из тумбочки появилась крохотная шкатулка, а в ней горел красный камень на тонкой цепочке. Бережно надев украшение, Тина прижала кулон к груди. Тиль знал: последний подарок отца. Но лирика мало трогала. Надо найти вход, проникнув как-нибудь в ее сознание.

Напрягаясь изо всех сил, тужился и пытался. И тут молодой ангел сделал неприятное открытие: ему нет доступа к мыслям и чувствам овечки. Видеть досье, варианты, мозги и кишки – пожалуйста. А чтобы проникнуть в мысли – глухой заслон. Как же работать? Как же направлять, если ничего нельзя! Горе отчаяния, одним словом.

Повернув морду к ангелу, павшему на кровать, Мотька подмигнул, словно утешал, предлагая не падать духом.

В жизни и постели Толик счастливо избежал гадкого испытания бессилием. Тилю досталось сполна. Оставалось наблюдать.

И было за чем.

Кот с ангелом уставились на маленькое чудо. Уложив волосы, подмазав лицо и надев Prado на точеной шпильке, гадкий утенок, заморыш и недоросток, превратился в обольстительную женщину. Преображение было стремительным. Но это была его овечка.

Такой тип женщин Толик слишком хорошо знал. Нет, они не источали ядреную сексуальность, от которой выворачивались мошонки, никто бы не назвал их красотками. Брала другим: магнитным взглядом, который подчинял и завораживал, вертел и крутил мужчинами, как вздумается. Тиль сразу определил редкий тип: скромная хищница. Она не столько хороша, сколько опасна. Природная сила обострялась наглым вызовом девственности: попробуй-ка получи. Такой коктейль может свалить кого угодно. От горы мужских трупов спасало лишь то, что Тина еще не осознавала, какое влияние может оказывать по-женски, полагаясь на силу воли и характер.

Для чего она сберегла непорочность, ангел доподлинно не знал. Судя по досье, шансов для решительного шага во взрослую жизнь было предостаточно. Но всякий раз, по особому капризу, Тина выскальзывала из разгоряченных рук. Множество кандидатов были жестко продинамлены, кое-кто получил разбитый нос, а некоторые, самые ретивые, болезненную травму рабочего инструмента. Девчонка непременно вырывалась у края.

Завершив сборы, она подхватила клатч, потрепала кота по холке и направилась в гараж. Ангел разрывался между желанием предостеречь и невозможностью это сделать. Пока он мог совсем немного: оседлав Мусика, держался рядом со сверкающей ракетой спортивного «Мерседеса».

Водителем овечка была ужасным: ехала без правил, подрезала и не утруждалась переключать скорости. Все, кому не повезло оказаться на дороге, разлетались в стороны, огрызаясь гудками, но пропускали сумасшедшую девицу. Тиль старался не замечать, с каким удивлением пялятся на него коллеги, передвигавшиеся на крышах или капотах, и быстро привык, когда встречная машина проскакивала сквозь него. Не смотрел на дорогу, забыл про перышко, целиком погрузившись в варианты: надо свернуть на первый, там был шанс, но она упорно двигалась по последнему. Не сворачивая.

В ночной темноте ангел пытался изобразить привидение или хоть завалящий призрак, чтобы напугать или заставить дрогнуть сердце, но то ли ему не полагалось являться воочию, то ли не умел, во всяком случае, Тина ничего не заметила. Вот ведь овца упрямая.

В бешеной гонке они добрались до центра Москвы.

Ресторан, носивший имя скромной европейской столицы, сверкал наглой роскошью. Заведение, в котором в недалекие времена можно было вкусно поесть и много выпить, превратили в закрытое царство. Сюда не ходили гурманы, чтобы оценить тонкости поварского искусства, не заглядывали влюбленные парочки, чтобы устроить романтическое свидание, и не забежали клерки для быстрого ланча. Потому что вкус и кухня были не главными. Куда важнее для гостей было показать: они могут устроить банкет тут. Мрамор стен, шелк портьер, кожа кресел и позолота посуды были важнее еды. Здесь не принято было спрашивать, сколько стоят блюда, показывалась стопка денег, и требовалось, чтобы все было на высшем уровне. Вкусам тех, кто в юности не мог позволить лишнего мороженого, а теперь не мог придумать, что бы еще купить, был поставлен мавзолей чудовищный глупости. Но клиенты уходили довольными.

Рубанув по тормозам так, что отлетело облачко паленых шин, Тина распахнула дверцу, не глядя, бросила ключи подвернувшемуся бою и ринулась наверх, не удостоив вниманием поклон портье. Несчастный ангел устроил Мусика в сторонке и поплелся навстречу неизбежному.

По лестнице розового мрамора, содранной с королевского дворца, но годной и для дешевого борделя, Тина поднялась и вошла в зал, скромно названный «Царский». Монарх, которому бы подарили подобное великолепие, отправил бы архитектора на плаху. А за беломраморный фонтан с тронными креслами на бассейне еще бы помучил на дыбе. Но гости были довольны.

Оркестр, обряженный в придворные костюмы, фальшивил что-то менуэтное.

Виновницу торжества встретил радостный гомон. Мужских теней насчитывалось вровень с женщинами. Многих Тиль узнавал по досье, их приглашали на семейные торжества. Кое-кого видел впервые. Но каждый лично поздравил именинницу. Дамы в

вечерних платьях радостно охали, как Тиночка выросла и похорошела, прижимались и показывали, какой именно подарок в пирамиде цветных коробок – их. Мужья обретали черты, как только оказывались вблизи, вручали букеты, церемонно чмокали ручку, кое-кого недетское очарование овечки убивало наповал.

Она механически принимала букеты и, пока еще действовали таблетки, была пай-девочкой. Последней подошла Виктория Владимировна, обняла, не притронувшись, заметила кулон вместо кольца, но сделала вид, что так и надо. Лишь с тревогой заглянула в глаза дочери. Там было сыро и пусто.

В сторонке топталась группа в смокингах, Тиль принял за официантов, но его пригласили знаками. Отказаться, наверное, невежливо.

Улыбались, но осматривали комбинезон и несменное тело с откровенным изумлением. Судя по ленивому спокойствию, это были опытные ангелы. Тиль рискнул:

– Коллеги, у вас, наверно, много было овечек?

Согласно закивали.

– А как вы ими управляете?

Наградили отеческими улыбками:

– Зачем управлять? Ангел не должен управлять овечкой, иначе нарушит Первый закон, разве не знаешь? – поучал некто, с лицом, поеденным оспой.

– Согласен. Что именно делать?

– Выбирай варианты.

– Уже выбрал.

– Советуй...

– Как! – крикнул Тиль и осекся. – Простите, но ведь она ничего не слышит! Я уж и кричал, и вопил, и бил, и стучал, и махал – ничего не помогает. Глухо. Она меня не слышит!

Толпа в смокингах повеселела.

– Не волнуйся, Тиль, – ласково посоветовал тот же. – С первой овечкой всегда беда. Потом поймешь и научишься. Меньше переживай, не суетись. Ни к чему это, вот увидишь. Их еще столько будет, про первую и думать не стоит. Одной – больше, одной – меньше, какая разница. Расслабься и получай удовольствие.

Ангелы закивали головами, как болванчики.

– Но если не помогу овечке, мне штрафные начислят, – заволновался Тиль.

– Тебе какая разница: есть штрафные, нет их – ангелу по барабану.

– Но ведь я никогда не попаду на Хрустальное небо!

Кажется, брякнул что-то не то. Веселая легкость улетучилась, ангелы помрачнели и отвернулись. На Тилю уставились одинаковые спины и разнообразные затылки. Крылышек, даже бугорков, не заметно.

Праздничный вечер лился бурным потоком. Свежеиспеченные буржуа пытались играть в аристократов, которых запомнили по старым французским фильмам. Но за круглым столом муж сидел рядом с женой. Сверкали улыбки от дорогих стоматологов, блестели свежие брильянты от Картье. Подавались блюда, на которые мало кто обращал внимания, произносились тосты, витиеватые и длинные, в которых Тине желалось столько, что за одну жизнь не осилить. Она терпеливо сносила, пригубила пару раз и ничего не ела.

Проверив варианты, Тиль испугался по-настоящему. Конец приближался неумолимо. Где у овечки кнопка, так и неизвестно.

Время ангел не знает, он не заметил, сколько минут или часов праздновали, когда настал момент и гости дошли до желания покинуть стол, слегка размявшись. Туман таблеток рассеялся, Тина собирается покинуть вечер. А делать этого нельзя.

Под осуждающими взглядами коллег Тиль метался по залу, пытаясь схватить что-нибудь, чем запустить в овечку. Но руки ангела не знают тяжести.

Изрядно налитый коньяком Борисыч схватил Тину за локоток, обдал перегаром и оттянул в уголок.

– Ну, красotka... – смачно икнул, – какие планы на ближайшее будущее?

– А тебе-то что? – Тина попробовала вырваться, но мужчина держал цепко.
– Любопытно, что взяла от своего папашки. Что он тебе с генами передал.
– Все, что есть, – мое. Тебя точно не касается.
– Ошибаешься, малышка. Меня касается в первую очередь. Не дай бог, еще одного Ивана Дмитриевича получить.

Глаза Тины нехорошо сузились:

– Что ты сказал?

Борисыч, хоть и помутневшими мозгами, сообразил, что сболтнул лишнего, но отступать было поздно:

– Говорю, пойдешь характером в отца или пронесет, ха-ха!
– А чем тебе отец не угодил? Он всем делал только добро и тебе в первую очередь.
– Это Иван Дмитриевич? Добро? – Борисыч заржал пьяно и уже неудержимо. – Ну, анекдот!

Тина вырвалась:

– Отец был самым чутким, добрым и ласковым человеком, какой только может быть. Ты, урод, ногтя его не стоишь. И очень скоро пожалеешь о своих словах.

Отказываясь трезветь, Борисыч навис над именинницей:

– Добрый? Чуткий? Да у него на совести столько трупов, что этот зал до потолка забить. Беспощадным был твой папашка, отморозок, одним словом, ему человека убить – легче мухи прихлопнуть. Правда, сам руки не марал, зачем же. Для этого мастера находились. Такая вот горькая правда жизни, деточка. Усекла? И пугать меня не надо. Я с твоим отцом работал, так что ничего страшнее быть не может.

Набухла и скатилась слезинка, но ни один мускул не дрогнул. Тина впилась наточенными коготками в локоть мужчины выше ее на две головы и твердо сказала:

– Ты врешь.

– Вру? Ну, холера, сама напросилась. А ты знаешь, что у Ивана Дмитриевича до твоей матери было три жены и все погибли при случайных, но очень странных обстоятельствах, потому что не родили ему наследников? И если бы не появилась ты, уж не знаю каким чудом, то косточки Виктории уже давно бы догнивали. Как тебе это?

– Врешь, – повторила Тина, выхватила из рук проходящего официанта поднос с бокалами и швырнула в лицо Борисычу. Зал потонул в звоне хрустальных осколков и воплях раненого.

Истошно голосила Виктория Владимировна, визжали женщины, оркестр затормозил по струнам, поднос выплясывал на полу. Не разбирая дороги, Тина бежала по лестнице. Ни в чем не повинный ангел поспешал рядом. Выскочив на порог, она заорала, чтобы подали машину, когда напуганный парковщик приоткрыл дверцу, выкинула его за шкуру.

Под визг покрышек серебристая пуля вылетела на магистраль.

Тиль с Мусиком держались под боком. И хоть ангел мог думать только о спасении овечки, крохотная слезинка стояла перед ним. Весь разговор с Борисычем он лихорадочно пытался мешать: зажимал ей уши, встал между ними, кричал, махал руками и даже пробовал толкнуть мужчину. Все было без толку. Овечка неизбежно двигалась по худшему варианту. А других уже не осталось. Из каждого экранчика чернела пустота.

Машина летела в южном направлении. Вдруг Тина отстегнула ремень, накиннутый по привычке, сняла руки с руля, ногу с тормоза, скинула туфли и уселась в водительском кресле по-турецки, врубив на полную мощность динамики, надрывавшиеся рок-н-рольным эфиром.

Надежда есть, пока ночное шоссе пустынно. На первом светофоре или повороте таран неизбежен. Тиль лихорадочно оглянулся, ища хоть какой-то шанс. Но его не было. И тогда решился. Запрыгнув в салон, разглядел прямую кишку и сжал ее, что было сил.

Скрючившись от боли, Тина нехорошо выругалась. Но спазм не отпускал.

Впереди вспыхнул красный светофор.

Ангел давил так сильно, как только мог.

– Не помирать же в говне! – прорычала Тина, схватилась за баранку и нажала педаль тормоза. Машина поперек полос нырнула к тротуару.

Тиль держал кишку с дерьмом и не верил, что у него получилось. Так просто. Даже рук не запачкал. Заглянув в варианты, к неопишуемой радости, увидел: черный финал исчез, продолжение следует. Кажется, только что спас овечку. С гордым видом победителя он глянул на перышко, но оказалось, что накапала уйма штрафных. И не один не списали. Как будто сидел сложа руки. Ангел разозлился и дал слово больше не обращать внимания на всякие перья. И так забот хватает.

Влетев на середину тротуара, не вынув ключ из зажигания, Тина проскочила в ночной клуб, на ходу сунув купюру охраннику, и пронеслась в дамскую комнату.

Очень не хотелось оказаться там, где из овечек истекают нечистоты, но делать нечего. Попав в женский туалет, ангел постарался не смотреть по сторонам, прижался к дверце кабинки, где мучилась Тина. Но, закрыв веки, видел все в подробностях. Это было неприятно, но куда лучше, чем стоять перед Милосердным трибуналом, держа ответ за погубленную.

Из кабинки Тина вышла, слегка пошатываясь, сунула руки под ледяную струйку и принялась тщательно оттирать невидимую грязь. Рядом чья-то девочка разложила на помадном зеркальце снежную полоску и нежно вдохнула. Задержала дыхание, зажав нос и запрокинув голову, а потом улыбнулась размазанному отражению.

– Подруга, одолжи чуток, – попросила Тина.

– Опоздала, подруга.

Возник хрустящий аргумент в пятьсот евро.

– Этого хватит?

Крашенная малышка не устояла соблазну, цапнула купюру и положила в ладонь мягкую карамельку:

– Извини, подруга, только чуть осталось.

Тина была согласна. Привычная грядя вспахала золотую карточку, фантик удобно скрутился соломинкой, порция вошла в ноздри. По жилам запрыгали веселые огоньки, искры фиолетовых молний ударили в мозг, овечка протяжно застонала и ушла рассматривать внутреннее «я» сквозь треснутую лизну дрянного кокса.

Ангелу это обошлось в мелочь, не больше сотни штрафных. Главное, беда обошла стороной. На всякий случай Тиль заглянул в варианты: опять чернело. Да что же это! Неужели ей мало? В последней надежде ангел схватился за кишку, но принятая доза загасила старания. Веселый дым клубился пожаром, овечке было хорошо, овечке было море по колено. А езда без рук – за милое развлечение.

Выскочив на улицу, где тосковал Мусик, Тиль принялся искать подмогу.

Последний шанс приближался по ночному проспекту.

* * *

М. Костюкова была женщиной не крупной, но пробивной. Вот и смогла устроиться на такое местечко, что в родном дворе города Владимира нехорошо позавидуют. Еще бы: тетка, а водит эвакуатор. Это не баранку мусорки крутить или на такси ишачить, где, того глядишь, по голове получишь или заточкой выручку отберут. Эвакуатор – дело наживное. Недаром, кроме нее, баб в этом бизнесе не было.

В этот вечер, как назло, выгодных клиентов не попадалось, одни лохматые ведра да бюджетные дешевки. Тараня ночь проблесковыми маячками, М. Костюкова осматривала пашню. Внезапно низ живота скрутила боль, пришлось заохать и свернуться дугой. Позыв желудка отпустил, как не было. М. Костюкова распрямила плечи, и тут взгляд уперся в несказанное чудо: поперек тротуара торчал спортивный «мерин», нагло не включив аварийных огней. Вот это улов. М. Костюкова вызвала по рации патруль, с которым делилась в эту смену, и повернула к легкой добыче.

Тиль не хотел знать, сколько полагаемых штрафных за то, что покусился на чужую овечку. Да нет, просто – тетку. У нее ведь ангела нет. Наверное, как минимум нарушил Второй закон. Зато, когда Тина показалась в дверях клуба, М. Костюкова уже приладила буксировочный трос.

Не спеша, приблизившись к изымаемой собственности, Тина добродушно спросила:

– Ты что творишь, быдло тупое, мать твою?

М. Костюкова очень любила таких клиентов: чем больше орут, тем дороже заплатят. Заработала лебедка. Машина нехотя поползла на подъемник.

– Оглохла? А ну быстро вернула на место, тварь жирная!

Под нескончаемые вопли М. Костюкова загрузила серебряный болид, укрепила и скинула перчатки. Когда подъехал гаишный патруль, Тина дошла до крайней степени безумства.

Капитан Грошин с первого взгляда оценил клиентку: чья-то дочка или любовница, будет качать права, станет угрожать, что сейчас позвонит и с него погони снимут, но как дойдет дело до протокола, сломается, заплачет и сунет денег. Капитан от них, конечно, откажется, возмутится, предложит пройти в машину. А там выпотрошит телочку по полной. Вариант типичный. Работы на полчаса, за вычетом комиссионных М. Костюковой, выйдет тысяч пять. Меньше – грешно.

Тиль проверил варианты: уж теперь все должно кончиться как надо. Но в одном опять появилась чернь. Да когда же это кончится!

Догадка Грошина воплощалась стремительно. Тина ругалась, угрожала, сообщила, что у нее такой папа, что всем мало не покажется, и так далее. М. Костюкова равнодушно наблюдала за сучкой, не знающей, что такое жить на копейки, которые пропивает паразит-муж. Эту богатую девочку не жалко. Была б ее воля – своими руками придушила бы, обобрала и выкинула на помойку. Дуреха ничего не знает о жизни, все от родителей на блюдечке упало. Правильно ее капитан прессует, пусть побольше отожмет. Будет знать, как простые люди живут.

М. Костюкова еще успела подумать, как потратит заработанное сменой на распродаже в Икеа, вдруг что-то промелькнуло, и королеву эвакуаторов ожгла нестерпимая боль в правом глазу. Укрыв раненое место, из которого текло липкое, она взвыла жалобно да протяжно. М. Костюкова уже не видела, как Тина заехала острым краем клатча по носу капитана, как принялась лупить носком туфельки по коленям дорожного инспектора. Капитан, ошалев от внепланового бешенства клиентки, поначалу не оказал сопротивления, закрылся спиной от налетевшей фурии, пока не подоспела помощь. Двое упитанных гаишников не смогли совладать, пока легонько не саданули в солнечное сплетение, закрутили руки и не надели наручники.

Тиль еле сдержался, чтобы не вступить в рукопашную. Можно ли ангелам заходить так далеко в защите овечки, не знал, но кулаки чесались.

Был составлен протокол о дорожном нарушении, а вдобавок о хулиганстве и нанесении телесных повреждений. С таким букетом на месте разбираться нельзя, Тину, изрыгающую проклятья, повезли в ближайшее отделение милиции, а там сдали на руки дежурившему майору Евсюкину. От себя Грошин добавил, что с девки надо не только снять по полной, но и проучить, чтоб помнила. Евсюкин обещал заняться плотно и не забыть про долю пострадавшего патруля.

В сыром обезьяннике, пропахшем мочой и кровью, валялась отключившаяся тетка невразумительного возраста. Сняв наручники, Тину запихнули в клетку, отобрав клатч.

Ангел был рядом. Он прошел сквозь прутья, чтобы узнать варианты. Ничего не изменилась: овечка стремительно двигалась к концу, под фейерверк дешевой дури в мозгу и печенках. Помешать невозможно.

Приступ бешенства вымотал. Тина опустилась на скамью отдышаться, но тут же подскочила и закричала:

– Мент, эй, мент!

Майор немного удивился борзости соплячки, прихватил резиновый успокоитель и подошел к клетке:

– Закрыла пасть! Или печень лишняя?

– Майор, разговор есть, – Тина резко поменяла тон.

Евсюкин услышал знакомую мелодию. Теперь, главное, раскрутить по полной:

– Задержанной разговаривать запрещается. Еще раз вякнешь – пожалеешь.

– Майор, хочешь заработать?

Нет, быстро, слишком быстро и дешево, не отделается, телочка. Евсюкин сурово нахмурился:

– Взятку предлагаешь при исполнении?

– Предлагаю хорошо заработать. У тебя пистолет есть?

– Есть, – не думая, ответил майор и сразу пожалел. – Это что за базар?

– Предлагаю халтуру. Работенка не пыльная, раз плюнуть. Значит, так. Вытащишь ствол и пристрелишь меня, а я за это отлично заплачу. Прямо сейчас.

Обычно клиенты молят выпустить, но чтоб сами просились на расстрел, такого милицейский фольклор еще не доносил.

– Чего? – выдавил глубоко пораженный Евсюкин.

– Тупой, что ли? Предлагаю сделку: ты меня грохнешь, ну, скажем, за попытку к бегству. Я тебе – бабки. Все просто. В клатче нашел карточку? Молодец, майор, полковником будешь. Говорю пин-код, в банкомате обналичишь, и никаких следов.

– Там сколько? – механически спросил защитник закона.

– Тысяч двадцать или тридцать, не помню.

– Рублей?

– Английских фунтов, придурок. Ну, так как? Ведь тебе же легко. И столько хапнешь. Пристрели меня, что тебе стоит. Вы же людей невинных сажаете, из окна у вас народ прыгает. Так неужели трудно пристрелить какую-то девчонку, а, майор? Да за такие деньги?

Тиль честно пытался крутить кишку и даже схватился за язык. Но ничего не помогло. В топке вен пылал белый порошок, на всех парах овечка неслась к пропасти.

– Что, боишься?

Майор прибывал в глубокой задумчивости. Кажется, действительно взвешивал.

– А давай сама все сделаю. Подойдешь к клетке, типа потерял бдительность, вытащу пистолет, сначала грохну пьянчугу, чтобы все осталось между нами, а потом пушу пулю себе в лоб, в сердце или куда придется. И ты ни в чем не виноват. Отделаешься выговором. Ну, как идея? Делать ничего не надо, подойди ближе и отвернись.

Тиль не мог знать, что думает майор, но варианты залило чернилами.

– Какой пин-код? – тихо попросил Евсюкин.

– Сначала пистолет.

Майор шагнул к клетке, но придержал рукоятку «макарова».

– Пин-код...

– За такие бабки, майор, торг не уместен.

Кобура уткнулась в щель меж прутьями, язычок выскочил из замка. Путь свободен.

Шансов больше нет, темень кругом. Ей так отчаянно снесло башню, что угробит себя и не заметит: в жилах бурлит беспредельный праздник, наверно, весело продырявить голову и посмотреть, что из этого получится. Такая дурища. Ангел попытался заслонить собой кобуру, но рука овечки беспрепятственно прошла насквозь. Пальцы нащупали рукоятку. Тиль бил по ним наотмашь, но указательный заполз под курок, а большой охватывал тыльную часть. Еще немного – и вытащит. Плохо соображая, Тиль вонзился зубами в палец, как бешеный пес. Челюсть прошила кожу, но овечка уже сводила ладонь в захват, не чувствуя укуса ангела.

Лязгнула металлическая дверь. Обгоняя дежурного, в отделении ворвалась Виктория Владимировна, а за ней крепкие мужчины в костюмах и галстуках. Майор испуганно шарахнулся от обезьянника, на ходу застегивая кобуру.

Тина отчаянно, надрывно захохотала. Или зарыдала без слез. С ней трудно понять. Одно ясно: к чуду ангел не имеет никакого отношения.

Пока с Евсюкиным шли сложные переговоры и торговалась цена, чтобы протоколы исчезли, будто их никогда не было, ангел сидел на лавке рядом с овечкой. Силы кончились, Тина согнулась вытрясенным мешком, уронив голову на колени, и только держала кулон в кулачке. К машине ее вели под руки, потому что туфли овечки безнадежно заплетались. Но Тиль был спокоен: варианты показывали «ясно». Во всяком случае, в ближайшем.

Мусик терпеливо дожидался около отделения. Погладив верного друга, Тиль завалился на руль. Усталости не было, но ангел имеет право вспомнить нечто человеческое. Ему ведь крепко досталось. Пора бы расслабиться. Только все раздумывал: каким же невероятным везением Виктория Владимировна спасла дочь? Ангела рядом с ней не было. Может, интуиция матери. Или помог кто-то другой?

XIII

Купол неба мерно светлел, отражаясь в матовом мраморе. Ни дня ни ночи. Сплошная неизменность. Среди однообразия шаталась фигура в смокинге, выписывая замысловатые загогулины по роще, словно горнолыжник проходит извилистую трассу мимо сигнальных флажков. Ангел бродил зигзагами меж стволов без остановки, как заведенная игрушка. Но, заметив мотоцикл, чуть не влетев в идеальный клен, яростно засигналил.

Тиль изобразил рассеянность. Меньше всего хотелось слушать истории про замечательных и покорных овечек, про горы списанных штрафных, за которыми вот-вот откроется Хрустальное небо. Наглый тип применил безотказное оружие: призвал ангела.

– Я здесь, чего кричишь, – сказал ангел Тиль, не пожелав слезть с Мусика.

– Дорогой коллега, как я рад тебя видеть, – сообщил 898-й, хотя на его физиономию радость явно не торопилась. – Извини, что призвал.

– Всегда рад помочь сокурснику, если для этого не надо нарушить Второй закон.

– Да-да, конечно. Не надо.

Бывшего капитана штормило. Ему хотелось что-то сказать, но пока не решался.

Тиль помог:

– Как поживает овечка? Сколько штрафных списала?

898-й отвел глаза, хмыкнул и вдруг прошептал:

– Это была шутка... Ничего мне не списывали. Неудобно было признаться.

– Врать ангелу, а тем более сокурснику, некрасиво. Но я прощаю. Это все?

– Нет... Нет... Ну, в общем... Можно, чтобы этот разговор остался между нами?

– Клянусь здоровьем Мусика, – торжественно пообещал Тиль.

– Кого? Твоей овечки? А разве так можно?

– Коллега, давай к делу, у меня дел неуправляемый, скоро моя очнется.

– Да-да, извини. – 898-й уже хотел прихватить Тиль за локоток, но не осмелился. – Видишь ли, какая история...

Тиль совершенно не видел, но ждал терпеливо.

– Тут такое дело... – опять промямлил ангел и, наконец, прорвался: – Возникла непредвиденная проблема. Помнишь мою овечку? Ну да, монашка, кроткая, послушная, чистая душа, бла-бла-бла... И я так думал. До одного случая. Когда открылось... Когда я вдруг узнал... В общем... Ну...

– Толкает прихожанам наркотики? – с тайной радостью спросил Тиль.

– К счастью, нет... Но... Вот... Как бы...

– Парень, или говори, или извини, мне некогда.

– Она игрок! – выпал 898-й, сделав страшные глаза.

Бывший капитан инстинктивно сунулся в карман штанов, где раньше хранились сигареты, но тут же отдернул руку:

– Отстояли мы мессу, благодать и умиление, овечка моя отправилась в умывальню,

совершила вечерний туалет, испросила у матушки-настоятельницы благословение, раскланялась с сестрами и уединилась в своей келье. Я уже собрался оставить ее, как вдруг эта... лезет под кровать и вытаскивает ноутбук. Мне стало любопытно. Выходит в Сеть и прямиком отправляется на сайт интернет-покера. А дальше началось такое... Короче говоря, овечка оказалась заядлым игроком. Да еще каким. Блефует так, что дым столбом. И ей страшно везет: за вечерний тур пришло два раза флеш-рояль, представляешь! Если бы мне так везло в карты...

– А ты наверняка подсказывал?

– Ни за что! Это ведь игра. Да она сама отличный мастер, как будто видит карты насквозь. За вечер выиграла страшное количество денег. Я лично так бы не смог. И, того гляди, станет победителем турнира. Знаменитость на покерном портале, лучший игрок под ником «Crazy Witch». Что будет дальше, страшно подумать...

– Зачем думать, варианты смотрел?

– Посмотрел, конечно.

– Ну, и?

– Она может бросить монастырь и стать чемпионом мира по покеру! – в ужасе прошептал 898-й. – Это какой-то кошмар!

Как восхитительно было бы засмеяться в лицо или попрыгать на мозоли, напомнив, как они с 897-м хвастались овечками, или просто покуражиться. Но Тиль развеселился. Эта проблема казалась таким карликом по сравнению с ядреной кашей, которую заварил милашка Тина. Он засмеялся.

898-й обиженно надул губы.

– Ты что?

– Уже собрал чемоданы на Хрустальное небо, а овечка пакость выкинула. Штрафных много выписали?

– Нет, мелочь, почти ерунда, – неуверенно соврал ангел. – Меня другое беспокоит: что мне теперь делать?

– Как же ты в досье проглядел?

– Честно говоря, не очень подробно изучал, так, пробежался. Думал – монашка, какие могут быть сложности... Ты мне поможешь?

– Это в чем же?

– Посоветуй, что с ней делать.

– Ладно, так и быть. Только сначала кое-что проясни, наверняка у Сведенборга больше лекций слушал.

– Согласен, – заспешил 898-й.

– Ответь честно: у ангелов есть свои ангелы? Ну, такие супер-ангелы, которые могут им помогать, а мы про них ничего не знаем, как овечки – про нас?

Изобразив глубокое раздумье, 898-й поскреб в затылках:

– Говорят, над нами, простыми ангелами, стоят небеса других ангелов, а над ними еще и над теми тоже. И так до бесконечности. Они над нами, но думаю, что не вмешиваются, только наблюдают. Должно быть, это интересно. Точно не знаю. Сведенборг не рассказывал, только слухи. Наверное, узнаем на Хрустальном небе... Так что мне делать?

– Ты ангел, выбирай варианты и принимай решение, – ответил мстительный Тиль.

Сокурсник надул от обиды и сгинул.

Все-таки не сдержавшись, Тиль проверил перышко: штрафных оказалось столько, что впору впасть в отчаяние. Кто бы ему помог советом. Кто бы его пожалел и утешил. У этого героя овечек будет сколько хочешь, а у него одна-единственная. И что с ней делать – непонятно. Захотелось вызвать Витьку, то есть уже Ибли, но почему-то Тиль отложил на крайний случай. Как запасной парашют.

Что же он хотел? Ах да, расслабиться. Ангел присел около дерева и постарался. Но ничего не получилось. Завертелись, сворачиваясь плотным клубком, мысли об овечке. А в центре, в самой глубине клубка, блестела слезинка, которая отчего-то не давала покоя,

тревожила и сбивала с толку.

Почему она так упрямо хочет лишиться себя жизни? Насколько показывало досье, раньше таких проблем не водилось. Тина была взбалмошной, но жизнелюбивой. Раз втемяшилась идея, скорее всего попробует еще раз. И еще, пока не получится. Ангел бессилен остановить, если не узнает причину. Надо еще раз внимательно поискать. Нечего расслаживаться и бездельничать. Все равно скукота кругом.

Тиль вскочил на Мусика, и они понеслись.

Мокрые волосы свисали водорослями, Тина закуталась в пушистый халат и, подвернув ноги, восседала на кровати, смахивая на огромного птенца в белом пуху. Виктория Владимировна стояла напротив, потому что сидеть было не на чем, и пыталась воспитывать дочь, осторожно подбирая слова, будто оберегая самолюбие избалованного ребенка.

Проникнув в комнату на цыпочках, хотя никто не мог его услышать, кроме Мотьки, салютовавшего хвостом, ангел для порядка заглянул в варианты. Ближайшее не сулило проблем. И на том спасибо.

– ... ведь если бы я не послал за тобой Андрея, которого ты, кстати, потребовала уволить, понимаешь, что было бы? – голос матери дрожал от тревоги.

– Что бы было? – равнодушно повторила Тина.

– Даже страшно представить. А если бы тебе подкинули наркотики? А если бы эта баба или гаишник подали на тебя в суд?

– Не проблема. Заплатили бы.

– А если бы этот сумасшедший майор что-нибудь с тобой сделал?

– Трахнул? – с наивной улыбкой спросила дочь. – Прикольно.

Виктория Владимировна собрала все материнское терпение и мягко спросила:

– Зачем ты так себя ведешь?

Тина запахнула отвороты халата и попросила:

– Я очень устала, Вика, я хочу спать.

– Не называй меня Викой.

– Хорошо, Вика. Спокойной ночи.

Мать вышла из спальни нарочно медленно, но дверью саданула от души.

Тина замерла, словно буддийский монах в медитации, уставившись в невидимую точку. Как раз удобно разобраться с досье.

Тиль сосредоточил внимание, но перепутал плечо. Он понял ошибку, когда случилось нечто. За каждым экранчиком явилось по три новых, а дальше каждый из них стал множиться на три следующих. Через миг над овечкой вздымалось величественное древо будущего, всей ее жизни, вернее не одной жизни, а бесконечного разнообразия всех жизней, которые бы она смогла прожить. Варианты уходили далеко ввысь, ветвились раскидистой кроной, плодились и размножались, увеличивая разнообразие беспредельно. Наверное, ангел мог просмотреть каждый, но для этого потребовалась не одна вечность. Узнать все закоулки судьбы овечки по силам только бесконечности. Вот что значит их свобода. Ангел поразился открывшейся красоте. И ощутил до самой глубины своего естества, что так же беспомощен, как и овечка, перед великим творением, в котором каждый – маленький винтик, песчинка и необходимая часть целого. Вся его помощь, любой выбор его или овечки уже были спланированы, они все равно будут двигаться по предначертанному, пересекаясь с миллионами древ судеб других овечек и сплетаясь в Большой замысел. Постичь или обыграть его не стоит пытаться маленькому ангелу. Но вариантов так много, они столь разнообразны, что в конечном счете и овечка, и ангел свободны в своих поступках. Он мог предпринимать любые усилия, любую помощь, и это уже было в древе вариантов и, наверное, включено в неизмеримой последовательности причин Большого замысла. Но если не будет делать ничего, древо не оборвется и Большой замысел примет это равнодушно, что тоже наверняка предусмотрено. Парадокс свободы и неизбежности. И ради чего тогда все?

Открытие оглушительное. Тиль ощутил ядреную смесь безграничного восторга и глубочайшего разочарования. Срочно требовалось поделиться хоть с кем-то обретенным

знанием. Он показал на древо Мусику, но мотоцикл остался равнодушным. Зато с пола послышалось удивленное мяуканье. Мотья изучал древо судьбы золотистыми глазницами.

– Опять уставился, котяра? – раздраженно бросила Тина, поднимаясь с кровати. – И чего ты там видишь? Сардельки в сметане мерещатся?

Взяв рамку, она всматривалась в фотографию не очень красивого мужчины лет за пятьдесят, с узкими злыми глазами и неприятной формой лысого черепа.

– Папка, родной мой, – прошептала овечка. – Плохо мне. Трудно... Не хватает тебя... Я бы уселась к тебе на колени, обняла, ты бы погладил по голове и сказал: «Ах ты, хулиганка моя бесценная, кровиночка моя, гордость моя, наследница». Так, как ты, никто говорить не умел. И никто мне не нужен, кроме тебя. Я знаю, ты самый добрый и лучший, я не верю тому, что сказал тот придурок. Никогда не поверю. Как мне плохо. Папа... Папочка... Прости меня... Я...

Девочка совсем не умела плакать, жалкая слезинка укатилась по крылышку ноздри. Но у ангела что-то сдавило в том месте, где у Толика билось сердце. Древо судьбы с тропинками, ведущими в предначертанное, растаяло. Осталась овечка, одинокий и несчастный ребенок, росший в заботе и счастье и вдруг выброшенный на холод, как ненужная собака. Зябко, страшно, она выставила иголки и пытается защититься, делает что может. У нее есть все, кроме главного, что не купить за все деньги папы.

Что же делать ангелу между овечкой и великим безразличием?

Поцеловав фотографию и засунув кулон за подушку, Тина свернулась под одеялом. Вспрыгнув в ноги хозяйке, Мотья пригласил ангела устроиваться, как дома.

Тиль присел на краешке.

Овечка засыпала быстро, словно проваливалась. Задышала ровно и тихо.

Поискав, Тиль обнаружил, что у него не осталось ненависти. Она исчезла начисто. Даже не заметил, как растворилась. Была – и нет. В той жизни Толика швыряло из крайности в крайность, мог обижаться отчаянно и навсегда, но стоило обидчику поднять лапки вверх или скроить жалостливую мину, пыл пропадал. Толик забывал обиду легко, как денежные долги. Он считал жалость самым крупным своим недостатком, скрывал, как мог, отчаянно боролся, но порок всегда побеждал. Жалость брала верх над смыслом. Друзья это знали и бесцеремонно этим пользовались. А Толик прощал в очередной раз. Но ангелу зачем жалость? Зачем жалеть, когда есть древо судьбы? Там жалости незаметно.

Тиль украдкой взглянул на перышко: свежих штрафных не добавилось. Наверное, ангелу не запрещается жалеть. Хотя, жалея, трудно управлять овечкой. Чего там, она и так неуправляема.

Захотелось остаться до утра, там все равно делать нечего, а здесь уютно мурлычет кот. Ангел уже собрался заняться досье, как вдруг понял, что может войти в ее сон. Вход был открыт.

И он вошел.

Высился купол глазного яблока, в центре которого пульсировал карий шар в тонкой оболочке. Зрачок не отдыхал, следил. Арками разбегались кровеносные сосуды.

Местечко малопривлекательное. Висели свинцовые тучи, из которых сыпалась ржавчина, погнутые гвозди и обломки битых шестеренок. Под ногами хлюпала жижа, словно расплавилась пластмасса. Обгорелые камни, скелеты разрушенных домов с обугленными трубами, разломанные, перекоренные, разбитые остатки конструкций, напоминавшие детские игрушки, торчали заброшенными надгробиями.

Тотальная война, обратившая в руины живое, оставила после себя мертвую зону. Но живые тут все-таки водились. Высоко над ангелом пролетели существа с хвостами драконов, из разъявленных пастей капала слизь. За руинами хоронились выродки, мутанты без обличья: косматые спины, поросшие гнилыми иглами, язвы на изувеченных мордах. Звери скалились, рычали, но близко не лезли.

Дул ветер, затягивал серый ил, дымом стлавшийся от земли.

Маленький ангел потерялся среди враждебной пустоты.

Он выбрал путь.

Переступая через обломки стен и колючей проволоки, через рытвины и воронки, через лужи, в которых булькал гной, через болота, где плавали куски тел, добрался до стены, оказавшейся дремучим лесом. Стволы замерли в конвульсиях, кора цвета свежей нефти изогнулась в болезненных заворотах, как потоки застывшей лавы. Ветви топорщились ранами, раскоряченные и голые. Деревья срослись в плотную паутину, но Тиль разыскал дорогу.

В лесу что-то шумело и переваливалось, скрежетало и падало.

Донесся крик. Отчаянный и беспомощный, так зовет на помощь ребенок. Не разбирая, Тиль ломанулся напрямик, круша и разметаая препятствия.

Он выскочил на полянку, покрытую ковром молодой травы. Среди обступившего сумрака, на клочке зелени было солнечно, лучик пробился сквозь тучи. На полянке, сжавшись комочком и спрятав лицо в коленях, хоронилась девчушка. Лохмушки, заплетенные в хвостики, платишко в пестрый цветочек, беленькие носочки и сандалики с ремешком. От роду года четыре, не больше.

Под травой непрочно – каждый шаг, как по водной кровати – хлюпало. Ребенок не двигался, только дрожание косичек. Тень ангела прикрыла свет.

Не поднимая лица, ребенок сказал прокуренным баском:

– Уйди.

– Ты что же здесь натворила?

– Мое дело. Иди на фиг.

– Нет, уже мое. Заканчивай помойку у себя в голове разводить.

– Ты кто такой?

– Ангел. Твой ангел.

Девчушка недоверчиво подняла лицо, было оно заплаканным, под глазами цвели недетские синяки. Изучив строгим взглядом, харкнула под ноги и спросила:

– Типа ангел-хранитель?

– Типа того.

– А где крылья?

– Пока не выдали.

– Ангелов не бывает. Пошел на хер.

Тиль гордо расправил плечи:

– Детка, води себя со старшими вежливо, а то отшлепаю.

Возникли помповые ружья, ребенок ловко передернул и наставил дула:

– Пошел на хер, козел.

Ангел взмахнул, стволы растаяли.

– Не балуй, детка, – ласково попросил Тиль.

Изучив опустевшие ладошки, девчушка смерила ненавидящим взглядом:

– Сейчас упырей напущу, посмотрим, какой ты храбрый, ангелочек.

Тиль сел на траву:

– Валяй. И мутантов не забудь, чтоб два раза не бегать.

Сощурившись, шмыгнула носом и вдруг улыбнулась:

– Вот ведь, гад, не боишься.

– Ангелы не могут бояться всякой чуши, которой набиты сны овечек.

– Кто овечка? – с угрозой спросил ребенок.

– Ты. Ты моя овечка. А я должен тебя оберегать. Усекла?

– Чем докажешь, ангелочек, что ты не глюк?

– Я знаю, что ты делала прошлым летом.

Пушистые ресницы захлопали в удивлении:

– Врешь.

Тиль вкратце описал кое-какие развлечения в колледже. Ребенок помрачнел:

– Подсматривал, гад? Шпионил? Кто протрепался?

– Да это у тебя... – Тиль не мог подобрать правильные слова, чтобы не напугать. – Короче, на лбу написано.

Тина подложила под себя ноги и расправила платице, просто ангельское существо. Пронеслась тень дракона.

– Ладно, ангел смазливенький, чего надо?

– Почему хочешь себя убить?

Тиль увидел.

Просторный кабинет, Виктория Владимировна в траурном платье, Борисыч в черном костюме, какие-то люди в печали. Нотариус зачитывает завещание Ивана Дмитриевича. Все имущество переходит единственной дочери. Жена получает минимум, и то при одном условии. Тина вступает в права наследования сразу, как только исполнится восемнадцать лет. Но если до этого времени с ней что-то случится, внезапная смерть, или несчастный случай, или самоубийство, все состояние передается в пользу государства, включая дома, квартиры, счета и бизнес. Виктория оказывается на улице без копейки денег.

Видение растаяло.

– За что ты ее так ненавидишь? – спросил опечаленный ангел.

– Исковеркала жизнь отцу и мне, – ответила девочка, словно окончательно все решив. – Может, она и не моя мать. За все, сука, заплатит.

Для внушительности ангел поднялся, но устоять на зыбкой траве было трудно.

– С этого момента выбросила глупости из головы и слушаешь меня. И делаешь, как я прик... посоветую.

– Человек ангела не слышит.

– Есть одни способ. Отнесись серьезно. Запомни: почувствуешь резкую боль в животе два раза – это значит я тебе прик... не советую делать. Одни раз – разре... советую. Поняла?

– Через говно со мной будешь общаться? – ребенок залился клохчущим хохотом и добавил: – Хорош ангел, нечего сказать.

– Не твоего ума дело. Ангел думает за тебя.

Она насупилась и вдруг спросила:

– А если не послушаюсь?

– Будет очень плохо, детка.

– Откуда ты знаешь, от чего мне будет хорошо? Жопа подскажет?

Вопрос оказал трудным. Тиль потер в задумчивости за ухом:

– Тебе не один хрен? Слушай прямую кишку – не пропадешь.

Ребенок нагло ухмыльнулся и заявил:

– А вот возьму и сделаю по-своему. Что тогда?

– Накажу, – не очень уверенно соврал Тиль. Плохо, недостоверно.

Опытный хищник почуял слабину:

– В угол поставишь? Садомазо с плетками и наручниками? Вы как, анальные, любите доминировать или страдать?

– Узнаешь, что тогда будет...

Поигрывая оборками платья, малышка очаровательно улыбнулась:

– Ни хрена ты не можешь, ангелочек. Вали отсюда и не лезь в мои сны. А то таблеток наглотаюсь. Сдохну, а тебе всыпят за это.

– Постой, – растерялся Тиль. – Погоди...

Зрачок в центре купола дернулся, лес, полянка, платице и девчушка рассыпались в цветное конфетти, закружились вихрем, унеслись.

Тина проснулась, поморгала, словно стряхивая лохмотья кошмара, потянулась к тумбочке и жадно выпила полстакана сладкого молока. Эту привычку она усвоила с раннего детства: каждую ночь выпить тепленькое. Не могли помешать ни похмелье, ни перебор дури. Овечка заглатывала дозу, не просыпаясь до конца. Досье указывало точно.

Ничего не помня, она перевернулась на другой бок и засопела. До утра можно расслабиться.

Ангел помахал недовольному коту, потревоженному хозяйкой, и покинул пост.

XIV

Нельзя жалеть. Это точно. Да и кого? Сумасшедшую, которая хочет унижить родную мать ценой собственной жизни. Настоящую преступницу. Подумаешь, слезу пустила. Это не повод забывать, кто она на самом деле: опасный зверь. Если бы не нужда, наблюдал бы, как обломается древо ее судьбы. Надо вести себя как другие ангелы. Не зря советовали.

С досады на романтический дурман Тиль саданул Мусика по бензобаку.

– Упрямая, злобная, наглая гадина!

Кажется, ангел кричал.

Мохнатая морда потасканного пса уставилась с любопытством. Барбос без породы и племени, вожак бродячей стаи, загрызет и не поперхнется. Опасный зверь, кто знает, что у него осталось от прежней шкуры.

Тиль дружелюбно поднял ладонь:

– Салют, братан! Паркуйся, кореш, побазарим, типа перетрем.

Черная картофелина носа презрительно сморщилась:

– Фу, молодой ангел, откуда вы набрались такого отвратительного блатного жаргона! – с профессорским выговором отчитал пес, не размыкая пасть. – Это совершенно недопустимое поведение. Не зря вам хотели надавать по... ну, неважно.

Очень не хотелось, но Тиль все равно извинился.

– Что, коллега, с овечкой проблемы? – участливо поинтересовалась псина. – Не переживайте, это нормально. На втором десятке начинаешь понимать, как с ними управиться. Научитесь, впереди у вас вечность.

Да нет у него вечности в запасе. А вот штрафных больше, чем надо. Найти бы управу на взбалмошное создание. Тиль застенчиво потупился:

– Можно побеспокоить вас вопросом?

– Разумеется, молодой ангел, – пес уселся на хвост и задней лапой почесал загривок, хотя откуда у собачьего ангела блохи.

– Дело в том, что я опоздал на учебу, слишком мало знаю об овечках, то есть как ими управлять. Так вот...

Барбос наострил уши:

– Что я слышу! Молодой ангел мало знает? Это недопустимо. Надо срочно пополнить запас ваших знаний.

– Но... – попытался возразить Тиль, ему было важно знать только одно: где у проклятой овечки кнопка. Прямая кишка не всегда срабатывает.

– Следуйте за мной, молодой ангел.

Квадратный дворик старинного монастыря замостили крупным булыжником. Стены древности поросли трещинами и плющом, в центре расположился фонтанчик. Над чашей, изогнутой лепестками, возвышался каменный цветок, из которого торчали затейливые кранчики птичьих клювов, отливавших начищенной бронзой. Журчали струйки жидкости, такой прозрачной, что она была еле различима. Всего – дюжина. Клювы венчали каменные щиты с туманными символами.

Пристроившись рядом с чашей, пес гостеприимно пригласил:

– Ближе, молодой ангел, не бойтесь.

– Что это? – спросил Тиль, пытаясь уразуметь резные знаки: казались знакомыми, но смысл ускользал.

– Источник знаний, разумеется. Квинтэссенция накопленного цивилизациями, в чистейшем виде. Употребите, не стеснясь.

– Я смогу выпить?

– Сможете, сможете, – пес протянул лапу, как за сахарком. – Скажем, попробуйте вот это. Подставьте ладонь...

Водичка невесомо ударила в линии судьбы и отскочила брызгами. В сей же миг Тиль познал всю музыку, какую извлекли с тех пор, как человек ударил палкой по натянутой шкуре мамонта. Армия мелодий звучала одновременно. Монгольские дудки дрались с вагнеровским оркестром и толкались с воем эстрадных песенок. В этой какофонии Тиль мог слышать каждую мелодию. Спасаясь от грохота, ангел заткнул уши и затряс головой.

Пес самодовольно оскалился:

– Чудесно, молодой ангел, восхитительно! Не желаете попробовать вот это?

Чтобы заглушить самодеятельные оркестры пожарных команд, пробившиеся вперед, Тиль, не раздумывая, коснулся струйки.

Слова, слова, слова из миллиардов книг, написанных, напечатанных, сожженных и ставших бестселлерами, ворвались в череп, выдворив на задворки композиторов. Он познал всех писателей: от римского графомана до сочинителя криминальных историй, все, что они исторгли на бумагу, включая черновики и недописанные наброски. Стихи, прозу, сонеты, мадригалы, пьесы, сценарии, рассказы, заметки и фельетоны. Нашлось место для игры в бисер со степными волками. Оказывается, старина Гессе – важная птица, а не только председатель Милосердного трибунала. Книг было столько, что, казалось, вывалятся изо рта, ушей или разорвут ангела на клочки. Тонны библиотек ломали несчастную голову. Хотя чему бы там ломаться. Мозгов нет.

Зашатавшись, Тиль схватился за бортик фонтана.

– Ничего, ничего, скоро пройдет, – утешил пес.

Обалдевший ангел нацелился на следующий клюв:

– Сейчас по третьей жажнем...

– Ни в коем случае! – вскричал пес в мозгах громче музыки и книг. – Знания надо поглощать постепенно. Иначе сойдете с ума. Ну, как, вам легче?

Тиль благородно согласился, хотя выворачивало наизнанку.

– Замечательно! Богатство вашего образования пополнилось значительно. В дальнейшем будете принимать другие, если захотите, пока не дойдете до конца. Только прошу: не более одной отрасли за раз. Уяснили?

– Вполне. Но вот что непонятно: как знание, например, вот этого... – Тиль фальшиво прогорланил три такта 9-й симфонии Бетховена, – ...поможет рулить овечкой?

Псиный ангел растерянно заморгал мохнатыми ресницами.

– А декламация собрания сочинений Толстого поможет забраться на Хрустальное небо? – не унимался Тиль, которого пьянило от избытка знаний. – Типа высокое, бесконечное небо Аустерлица в глазах Андрея Болконского – это пропуск или пустая трата штрафных?

– Желаю покорных овечек! – И пес ученый стремительно пропал из виду. Собака – и есть собака, что с него взять.

В голове понемногу улеглось, затихли звуки, угомонились слова. Бухнуло в литавры, выскочило: «Как там ни говори, что душа на небо пойдет... ведь это мы знаем, что неба нет, а есть атмосфера одна», и улеглось.

Он знал так много, сколько не изучил бы за всю жизнь, даже если бы сильно напрягся. Но все было бесполезно. Потому что ни в одной книжке, ни в одной песне не объяснялось, как управлять мелкой и нахальной овечкой. Горы познаний были бесполезны.

Перышко напомнило штрафным: пора быть начеку, овечка не даст прохлаждаться.

Хорошо, что Мусик всегда готов.

XV

Кот прислонился к грелке и уставился в никуда. Изнеженному любимцу почесали за ушком, призывая ответить лаской, но зверь упрямо пялился на обои. Отодвинув Мотьку, впавшего в очередной ступор, Тина подтянула одеяло. Проснувшись, она никак не могла разобраться со странным чувством, приставшим липучкой. Сегодня ей что-то приснилось.

Не странное, не пугающее, а такое, что может предвещать. Чувство было новым и неожиданным.

В приметы, сны, пасьянсы и гороскопы Тина не верила, потому что твердо знала свое будущее. Она выросла в счастливом убеждении, что желания исполняются, как закон природы, причем не самый существенный. Не надо гадать на кофейной гуще, когда и так ясно: папа купит все. А что не купит, докупит потом. У девочки не было мучительных страхов, надежд или мечтаний, которые могут не сбыться, и для того надо наколдовывать удачу. Она не знала разнообразных приемов ублажения судьбы, потому что в доме Ивана Дмитриевич такая чепуха находилась под строжайшим запретом.

Как-то раз, гуляя с отцом, маленькая Тина испугалась черной кошки, перебежавшей дорогу. Иван Дмитриевич устроил допрос, что случилось редчайше, и выяснил, что ребенку в голову засовывают глупости. Посадив Тину на колени, он ласково пояснил:

– Запомни, доченька, в приметы, случаи и все остальное верят только слабые и глупые люди. Мы верим только в себя и свои силы. Запомни накрепко. А если мать или тетя попытаются еще чему-нибудь научить, сильно пожалеют. Так и передай.

Усвоив урок, Тина не страдала предчувствиями. Даже кончины Ивана Дмитриевича не ожидала и дурных снов перед тем не видела. Но прошедшей ночью что-то случилось. Приснился необычный сон, в котором скрывалось что-то нужное. Только не вспомнить что. По ниточке интуиции она старалась вытянуть улов, но пойманное пряталось в глубинах тьмы, напоминая о себе легоньким подергиванием. Может, и не было ничего, только смутные страхи ушедшего вечера забрели да сгинули.

Выставив ушки, Мотька перевел взгляд на край кровати. Как будто видит что-то, негодник. Стало неуютно и зябко.

Кота бессовестно стягнули с одеяла:

– Катись на кухню, мышек поищи, а то скоро в двери не пролезешь.

Дружеское сочувствие обиженному животному ангел не выразил, потому что был занят. Тиль проверял один из вариантов и тихо злился. В экранчике тянулось подробно и нудно. Несомненно: овечка вставать и не думает. Может проваляться весь день. Что было не так уж и плохо. Пока Тина ворочалась с боку на бок, Тиль коротенько пробежался по другим вариантам. Обозримое будущее проблем не сулило. Но что-то смутно тревожило. Как будто научился предугадывать беды овечки без помощи ангельских средств.

Под ворохом разбросанной одежды затренькал мобильник.

Вот оно: овечке нельзя брать трубку.

Звонок беспокоил. Тина скривилась: как назло, два раза резануло внизу живота. Скорчившись, она сползла с кровати. Пока шарила, могли бы повесить трубку, ангел очень понадеялся. Но абонент оказался настойчивым. Не попадая по клавишам, кое-как прижимая трубу к уху, ответила хриплым, простуженным голосом. Нормальным для хмурого утра.

– Тина? – с сомнением спросил девичий голосок. – Это ты... вы?

Голос был знаком, но пробивался из такого далека, до которого докапываться лень.

– Кто это? – раздражаясь возникшему беспокойству, рыкнула Тина.

– Извините, я, наверное, ошиблась...

– Ленка? Ты?

Более неожиданным мог быть звонок только от английской королевы. На том конце мобильной связи обнаружилась одна из редких персон, которым позволялось числить себя в кратком списке друзей Тины. Вернее – подруг. Девочка училась с ней в закрытой школе, хотя как попала туда и как небогатым родителям удавалось оплачивать драгоценное образование, было загадкой. В классе Лену держали за белую ворону в жирной стае наследников вилл, тихо презирали и откровенно гнобили. Вокруг нее установили санитарный кордон, переходить через который богатым детишкам возбранялось. Но Тина по какой-то прихоти вдруг стала дружить с ней демонстративно и даже взяла под защиту. Ленка ответила искренней привязанностью. Дружба получилась странной, но крепкой. Может быть, Тина понемногу входила во вкус управления людьми. Когда она уехала в колледж,

Лена не выдержала и ушла в другую школу. Переписка и созвоны продержались недолго, и больше трех лет между ними не было вестей.

– Ой! Тиночка! Как я рада тебя слышать!.. А что у тебя с голосом? Я тебя просто не узнала, думала, попала не туда. А это ты! Как здорово! Так что с тобой? Простыла? – голос Лены сохранил звенящий закал.

– Фигня, обдолбалась.

– Что?!

– Да не бери в голову. Ты как?

Оказалось, у Ленки столько новостей и она так хочет видеть школьную подругу, что по телефону всего не расскажешь. Тревога сна улетучилась, Тина увлекалась разговором и даже повеселела. Договорились встретиться как можно скорее, буквально через пару часов на старом месте.

Ангел беспомощно слушал. Использовать последний рычаг прямо сейчас – страшновато. И так уже был сбой.

Пока Тина приводила себя в чувство горячим душем, остывшим завтраком и слезами обиженной прислуги, Тиль еще раз углубился в проглоченные знания, надеясь, что среди вороха книг отыщется хоть одна, которая подскажет, как пробиться к овечке. Он рылся и рылся в океане слов. По мнению авторов, настоящие ангелы в основном печально взирали или несли весть. Были и те, кто оберегал в огненной печи трех отроков, а также совершал иные полезные, важные, великие и судьбоносные дела. С радостью Тиль повторил бы любой подвиг, но подробных инструкций по применению не было. Среди великого разнообразия историй и случаев не нашлось крупинки пользы. Может, дело в том, что у Тиля нет крыльев? Те, что в книжках, являлись уже оперившимися, а у него за плечами пушинки не выросло. Наверно, дело в этом. Может, стоит явиться пред очами овечки? Но и это не понятно как проверить. Нет полезных советов. Судя по книгам, ангелы появляются или прилетают запросто, как к себе домой. А что делать, если вместо крыльев – мотоцикл?

Тиль окончательно понял: знания – зло. Знания – слабость. Может быть, Там они сделали кого-нибудь счастливее, умнее, лучше, может быть, обитает такой счастливчик, но для ангела знания – не дороже мусора. Ангелу нужно другое.

Мусик покорно сносил любопытство кота, готовый служить хозяину, но только не советом. А среди вариантов уже отчетливо обрисовалась большая проблема.

Выбросив книги из головы, Тиль обреченно отправился за овечкой, кое-как причесанной и пренебрегшей косметикой, зато светившей синяками под каждым глазом.

Местечко, в котором назначили свидание, он знал как свои пять пальцев. Вернее, знал Толик. Это было счастливое кафе, в котором началась профессиональная карьера. Сюда заглядывал не часто, а лишь когда было отменное настроение или хотелось подыскать новую работу. Почему-то здесь у Толика получалось лучше всего. Возможно, дам расслабляла волнующая атмосфера парижской кофейни, в которой черный кофе подается с бокалом воды и щепоткой флирта. Ничего уникального в заведении не было: венские стулья, потертые столы, занавески на окнах, гравюры Монмартра и скудные цветочки. Но какая-то загадка была. Что странно: Толик наверняка пересекался здесь с Тиной – может, сидели в разных концах зала – и даже не догадывался, кем появится вновь.

Лена приехала, как положено, дожидаясь опаздывающую подругу за чашечкой эспresso. Когда Тина вошла в зал и, прищурясь, искала знакомое лицо, бросилась навстречу, повиснув на шее. Овечка не была готова к щенячьему восторгу, но порыв стерпела.

Унявшись, подруга детства осмотрела то, что Тина натянула из попавшего под руку, и выразила восхищение:

– Потрясающе, Тинка! Выглядишь фантастически! Как из журнала. В Англии купила? Отлично, тебе идет! – Сама Ленка одевалась в дисконт-магазине, и то по большим распродажам.

Шумные эмоции – всегда маленький спектакль. На них стали поглядывать. Не терпя чужого внимания, Тина подтолкнула подружку на место.

Ангелов было немного. На Тиля посматривали, как обычно, с любопытством, изучая воловьей кожи комбинезон, но лишь приветливо кивали. Знакомиться ближе никто не спешил. Ангел Лены занимал подоконник, уставился на коллегу, но здороваться не стал, а нагло отвернулся. Над идеальным телом в смокинге торчала голова старого пирата или душегуба с большой дороги. Судьба овечки была ему глубоко безразлична. Значит, помогать никто не будет. Второй закон и все такое.

Подкатив Мусика к столу подружек, Тиль устроился ждать шанс взнуздать непокорную овечку.

И без досье было понятно, что Ленка совершенно не похожа на Тину. Добродушие и честность, слегка отдающие глупостью, били через край. Не имея и десятой доли того, чем разбрасывалась Тина, Леночка радовалась каждой мелочи, которая перепадала. Она была неприхотлива и наивно искренна, насколько вообще может быть молодая девушка. Наверное, они подружились потому, что более разные характеры трудно было вообразить. К тому же Лена была старше на полтора года.

Завладев инициативой, она болтала без умолку, выпалив главные новости: что закончила школу, что поступила на бесплатное отделение педагогического института, что будет учительницей младших классов, чему искренно рада. При этом успевала спрашивать. Тина отвечала нехотя, односложно, но незлобно. Это не мешало Лене говорить без остановки.

– Можешь меня поздравить. – Она салютовала кофейной чашкой.

– Поздравляю, – вяло отозвалась Тина.

– Я замуж выхожу!

– Давно пора. За это надо выпить. Какое шампанское любишь?

– Нет-нет, потом. Знаешь, Митя просто замечательный!

– Кто?

– Жених мой! Я его просто обожаю. Он просто необыкновенный, настоящий ангел. Влюбилась как дура. Думаю, это на всю жизнь. И он меня безумно любит. Мне так хорошо с ним, спокойно, надежно. Ты не представляешь, какое это счастье. Смотри, какой он классный... – Лена подсунула мобильник: в окошке виднелась худощавая физиономия курносого юноши с большим лбом и в очках с металлической оправой. – Правда, прелесть? А у тебя?

– Что?

– У тебя есть... молодой человек? Кто он? Расскажешь? Фотка есть?

– Чем же твой Леша так хорош?

– Митя. Он необыкновенный...

Избранник был единственным ребенком в семье коренных профессоров. Папа занимался немецкой философией, мама – русской литературой, а бабушки и дедушки с обеих сторон не вылезали с разнообразных кафедр университетов обеих столиц. Сам Митя увлекался филологией, чему предполагал посвятить жизнь, не считаясь с бытовыми трудностями.

– Зарабатывает нормально?

– Мы же еще студенты, пока нам будут помогать родители. Мите надо учиться. Главное – получить хорошее образование.

– Что, правда?

– Конечно. Митя хочет пойти в аспирантуру и заняться преподавательской деятельностью. Будет помогать мне составлять учебные пособия. Здорово иметь с мужем общие интересы!

– Так вы уже поженились?

– Ой! – Леночка схватилась за голову. – Я же совсем забыла, что хотела! Ты сегодня занята? Нет срочных дел? Замечательно! Я хочу тебя пригласить, все-таки ты моя самая лучшая подруга, на... помолвку!

Тине показалось, что она ослышалась.

– Ну, понимаешь, – Лена виновато хихикнула. – Наши с Митей родители – консервативные люди. Хотя яростные атеисты, но желают, чтобы у нас все было по традициям. Поэтому сегодня Митя официально попросит моей руки, и у нас будет помолвка. Это так здорово! Я так рада, ты не представляешь. Заявление мы, конечно, подали раньше. Свадьба через неделю. Надеюсь, будешь свидетельницей?

Выхода не осталось, Тиль нажал два раза: «Откажись!»

– Что случилось? – забеспокоилась Лена. – Тебе плохо? Хочешь, дам таблетки?

Выудила из сумочки пластиковый флакончик и сунула Тине:

– Возьми, мне всегда помогает.

Запив боль глотком холодного эспresso, овечка деловито осведомилась:

– Как он в постели? Фантазии еще не иссякли? С оргазмами у тебя в порядке?

Леночка покрасилась пятнами, пробормотала что-то невнятно и быстро свернула разговор, предложив не расставаться в такой день, а прогуляться, потом заехать за платьем и уже оттуда отправиться на помолвку. Тина категорически отказалась быть на официальном мероприятии без нужного прикида. И хоть подруга уверяла, что все будет по-домашнему, ей будут рады в любом виде, но Тина уточнила адрес в старом переулке Москвы, коснулась щеки подруги, обещав быть вовремя, и выскочила на улицу.

Машины еле уворачивались от спортивной молнии цвета «металлик».

XVI

Оставалась надежда, что овечка передумает. Однако Тина отправилась напрямик в гардеробную, расшвыряла десяток платьев, пока не выбрала черного Лагерфельда с большим вырезом. Не беспокоясь, что полагается дарить на помолвку, вынула из бара бутылку «Дом Периньон» и, как назло, не опоздала.

В квартире потомственной семьи было тесно от книг. Корешков было значительно больше денег, поэтому мебель доживала свой век со скрипом, когда-то лепной потолок обвалился, пыль изрядно покрывала гардины, а ковер просвечивал насквозь. Но мелкие неурядицы быта казались хозяевам сущими пустяками. Они не заметили, что эпоха шагнула вперед. В этих стенах история остановилась в начале прошлого века и заснула летаргическим сном. Здесь не смотрели телевизор, удивлялись Интернету, подозрительно косились на мобильники, но зато говорили о Ницше и Достоевском как о близких родственниках.

Шагнув за порог, Тина стала задыхаться, словно провалилась в сырой чулан. Недостаток комфорта хозяева возмещали радушием. Про гостью уже знали, что она лучшая подруга Леночки, принялись пожимать руки, отвешивать комплименты и высказывать уважение. Тина немного растерлась, не зная, на каком языке разговаривать с благородным папой Мити и его высушенной мамочкой. На языке вертелись выражения вроде «всемиловитейший нижеподписавшийся» и прочая дребедень. Но еще больше поразила обстановка. Девочка иного мира не подозревала, что люди могут жить так убого и быть счастливы.

Ответственное мероприятие проходило в узком кругу. Родители невесты, чья-то бабушка с бесхозным дедушкой, какая-то подруга дома и университетский друг Митиного отца. Мужчины проявлялись из теней, когда оказывались поблизости Тины, женщины виднелись сразу. Других ангелов, кроме Леночкиного, Тиль не заметил. Может, прячутся и бездельничают. А ему вот не до отдыха теперь.

Старинный маятник отбил три часа. Митин папа попросил собраться в гостиную, как он выразился, хотя комната походила на кладовку библиотеки. Гости послушно заняли места, кто где мог.

Вошла счастливая невеста. Представления Лены о роскошном платье ограничивались фантазией портнихи ближайшего ателье. Но родители с обеих сторон выразили полное восхищение. Разговоры смолкли, торжественную тишину нарушал перестук ходиков. Скрипнула белая дверь, в гостиную сунулся нескладный жених в мешковатом костюме и

рыжих ботинках. Белые розочки в руке предательски вздрагивали. Испуганно оглядев улыбки родственников, Митя нашел невесту, получил моральную поддержку и, как в пропасть, шагнул к будущим тестю и теще:

– Дорогие Иван Арнольдович и Кларисия Степановна... – запинаясь, произнес он. – Позвольте мне в этот важный для меня день... день...

Текст Митя учил, но под напряжением момента дальнейшие слова начисто стерлись в перегретых мозгах. Будущий муж лихорадочно пытался выжать что-нибудь, но беспомощно разевал рот. Утопающего спасла Леночка, грозно насупившись на родителей. Иван Арнольдович подработал суфлером.

– ...просить руки вашей дочери! – механически повторил Митя. Букет торчал перед носом и жутко мешал.

Поняв состояние будущего зятя, Иван Арнольдович взял инициативу в свои руки, вырвал из Митиных рук куст, передал жене, обнял парня, троекратно облобызал, после чего предоставил его холодные щеки со следами свежих порезов от бритвы супруге. Кларисия Степановна охотно приложилась.

– Что ж, Дмитрий Анатольевич! – торжественно начал папаша. – Мы согласны с выбором Леночки и желаем вам большого счастья!

Закрутилась вакханалия поцелуев. Порозовевшая Леночка досталась родителям жениха, а затем и своим. Мите перепало в свой черед, так что под конец церемонии держался за руку будущей жены отупело. Целовались все. Лишь Тина держалась в сторонке.

Ангел шерстил варианты, все более тревожась.

Анатолий Николаевич, гордый сыном, выскочил из комнаты и вернулся с подносом, уставленным хрустальными бокалами шампанского. Он попросил минутку внимания:

– Дорогие друзья! Сегодня произошло великое событие, не побоюсь этого слова. Наши дети приняли решение быть вместе и создать новую семью. Это великое счастье и великая радость для всех нас. Поэтому хочу выпить за главное богатство, которое есть у всех нас и недоступно разным нуворишам, которое мы смогли передать детям, богатство, которое невозможно ни купить, ни продать, ни потерять. Это богатство – любовь. Давайте же выпьем за любовь наших детей, чтобы она была крепка, как сталь, и вечна, как философия! Ура!

Тост поддержал нестройный хор криков. Тина осушила бокал и с размаху саданула об пол. Грянул фонтан хрустальных осколков.

– За молодых!

Митин папаша только улыбался гибели фамильного хрусталя из дедушкиных запасов.

Гостей позвали подкрепиться, но Леночка поволокла Митю в сторону.

– Знакомьтесь! – приказала она, подталкивая его к Тине. – Это моя школьная подруга. Лучшая подруга.

Пережив помолвку, Митя не придавал особенного значения тому, с кем знакомится, он промямлил что-то вежливое.

– Ну как? – с тихим торжеством поинтересовалась Леночка.

– Великолечно. Появилась идея. Хочу подарить на свадьбу что-нибудь нужное. Выбери, подруга.

– Ой, спасибо! – Леночка нанесла щеке Тины внезапный поцелуй. – Можно заказать ноутбук для Мити? Не очень нахально с нашей стороны? А то ему неудобно работать на старом компьютере.

– Насколько помню, подарок выбирается для невесты.

– Если у Мити будет хороший ноутбук, для меня это лучший подарок! – И Леночка улыбнулась, как умеет только очень счастливая женщина.

– Как хочешь. Сделаем так...

В отчаянии ангел завопил: «Нет!» – но кто его услышит. Овечка и ухом не повела.

– ...часа через два Митя приедет ко мне, мы сгоняем в компьютерный супермаркет, и он выберет, что захочет.

Благодарная Леночка повисла на шее у подруги. А Тиль побрел к Мусику. Что еще

оставалось? Следовать за овечкой, как на привязи.

Даже пробки не остановили. К шести часам, когда оробевшего Митю проводила горничная в сопровождении охранника, Тина была готова, переодевшись в коротенькое платье для коктейлей, сшитое из блестящих страз. Прямо сказать – ослепительное.

Митя находился в гостинной в одиночестве, но боялся присесть, озираясь и не веря, что попал не в музей или дворец, а в квартиру, в которой живут. Засмотревшись на обнаженную нимфу на камине, он упустил появление другой.

– Привет! – сказала сверкающая нимфа томно.

Митя торопливо зажмурился от слепящего блеска. Ничего более великолепного студенту-филологу видеть не приходилось. Тиль с удовольствием покрыл бы эту красоту глухой паранджой.

Голые плечики кокетливо повелись:

– Что-нибудь выпьешь?

Парнишка отказался – и так уже принял дома, – если можно, лучше сразу поехать.

– Торопиться? – Овечка вытянулась на диванчике, чтобы край платья показал вызывающе много.

Митя старался смотреть в лицо девушке, но, как нарочно, косился взглядом куда не надо.

– Где вы познакомились с Ленкой?

– На факультете. Мы же на параллельных учимся.

– И давно это у вас?

– Да как на первом семестре увидели, так и вот...

– Любовь с первого взгляда? – Тина понимающе кивнула. – Это здорово. Наверное, за ней дают хорошее приданое.

– Что, простите?

– Ваши родители чтут традиции, помолвки и все такое, значит, за невестой должны дать приданое. Что берешь? Машину? Дачу? Бизнес? Или просто акциями?

Митя замялся:

– Да нет, ничего такого. Леночкины родители – обычные педагоги, вы же знаете...

– Давай на ты? Ладно? Будущий муж моей лучшей подруги – мой друг.

Вскочив сверкающей рыбкой, Тина разлила пятидесятилетней выдержки виски и потребовала выпить на брудершафт. Зажмурившись, Митя глотнул ячменный самогон и почувствовал у носа чужие губы.

– Теперь друзья. – Тина вернулась на диван. – И я имею права, как друг, задать вопрос: для тебя любовь действительно важнее денег?

Ерзая на дворцовом сиденье, как на сковородке, пока обжигающее пойло глумилось над юным организмом, Митенька, наконец, смог выдохнуть «да».

– Какой ты молодец. – Она похлопала в ладоши. – Настоящий мужчина. Где бы мне найти такого. А то времени совсем не осталось.

– Что-то случилось?

– Да папашка мой оставил хитрое завещание: если не выйду замуж до своего дня рождения, а до него осталось всего три дня, плакало мое наследство. Оно, конечно, ничего особенного, но все равно жалко терять два ярда.

– Два ярда чего? – не понял Митя.

– Ну, не баксов же! Кому они теперь нужны, правда. Евро, конечно. Два ярда в евро, да еще пару домишек по Европе, квартирку эту. И так, кое-чего по мелочи.

Ложь была столь убедительна, что поверил даже Тиль. В следующее мгновение ангел пришел в ярость, забыв обо всех опасностях. Да что же она делает? Как смеет овечка поступать с ним так? Перышко шуршало, записывая штрафные без остановки.

Захмелевший было Митя сразу протрезвел и по-другому взглянул на блестящую блондинку.

– И что вы, то есть ты, будешь делать?

– Даже не знаю. – Тина призывно выгнулась. – Найду какого-нибудь доброго мужичку, составим брачный контракт, распишемся, получу наследство, разведусь и заживу, как захочу. А его не обижу. Как думаешь, миллион евро за такую непыльную работенку достаточно?

– Наверное, – сказал Митя, который больше тысячи рублей в руках не держал. – А где вы... ты будешь искать такого мужчину?

– Желающие найдутся. Кстати, предложение открыто для всех. А для настоящих друзей – тем более.

Тина посмотрела в упор. Но Митя глаз не отвел:

– Я правильно понял, что...

– А что, слабо?

– Но ведь у нас с Леной свадьба через неделю.

Преобразилась Тина внезапно, как будто внутри включили прожектор. Что случилось, ангел не понял – вроде бы внутренние органы трудятся как прежде, только кровь чуть быстрее побежала да зрачки расширились, но овечка стала другой: решительной, сильной и очень опасной. Тиль сразу забыл обиду, очаровавшись животной силой. Тело ее напряглось, пальцы сдавили бокал, глаза лихорадочно блеснули:

– Послушай, друг. Вот женишься, будете жить у ее или твоих родителей, может, квартиру снимете, заведете детей по глупости и станете считать каждую копейку. Знаешь, что дальше будет? Это сейчас Ленка такая счастливая, но когда узнает, что не может позволить новые туфли, потому что в доме жрать нечего, любовь пойдет на спад.

– Она не такая. Она выше этого.

– Она не выше и не ниже, она просто женщина. Что будешь с этим делать? В ларьке торговать гордость не позволит, людей убивать не умеешь. Значит, остается горбатиться уроками, пока не проклянешь семейную каторгу и жену в придачу.

– Этого не может быть, – прошептал Митя, потрясенный преображением. Худенькая овечка обернулась драконом, только без огня из пасти.

– Может! И будет так! Но у тебя есть выбор. Ты должен честно сказать, что любовь, которая не продается, очень дорого стоит, поэтому ей нужен солидный капитал. И ты можешь получить его, ровным счетом ничего не делая. Подумаешь, женишься на другой, а потом разведешься. Второй брак всегда самый крепкий. Никуда ваша любовь не денется, если немного подождете. Только проверите друг друга. Зато принесешь своей семье твердый фундамент. Можете получить сразу все: квартиру, машинку простенькую, дачку и еще останется безбедно жить на проценты, чтобы заниматься наукой. И детям вашим останется. Так стоит бред о чистой любви одного миллиона евро?

Неудержимая сила, какая горы сворачивает, не то что человека, рвалась из девочки, почти ребенка. Слова били хлыстом, заставляя подчиняться воле, безрассудно и слепо. Чтобы устоять такому напору, требовалась воля, не менее дикая. Такая, что поднимала древнее племя на мамонтов или армию крестоносцев на спасение Святой земли. Откуда ей взяться у мальчика, выросшего в книжной пыли.

Тиль вынужденно признал: и сам бы не устоял.

Схватившись за голову, Митя застонал, словно моля о пощаде или снисхождении. Но их не могло быть. Не отступая, Тина жала, не зная пощады:

– Такое предложение раз в жизни бывает. Подумай головой, ты же умеешь ею пользоваться. Другой бы на твоём месте уже скакал от радости, а ты еще сомневаешься. Молодец, есть характер, Леночка потом спасибо скажет. Так согласен? Или другого искать? Говори! Сейчас говори! Ну!

– Десять, – глухо промычал Митя.

Чудовище замкнуло огненную пасть, расслабилось, явив снисходительную улыбку:

– Вот это разговор. Два...

– Пять.

– Да ты настоящий бизнесмен, Митенька. Так и быть: три или проваливай.

Схватив бутылку виски, Митя глотнул из горла и подавился, мерзко отплевываясь. Лучезарная Тина наблюдала за его муками с явным удовольствием.

Отдышавшись, он спросил:

– Что надо делать?

– Это значит по рукам?

– Да-да, конечно...

– Повторяй за мной: я хочу немедленно отменить свадьбу с Леночкой и предлагаю вам, Фавстина Ивановна, свою руку и сердце. Будьте моей женой.

Митя обреченно повторил слово в слово.

– Вот теперь как надо! – Тина была спокойна, хотя покраснелась. – Не парься, все схвачено. Завтра съездим в загс и распишемся.

– А Леночка?

Тина протянула мобильник:

– Зови сюда, сам объяснишь, это ваши проблемы. Если что, помогу.

Ждали в молчании, но ждали недолго. Леночка примчалась в отличном настроении, чуть хмельная от счастья. В этом доме она была в давнем детстве и сейчас вернулась, как в сказку, с радостным удивлением разглядывая необычную квартиру. Радость переполняла. Она не заметила, в каком состоянии пребывает Митенька, и только спросила:

– Уже вернулись? Можно посмотреть подарок? Ужасно любопытно. Ух ты, какое у тебя платье, аж глазам больно.

Ее ангел, недружелюбно глянув на Тилю, скрылся в дальнем углу гостиной. Овечка была ему глубоко безразлична. Везет же некоторым.

– Подарки будут потом. Митенька хочет тебе кое-что сообщить. – Тина плеснула виски. – Будешь?

Леночка отказалась, уселась рядом с женихом, укрыв его ладошку своими, и ласково приказала:

– А ну, признавайся!

Филолог честно пытался сложить предложение, но извергал набор бессвязных звуков и междометий. Счастливая невеста покрутила головой и, смеясь, признала, что ничего не поняла.

– Ты пьян, что ли? – толкнула Митеньку в бок.

– Давай-ка я попробую, – Тина отхлебнула виски. – Дело в том, подруга, что ваша свадьба отменяется.

– Почему? – Леночка улыбнулась.

– Митя принял трудное, но мужественное решение. Только что он сделал мне предложение, и завтра мы с ним расписываемся.

– Почему? – повторила девушка, быть может, надеясь на розыгрыш.

Бокал полетел в диванчик, дракон расправлял крылья:

– Я тут слышала, у вас – в почтенных семьях, есть некое богатство, которое не продается. И нам, значит, простым нуворишам, никак не доступно. И стало мне любопытно: неужели эти жалкие людишки, которые и жизни приличной не видели, имеют что-то, что мне, наследнице, недоступно. Так стало обидно, что и не передать. Думаю, как же любовь может быть сильнее денег? И ведь пришлось бы поверить на слово. Потом бы измучилась, весь кокс извела. Но вдруг такая удача: шанс проверить. И проверила! И знаешь, что случилось? А то, что вранье пузатый папаш сморозил. Нет у вас никакого незримого богатства! Голые и босые. Может, и было, да только Митенька взял и продал его. Еще цену подходящую выторговал. Знаешь, сколько взял? Три миллиона евро! Во, каков молодец! Да ты не волнуйся, это ненадолго. Мы с ним поживем годик, и он к тебе вернется. Но с набитыми карманами. Вам этих денег на всю жизнь хватит, и еще внукам останется. Разве не стоящая покупка?

Митя восторженно:

– Как год? Ты же говорила...

– Извини, малыш, забыла уточнить. – Тина потрепала его по затылку. – По завещанию обязана прожить с мужем не меньше года, тогда получаю наследство. Прожить, кстати, в полноценном браке. А после этого – свобода и деньги. Если детей не будет или ты меня горячо не полюбишь.

– Да как же это... – только выговорил оглушенный Митя.

– Да так вот, муженек. Думал, деньги легко достаются? Нет, за них надо по горло измараться. А хотя знаешь что?.. Это даже любопытно... Можешь прямо сейчас отказаться от нашего уговора. Забирай Ленку и живите, как прежде. Сделаешь красивый поступок, будет о чем друзьям и детям рассказывать, как ради любви отказался от трех миллионов. Ну что, готов?

Митенька затравленно поглядел на Лену и опустил голову.

– Что молчишь, отвечай нам! – заорала Тина. – Выбирай: она или три миллиона?!

– Я не могу, – если слышно пробормотал он.

– Так дело не пойдет. Выбирать придется сейчас, отступить некуда тебе, да и мне тоже. Отвечай: кто?

– Пожалуйста, не надо...

– Она?! – Тина угрожающе выставила палец. – Или деньги? Дурочка без гроша в кармане или жирный кусок? Не смей молчать, тварь!

Еле заметно Митенька качнул головой. Но и этого было достаточно. Тина победно вздела кулаки:

– Вот так! Вот так и должно быть! Моя взяла! Ясно, подруга, чего стоит твоя любовь... Не дорого, надо сказать. А ты молодец, не свернул. Ну, ничего, поживешь со мной, помучаешь, будешь трахать раз в недельку, как все мужья, а потом вернешься к своей единственной любви и заживете долго и счастливо. Главное – не забыть подохнуть в один день.

Не отрываясь, словно не в силах отогнать наваждение, Лена смотрела на подругу:

– Как ты могла... За что...

– Будешь знать! – закричала Тина, свирепея и не контролируя себя. – Вот что стоит вся любовь! Вот ей цена! Все, конец, нет ничего. А ты потерпишь, ты у нас добренькая. Правда? Поплачешь и простишь. Он ведь не просто так вернется, с капиталцем. А с такими дровишками и потухшая любовь возгорится. Ты ведь найдешь, как применить деньжата, подруга моя скромненькая, я знаю. Не побрезгуешь, что мужа твоего из-под венца выкупили. Как миленькая возьмешь!

– Тиночка, что ты делаешь...

– А и правду, что? Хочешь – можем по-другому. Берешь у меня деньги, гонишь этого ботаника ко всем фига и выходишь, ну, например, за нашего охранника. Он согласится, парень хороший. Главное: ты согласна? За три лимончика евриков? Как, подруга?

Леночка не издала ни звука.

– Ишь ты, гордая. Ну, ничего, мы и без тебя управимся...

Нажав пульт вызова, Тина приказала явившийся горничной немедленно звать мать и тетку. Горя лихорадочным возбуждением, она металась по гостиной, круша на своем пути стулья и вазочки, и только приговаривала: «Вот так, вот так, нету больше, все продал, все предал, подлец».

Вцепившись в Митину ладонь, Лена словно не понимала, что произошло.

Войдя, Виктория Владимировна следила за дочерью, напуганная тетка жалась за ее спину.

– А, мать-перемать моя пожаловала! – Мейсенская тарелка разнеслась вдребезги. – Поздравь, выхожу замуж. Вон избранник мой сидит, зять твой будущий. Нравится? Да мне наплевать. Мой муж, за кого хочу – за того и выхожу. Парнишка из хорошей семьи, правда, нищей, зато будущий филолог, а не хрен собачий. Книжками дом заставим. Рядом с ним знаешь кто? Его невеста. У них свадьба через неделю, так он ее поменял на мои кровные три лимончика евро. Здорово, да? Это я блюду наши семейные традиции. Тебя ведь папа тоже

купил. Так чем я хуже, почему не могу муженька себе прикупить?

Тетка закрыла рот в ужасе, но Виктория, подхватив старушку, молча покинула поле боя. Даже дверь не хлопнула.

Тина сразу выдохлась, только дышала, как загнанный гепард.

Ангел сидел на спинке дивана и не мог злиться. Злоба куда-то подевалась. А Леночкиному ангелу все по барабану, даже головы не повернул. Или знает нечто важное? Вот что странно: в вариантах светила явная угроза. Но ничего не случилось. Неужели овечка сама выбрала безопасный путь?

Митя попытался проблеять что-то, но Лена отшвырнула его, приблизилась к Тине, без слез, спокойная:

- Ты сломала нам жизнь.
- Ошибаешься, подруга, это не жизнь была.
- Ты гадина, нет, ты хуже. Ты – выродок, чудовище, бесчеловечное отродье.
- Я знаю, – согласилась Тина.
- Зачем только я позвонила. Ничего бы этого не было.
- Это тебя ангел не уберет, подруга.

Леночку распирало бросить в лицо той, что была ей дорога, страшное проклятие, но она не смогла. Выбежала. Ангел ее сделал Тилю ручкой и отправился следом.

Тина подпихнула вконец одуревшего жениха.

– Догони. Проси прощения, валяйся в ногах. Только не оставляй одну. Она тебя, ничтожество, крепко любит. Тебе повезло, еще не знаешь как. Передай, что прошу у нее прощения. Подарок на свадьбу пришлю, останетесь довольны. Уходи.

Вконец одуревший Митенька захлопал ресницами:

- А как же деньги...
- Это была шутка.
- Но ты обещала!
- Пошел на фиг.
- Но как же так, я все выполнил!
- Вон отсюда.
- Отдай мои деньги, мерзавка!

В отчаянии юный филолог еще упирался, выкрикивая непечатные словечки под тираду о честном слове и разрушенной любви, но охранник подхватил под мышки и выволок трепыхающийся куль.

Тихо звякнул колокольчик. Перышко округлило цифру: уже семьсот тысяч.

Наверное, ангел, у которого была дюжина овечек, привыкает ничему не удивляться. Наверное, учится этому с вечностью. Когда проходит толпа одинаковых женщин, которых видит насквозь, до последней кишки, знает их прошлое и будущее, легче быть равнодушным. Тилю не было дано обезболивающего. Выходку Тины он принял слишком близко к... ну, хоть к тому, что есть у ангела вместо сердца. Не осуждал овечку, не проклинал за ворох штрафных, а вдруг испытал нечто большее, чем жалость, нечто похожее на понимание.

Девчушка сделала жуткую гадость, испортила отношение невинных созданий, но почему-то Тиль не нашел слов для обвинений. Быть может, надеясь, что не Ленку она втоптала в грязь, а себя наказывала. Быть может, не Митеньке сделала больно – себе. А вдруг Тина себя рвала на части, себя уничтожала? Чего доброго, надеялась, что Митенька озверееет, как загнанный заяц, и прибьет ее. Кто знает, ангел не видит мыслей овечки. Но кое-что не забывает. Особенно слезинку.

Прыгнув на спинку испорченного дивана, Мотька призывал к играм и забавам.

Что-то было не так, что-то случилось, кажется, упущен важный момент.

Тиль насторожился и кинулся в спальню.

Струился пар, вода касалась подбородка. Закрыв глаза и уложив руки прямо, Тина вытянулась в просторной ванне. Худенькое тельце лежало неподвижно. На кафельной

плитке съежился станок для бритья, вынутое лезвие прилипло к чугунному краю. В голубоватой жидкости вились дымочки, постепенно раскрашивая в коричневое. Тонкие порезы на запястьях почти незаметны, кровь умывалась сразу.

Ангел сделал, что еще мог. Тина поморщилась, но осталась лежать, вынула руку, по которой устремился бордовый ручеек, подхватила горсть таблеток, подаренных Леной, и проглотила, запив из ванной. Экранчики вариантов потухли.

В безвыходный тупик попал ангел. Случись такое вчера – Тиль бы сдался, в конце концов, всего лишь ангел. Но сегодня увидел нечто такое, ради чего не имел права опускать руки, раз крыльев нет.

Кот уставился на ангела, который явно не собирался играть, а навис облаком в кожаном комбинезоне.

– Выручай, друг, – попросил Тиль. – Спасай любимую хозяйку. Ори что есть мочи!

Пушистый мерзавец прекрасно понял, чего от него хотят, но мелочно отомстил за отказ развлекать: занялся умыванием наглой рожи.

Тиль очень спешил, а потому уговаривать не стал, прыгнул на Мусика и с разгона помчался. Мотыка зашипел, вздыбив шерсть, но трусливо попятился к двери. Подняв мотоцикл на дыбы, Тиль припер кота к створке, так что деваться было некуда, и приказал страшным голосом:

– Орать и царапать!

Потеряв под колесами остатки сытого достоинства, Мотыка завопил так, будто его пропускают через мясорубку, выпустил когти и полоснул по лакированному дереву.

На шум появилась горничная, удивилась бешенству смиренного существа, и побежала за хозяйкой. Виктория Владимировна не сразу сообразила, что творится неладное, но котик непрерывно скулил. Дернула за ручку. Дверь была заперта. Постучала и позвала. Никто не отзывался.

– Охрану, быстро! – распорядилась Виктория Владимировна и принялась колотить без устали.

Ангел отпустил мотоцикл. Поджав хвост, Мотыка позорно скрылся. Их дружбе конец, но у овечки появился шанс. Надо еще что-то сделать, пока до нее доберутся.

Вода превратилась в компот. Голенькое тельце еле просвечивало, сердечко чуть шевелилось. Тина лежала тихо. И вдруг открыла глаза. Ниточка жизни истончилась до того, что она еще была в теле, но уже немного за.

– Ангел, это ты, – сказала и улыбнулась, не разжав губ. – Какой ты красивый. Думала, тебя нет, а ты вон какой симпатичный.

– Откуда знаешь, что я твой ангел?

– Крылья у тебя здоровские.

Конечно, не до того было, но Тиль покосился: о чем мечтал – не выросло, но за плечами сиял смутный контур, похожий на птичье крыло. Крылья так крылья, овечке виднее.

– Не смей уходить, – потребовал Тиль и вспомнил про Первый закон. – То есть очень тебе советую. Помощь близко.

– Я так устала, отпусти меня.

– Извини, не могу.

– Почему?

– Я твой ангел, мне деваться некуда.

– Мне жить не хочется. Это хуже.

– Ничего, потерпишь. Тем более я всегда подскажу. Только постарайся меня слышать... Опять матери напакостить захотела?

– Да ну ее... Понимаешь, ангел, мне совсем незачем жить. У меня был человек, которого я любила, но его теперь нет. Ты должен знать. Всем от меня что-то надо, только мне надо другое. Но его нет. И я одна.

– Ты не одна, я с тобой.

– Правда? И тебе от меня ничего не надо?

– Просто живи. Я подстрахую. И всегда буду рядом.

Она еще что-то хотела спросить, но дверь вышибли. Вбежали охранники.

Овечку вынули из воды, стянули запястья, укутали, били по щекам, не давая засыпать, вливали коньяк сквозь сжатые зубы, и когда примчалась бригада врачей, Тина крепко держалась в теле, которое обмотали проводами и трубочками, накачивая свежей кровью с коктейлем лекарств. Только тогда Виктория Владимировна отошла в сторонку и позволила разрыдаться. Ее ангел все пропадал где-то.

Восседая на Мусике, Тиль радостно наблюдал, как один за другим оживают экранчики вариантов. Покосился на перышко, и хотя не помнил точной цифры штрафных, но, кажется, чуть-чуть уменьшилась. А может, и нет, теперь – наплевать. Ему впервые понравилось быть ангелом.

Поиграв мышцами и ничего не ощутив, Тиль подошел к зеркалу, надеясь выяснить, что разглядела овечка. Отражения не было. Он повертелся так и эдак, но не нашел даже тени себя. Ангелы невидимы в зеркалах, какая досада. Тогда заглянул через плечо, но там обнаружились кожаные накладки комбинезона. Даже контур исчез.

Из любопытства Тиль сунулся в зеркало. На той стороне начинался темный свод, выложенный серыми плитами, такой древний, что паутина свешивалась лоскутами. Дул промозглый ветер, издавала скрежет ржавый металл, чья-то смутная тень метнулась и исчезла. Ангел ощутил, как тоска и печаль шевелящимися лапками ползут по коленям. Он испугался и выпрыгнул в комнату.

Здесь было куда лучше, сустились врачи, бледная овечка мирно лежала в кровати, принесли Мотьку, которого Виктория Владимировна обняла, как ребенка, и нацеловывала пушистую морду. Здесь было понятно. А что находилось там, знать не хотелось.

Для надежности уточнив варианты, Тиль оседлал Мусика, чтобы проветриться на Том свете, как вдруг понял, что совершил непростительную ошибку: не успел договориться с овечкой. Она ведь так и не знает, как понимать команды. То есть советы. Вот обида, такой шанс упущен.

Но перышко считало иначе, не заметив ляп ангела.

XVII

После пятой клиентки Толик проникся безграничной уверенностью, что разбирается в женщинах, как механик в моторе, научившись включать, разгонять, тормозить, где надо смазать, а когда и выпустить пар. При всем многообразии причесок и брильянтовых украшений дамы рулились до удивления одинаково. Как будто внутри у них несложный механизм, к которому нужен правильный ключик.

Мастерство управления приносило, кроме дохода, глубокое удовлетворение, сродни тому, что переживали открыватели новых земель или законов квантовой физики. Но чем дольше Толик имел дело с человеческим материалом, тем слабее пылал. Управлять женщинами становилось скучно. Выбрав жертву, он точно знал, какие слова скажет, что она ответит, как пошутит и что будет потом. Отклонения случались, но лишь подтверждали правило, и после несложного виража, зажигающего азарт побеждать, общение сворачивало на проторенную колею. Вскоре рутина соблазнений погребла окончательно.

Профессионал болеет особой хворобой, которую трудно понять стороннему: привычное узнается ему по-иному. Так, стоматолог видит не улыбку, но качество зубов, режиссер – не фильм, но монтаж кадров, а повар в прекрасном олене намечает бифштекс. Толик страдал не меньше, пытаясь познакомиться с симпатичным объектом как простой парень, которому глянулась девица. Но стоило завести контакт, получив поощрительную улыбку, что-то щелкало, и вместо симпатичной мордашки проступал женский механизм, овладеть которым было парой пустяков и двух коктейлей.

Когда Толик понял, что подхватил опасный вирус, было уже поздно, процесс зашел слишком далеко, приговор огласили: он не сможет влюбиться искренно. И что совсем худо –

не поверит, что в него кто-то влюбится на самом деле. Чтобы справиться с печальной участью, пробовал заставить себя быть влюбленным. Получалось неказисто. Кое-какие девицы клялись в чистой и светлой, но он знал: дурман профессиональных навыков.

Последний шанс был с Аленкой. Пытаясь стать мужчиной, мечтающим об уютном гнездышке и крепкой семье, так заигрался, что на какой-то миг поверил и перед отлетом в Испанию обещал вернуться, чтобы построить жизнь с ней. Но как только засучил рукава для большой работы, начисто забыл все. Оказалось – не зря. Девочка сама пыталась юлить и рулить.

А если бы Тина?

Тиль попробовал осторожно примерить овечку на жизнь, стараясь разобраться, как бы вел себя Толик, если бы повстречал богатую наследницу, да хоть в том же кафе, но его призвали.

– Ангел Тиль!

Витражные окна красили разноцветьем мозаичный пол, отражаясь в зеркалах противоположной стены, потолок узкого коридора насквозь покрывала роспись с множеством фигур среди облаков. Под ней прохлаждалась парочка в смокингах.

Лихо завернув Мусика, так что из живого мотоцикла полетел бы дым паленых покрышек, Тиль поздоровался:

– Я здесь, чего кричишь.

Лица ангелов не знакомы. Ему приветливо улыбнулись и даже изобразили нечто вроде церемонного поклона придворных.

– Счастливы приветствовать такую известную личность! – возвестил ангел с роскошными усами под грозным изгибом носа. – Это большая честь для нас! Исключительно! Волшебно!

– Зачем призвали?

– О, месье Тиль! Приносим глубочайшие извинения! – другой ангел, отличавшийся почти женственными чертами, извивался в дворцовом поклоне. – Мы вынуждены были оторвать вас от многотрудных дел по причине исключительно деликатного свойства. Поверьте, мы искренно сожалеем, что вынуждены были поступить так. Но обстоятельства сильнее нас, так сказать.

– Для начала позвольте представиться! – Усатый изобразил, что срывает шляпу и обмахивает ею сапоги. – Ангел Полвторого.

– А я имею честь представить вам ангела Полтретьего, – другой изящно повторил номер с воображаемой шляпой. – К вашим услугам, месье. Располагайте мной, как вам будет угодно.

Тиллю было угодно невежливо огрызнуться:

– Зачем призвали?

– О, месье! Крайняя необходимость, поверьте, ничто иное! Мы с Полтретьего задумали устроить поединок, жестокую и беспощадную дуэль, так сказать. Для поединка ангелов, как известно, нужен арбитр, который рассудит. Арбитры, разумеется, не должны знать, ни в коей мере, ни одного из сражающихся ангелов, чтобы быть объективным. Таковы правила. Согласны принять на себя сколь почетную, столь и трудную миссию?

Пистолетов или шпаг не обнаружилось. Любопытно, как ангелы собираются наостылять друг другу. Такой опыт пригодится, мало ли что. Ему уже хотели разукрасить ангельский лик. Бедный Ж-ангел, как он понимает ее теперь, жаль, извиниться нельзя. В общем, Тиль был не против посудить.

Ангелы рассыпались в затейливых комплиментах, какие могли родиться в куртуазном веке блестящего короля-солнца, пока Тиллю не надоело, и он потребовал приступить, раз уж им жизнь не дорога, или чем они там собираются рискнуть. Дуэлянты отмерили шаги, развернулись, уперев руки в боки, и обменялись решительными взглядами.

– Огонь! – крикнул Тиль первое, что пришло на ум, не заботясь о дуэльных традициях. Познав мировую литературу, ничего хорошего в поединках чести он не видел.

Ангел Полтретьего изящно приподнял руку:

– Выпад: моя овечка – самое омерзительное существо. Врет матери, что работает допоздна, на самом деле – ходит на вечерние сеансы в кино!

Ответил Полвторого яростно:

– Туше: моя овечка – самое отвратительное создание. Врет подругам про многочисленные романы, на самом деле у нее не было мужчины более двух лет!

Удар был сильным, но Полтретьего устоял и перешел в контратаку:

– Моя овечка посещает сайты знакомств и уже назначила встречу втайне от матери!

– Хо-хо! – нагло воскликнул Полвторого. – Моя овечка собирается на отдых в Турцию и там подцепить, кого придется!

– Моя овечка готова бросить мать ради первого встречного!

– Моя овечка готова лечь в постель даже с уродом!

– Моя втайне копит деньги, чтобы сделать операцию по увеличению груди!

– Моя овечка покупает секс-игрушки!

– Моя занимается мастурбацией в ванне!

– А моя – пьет, когда мать уезжает из дома на выходные!

Бой выдался трудным, поединщики изображали тяжелое дыхание, но вмиг успокоились, обратив взоры надежд к рефери.

– Ну, как? – спросил Полтретьего с верой в беспристрастность.

– Кто победил? – добавил Полвторого.

Ангелы искренно ждали веского слова.

– Победа – это что? – уточнил Тиль.

– Ну, разумеется, чья овечка хуже! У того и победа.

– Так чья более ужасная, месье?

– Моя или Полвторого?

Нагло ухмыльнувшись, Тиль крикнул:

– Моя! – и сгинул.

Ярко-красное пятно обнаружилось среди рощицы слишком поздно. Настойчиво и беспрекословно подзывал начальственный пальчик. Подогнав Мусика на почтительное расстояние, молодой ангел неумело скрючился, изображая поклон члену Милосердного трибунала. Торквемада расплылся в сочной улыбке:

– Как успехи, коллега? Не забыл про футбол? Овечка жива-здоровая?

А ведь сеньор Томас наверняка знает, не может не знать, и все равно делает вид, что рад-радешенек. Хитрый как змей. А еще ангел. Или кто он там.

– Овечка пока жива, а вот штрафных – полная куча. Одной вечности не хватит разгрести. Радуйтесь. Как дело провалю, куда сошлете?

Торквемада загрустил:

– Я тут ни при чем.

– А кто? Дон Савонарола или уважаемый герр классик постарались?

– Не печалься, Тиль, таковы правила, – он сочувственно вздохнул. – Может, утрясется.

– Хрен вам, а не утрясется! – остатки почтения развеялись в дым, желание лезть на рожон снова закипело. – Сидел бы спокойно в аду, жарился помаленьку и горя не знал бы. Так нет, кое-кто пренебрег служебными обязанностями, а расхлебывать – мне. Потом овечку подсунули, которая норовит на себя руки наложить, так что древо судьбы еле держится...

Кардинал выпучил глаза:

– Ты видел... то есть уже научился видеть древо судьбы? Не ожидал, вот это талант. Может, и овечку спас?

– Не один раз, между прочим. Только благодарности никакой – штрафные набавляются. Пока еще ни одного не списали. Это как понимать? Даже не знаю, сколько выдержу. Просто бешеная телка, то есть овечка. То норовит вены вскрыть, то на шоссе играет в камикадзе.

– Ты удивительный ангел, – кажется, на самом деле восхитился Торквемада и вдруг

присмотрелся к темечку молодого ангела, где пребывало перышко. – Ничего не хочешь сказать?

– Про штрафные? Да, их много...

– Не то. Овечка... Она видела у тебя крылья?

Тиль начал объяснить, что девица пребывала не в лучшем состоянии, практически на грани жизни и смерти, ей что-то померещилось, он потом проверял – за плечами ничего не выросло. Торквемада остановил властным жестом:

– Отвечай прямо: видела или нет?

– Видела.

Толстяк схватил его руку, стал трясти, как колокольчик, и приговаривать:

– Ах, мальчик, какой молодец! Великолепно! Какой умница! Белиссимо!

Освободив колыхаемую часть тела, хоть и мертвого, Тиль строго спросил, что это значит, неужели пару-другую вечностей добавят.

– На своем опыте ты познал, что овечки слепы и глухи, не умеют видеть и слышать поводыря. Ангелы мечтают о крыльях, но проводят много вечностей, пока улыбнется удача и овечка узрит их. Удача достается редким. Тебе не просто повезло, это фантастическое, небывалое везение. Чтоб молодой ангел, почти кадет, смог так...

Восхищение сеньора Торквемады выразилось краткими аплодисментами.

Тиль смутился, но вида не подал:

– А что это дает?

– Почет и уважение.

– Можно поменять на пару тысяч штрафных или пропуск на Хрустальное небо?

– С этим не шутят, ангел! – прикрикнул Торквемада, но смягчился. – Это большая честь. Носи их достойно, юноша.

За плечами по-прежнему было пусто, Тиль решил воспользоваться моментом:

– Сеньор Томас, раз я такой исключительный, могу просить вас об услуге?

– Все, что в моих силах!

– Как сделать, чтобы овечка меня слышала? Или хоть как-то понимала, что от нее хочу. То есть советую. А то жать на прямую кишку не всегда получается.

– И этому научился? Сам? – От удивления, казалось, лопнет красный кафтан. – Прав был Гессе, наверно, не зря ты здесь...

– Так что делать?

Приблизившись, Торквемада хитро подмигнул:

– Как насчет футбола?

– Заметано.

– За сердечко... – выдохнул кардинал и отпрянул, словно могли подслушать враги.

– Что-что?

Упитанные пальчики изобразили пинцет, который жмет.

– Аккуратно! При этом шепни, что желаешь. В самое сердечко шепни. Только об этом – никому, особенно сокурсникам. Тайна между нами. Проболтаешься – сразу влеплю И.Н. Понял?

Как же сам не догадался. Вот они – и кнопка, и рычаг в одном. Ведь так просто и очевидно. Хватался за все, что ни попадя, в дерьме измазался, ну, теоретически измазался, а про сердце забыл. Не ангел – растяпа, одним словом.

– Что ж, проверим, – заявил Тиль, слегка обнаглев. – А крылья когда получу?

Торквемада отмахнулся, как от мухи. И пропал.

Стеклянный глаз линзы устоялся не мигая, почти упираясь в кончик носа. Тиль отшатнулся и дал Мусику задний ход. Открылась широкая труба, сужавшаяся до маленького окуляра. Телескоп, нацеленный на молодого ангела, был старинной работы, на прихотливой подставке с изящным основанием. Технический раритет располагался на столике с такими истонченными ножками, что следовало ожидать неминуемый хруст. Однако мебель была сложена прочно, что позволяло сносить массивную шкатулку, обитую стальными уголками,

и локти невысокого господина в шелковой курточке.

Астроном повернул телескоп дулом вверх и мрачно произнес:

– Вот, значит, какой вы, сэр.

Лица, более подходящего ангелу, трудно вообразить. Вьющиеся локоны, спадающие до плеч волнами, отточенные, чуть суховатые черты и поразительный взгляд. Тилью показалось, что его выпотрошили, как лягушку, до самых винтиков души, и собрали обратно. Такой удивительной силой обладал незнакомец. Впрочем, не совсем незнакомец. Его портрет был в школьном учебнике. Тиль не мог вспомнить в каком.

– Не вздумайте спрашивать про яблоки, сэр, а то быстро разочарую.

– Про какие яблоки? – не понял Тиль, думая, что испытают на знание райских реалий.

– Отлично, сэр! – Астроном снисходительно улыбнулся. – Наконец найдено полезное свойство безграмотности. Надеюсь, не в обиду, сэр.

Не то чтобы Тиль совсем не обиделся, но приятный образ как-то сразу потух. Подумаешь, сидит с телескопом и важничает, да кому интересны занюханые астрономы. Неужели на самого Коперника нарвался? Впрочем, других Тиль все равно не знал.

– Не долго, но нам предстоит общаться, – заметил кудрявый. – Вас, сэр, насколько известно, зовут Тиль? Отлично. Можете называть меня Ньютоном, сэр, просто Ньютоном, без чинов, сэр.

Ну, конечно! Его портрет висел в кабинете физики, в самом углу. Когда Толик шел к доске на очередную казнь, это суровый взгляд настраивал на неизбежную двойку. Что делать, физика не попала в список любимых предметов. Впрочем, как и все остальные. Зато теперь жажду знаний можно насытить одним глотком.

– Сэр Тиль, кажется, за крыльями? – Ньютон отстукивал пальцем по столу, отчего телескоп мелко подпрыгивал.

– Кажется, да.

– Какие предпочитаете?

Толик попросил модели Сикорского.

Ньютон звонко хлопнул по ляжке, обтянутой белой лосиной:

– Нет, господа, реклама – хуже безграмотности. Ну, скажите, дорогой сэр, зачем вам крылья Сикорского? Вы знаете, чем они отличаются от крыльев Да Винчи или от крыльев Сухого? Или от крыльев Райт? А может, от Фокке Вульфа? Что же молчите?

Стыдно, как на уроке, когда учитель приводил его в пример образцового незнания физики, приговаривая: «Темнота – залог здоровья». Тиль окончательно смутился:

– Мне все равно, любые подойдут.

– Конечно, любые, сэр! – Ньютон приблизился, чтобы осмотреть Мусика. – А с таким великолепным механизмом они вовсе не нужны. Может, откажетесь?

– Ни за что.

– Откуда такая решительность, сэр? Что это? Страсть полета? Желание славы и признания? Знаете, что с ними делать? Я заинтригован.

По школьному опыту Толика ангел знал: если приперли к стенке – дави на жалость.

– Да, я не знаю, что с ними делать. Я вообще ничего не знаю, что полагается ангелу. Как котенок слепой тыркаюсь. Оказался здесь случайно, ничему не обучили, кинули, как в прорубь, и сказали: «Плыви, мальчик». Вот и барахтаюсь, как могу. Потому что у меня всего одна вечность. И больше не будет. Вот так, сэр, можете смеяться. А то, что вы открыли три каких-то закона и еще всемирное тяготение, до сих пор помню. Давайте крылья, уже хоть какие, меня овечка ждет. А если нет, прощайте...

Тиль развернул Мусика на изготовку. Однако Ньютон предложил стул, взявшийся из ниоткуда, и миролюбиво заметил:

– Не стоит обижаться на одинокого старика, сэр Тиль. Знаете, как скучно познать все законы мироздания и движения небесных тел, а обсудить не с кем. Как назло – ни одного академика к нам не попадает. Позвольте всего-то парочку вопросов?

Усевшись на хлипкое сооружение, Тиль не смог отказать.

– Что вы хотите, молодой ангел?
– Овечку вытянуть, то есть спасти.
– Зачем?
– Чтобы попасть на Хрустальное небо.
– А что вам там делать?
– Это уже третий вопрос, сэр Ньютон.
– Ну что вам, жалко, юноша, такая любопытная беседа завязалась. Будьте милосердны к основателю современной физики, которая замучила вас в школе.
– Говорят, там хорошо, все ангелы мечтают попасть.
– А лично вам, сэр, для чего Хрустальное небо?
– Вечный кайф на вечном торче, – повторил Тиль слышанное от Витьки. – А если честно – не знаю.

Ньютон смахнул телескоп со стола и довольно потер руки:

– Отлично, сэр Тиль. Позвольте кое-что рассказать. Вы, конечно, помните, что физикой я занимался скорее как хобби, в основном посвящал усилия алхимии и неким тайным наукам, за что и расплачиваюсь. В одной древней рукописи я нашел удивительную легенду. Желаете узнать?

Тиль проверил перышко: все было спокойно.

– Легенда столь редкая... – начал Ньютон, откинув роскошный локон, – ...что более мне не встречалась. Называется «Легенда о великом алхимике».

«В одном княжестве, славном на все Средние века наукой и университетами, жил знаменитый алхимик, которого звали Великий. В те времена не было иного алхимика, чье слово имело столь значительный вес. Его мнение считалось бесспорным авторитетом, внимать которому полагалось с трепетом почтения. Слава его разрослась до пределов, когда не так важно, что на самом деле совершил он в науке алхимии, которая, как известно, досталась нам от халдейских мудрецов.

Однажды ночью к нему постучался начальник стражи, прося срочно явиться в княжеские казематы. За бродяжничество арестован некий голодранец, он отказывается отвечать на вопросы, пока не поговорит с Великим алхимиком, дескать, специально явился в город для встречи со знаменитостью. Ученому мужу было лень, и он попросил отложить до утра – мало ли поклонников хотят его видеть, это не причина срываться от теплого очага. Но капитан настаивал: завтра поутру бродягу казнят по закону княжества, а он желал сообщить нечто важное.

Великий алхимик нехотя отправился в тюрьму. Его провели в одиночную камеру, где на куче гнилой соломы сидело человеческое существо в лохмотьях, разукрашенных следами грязи и запекшейся крови, худое, как обглоданная кость. Странно, что жалкий оборванец получил отдельную камеру и сумел уговорить главного стражника быть гонцом. В каземате царил жуткий смрад. Желая поскорее отделаться, Великий алхимик заткнул нос и сердито спросил, ради чего понадобился бродяге.

«Значит, ты Великий алхимик, брат?» – спросил нищий.

«Как смеешь обращаться ко мне подобным образом, несчастный!» – рассердился знаменитый ученый.

«Но ведь мы служим одной науке, значит – братья».

«Ты алхимик?» – презрительно вымолвила знаменитость.

«Не такой великий, как ты, но кое-что умею».

«И что же? Варить навоз?»

«Расскажу тебе, брат, но позволь спросить: за что обрел столь громкий титул?»

Великий алхимик увидел чистое и открытое лицо, со следами побоев. Сомневаться в наивности пленника было невозможно. Он ответил:

«Я прощаю дерзость, потому что ты чужестранец. Итак, знай: я издал более ста трудов по алхимии, защитил три докторских диссертации, избран действительным членом пяти академий, и еще десять мечтают заполучить меня!»

«Это все?» – с удивлением спросил нищий.

«Что же еще нужно?!» – закричал Великий алхимик.

«Ты получил философский камень?»

Вопрос не застал Великого алхимика врасплох:

«Мы делаем большие успехи в постижении тайн философского камня и уже значительно продвинулись. Впереди годы трудов, эксперименты, поиски, ошибки и свершения».

«А что сделал ты, чтоб получить ребис?»

«Читал лекции, проводил семинары, ставил эксперименты».

«И это все?»

«О, глупый нищий, называющий себя алхимиком. Неужели не знаешь, что никакого камня нет и быть не может. Это иллюзия. Она нужна, чтобы мы могли заниматься любимым делом. Князь знает, что его ученые заняты делом, народ знает, что мы ищем, даже инквизиция знает, что мы не занимаемся недозволенной магией. И все счастливы потому, что мы его не нашли. Если бы в одно несчастное утро я вышел из лаборатории с философским камнем, это обернулось бы страшной бедой!»

«Почему же?»

«Золота стало бы вволю, люди перестали бы болеть и ходить в церковь, потому что им больше нечего просить: у них было бы здоровье и деньги. Какой князь захочет иметь подданного, обладающего такой силой? Если бы мы получили философский камень, его бы следовало немедленно уничтожить. Нельзя воплощать мечту. Люди станут несчастными и убьют того, кто отнял у них мечту, воплотив ее. Что ты хотел мне сказать?»

Нищий разжал ладонь: в отсветах тлеющего факела зажглась рубиновым огнем прозрачная капля не больше слезинки. Пленник тронул ею стальные кандалы – появилась золотая полоска. Бросил каплю в миску, взболтал и капнул на засохшее полено. Деревяшка покрылась молодой листвой.

«Но как?» – в ужасе прошептал Великий алхимик.

«Это совсем не трудно».

«Ты всемогущ! Почему бродишь в лохмотьях, а не живешь в роскошном дворце?» – поразился Великий алхимик.

«Что в нем делать?»

«А наслаждения! Ты можешь позволить себе все, что в силах вообразить человек!»

«Что в них толку?»

«Но ведь ты можешь обрести бессмертие!»

«Какой от него прок?»

«Получить могущество и не пользоваться для себя?!»

«Дело в том, брат, что камень требует неумеренной платы за свое обретение».

«Расскажи! Открой секрет, и обещаю освободить тебя. Что за плата? Надо принести человеческую жертву? Я прав?»

«Камень забирает любовь. Ты будешь любить только его».

«Всего-то?! – Великий алхимик расхохотался. – Если бы у меня был философский камень, я бы сто раз отказался от такой ерунды!»

«Возьми». – Нищий протянул рубиновую слезинку.

«Ты отдаешь философский камень? Что хочешь взамен?»

«Скажи, что любить его будешь ты».

Великий алхимик проговорил клятву, схватил камень и убежал из темницы. Рано утром нищего повесили на городской площади. Он смеялся, пока на него надевали петлю. А когда вздернули, на лице его осталось маска полного счастья».

– Что стало с Великим алхимиком? – спросил Тиль.

– Не может умереть, но и не может расстаться с камнем. Так и бродит оборванцем.

Ньютон следил за притихшим ангелом и вдруг открыл шкатулку, извлек хрустальное перышко и приложил к вороту комбинезона.

– Поздравляю с обретением крыльев, сэр Тиль.

Ничего не случилось, ничего не почувствовал, даже легкой тяжести за плечами. Но каким-то необъясним образом понял: у него крылья. И увидел себя как бы со стороны.

Крылья на загляденье: белые, сверкающие, без единого перышка, наполненные светом, струящиеся, как шарфы летчиков-асов Первой мировой. Незабываемое зрелище. Он стал неотразим. И похвалиться некому.

– Простите, сэр, это какая модель?

Телескоп нацелился в белую сферу, на которой не светило ни единой звезды.

– Хотели модель Сикорского, сэр Тиль? Носите достойно. Других нет.

Надо же, и совсем не похожи на золотые игрушки из рекламы. Хорошо, что они такие, так намного лучше. Эти Тине могут понравиться, а те было бы стыдно вытаскивать из-за спины. Иногда приятно, что реклама врет.

Разглядывая со всех сторон, Тиль так понравился себе, что захотел немедленно предстать перед овечкой в новой красе. Мотоцикл под ним и крылья за плечами – что может быть проще.

XVIII

Худенькое тельце затерялось в белом пространстве одеяла. Запястья перехватывали толстые обручи бинтов, словно у боксера с ринга, провалившиеся щеки покрыли желтые разводы, заостренный нос разукрасился мертвенной бледностью. Вернувшись издалека, Тина пребывала в глубокой апатии и покорности всему, что над ней сделают.

Виктория Владимировна отказалась перевозить дочь в клинику, в спальне был устроен передвижной госпиталь. Установилась стойка приборов, контролирующая биение жизни в десятках параметров, возвышалась капельница с набором разноцветных баночек, рядом дежурила медсестра.

Наслаждаясь ролью спасителя, на кровати развалился Мотыка, с любопытством рассматривал мигающие лампочки, световые червячки бегающих данных и капающие растворы. Внезапно кот насторожился, шерсть стала дыбом, зашипел и стремительно сгинул.

Тина не заметила странного поведения любимца. Прикрыв глаза, она боролась с чудовищной слабостью, придавившей свинцовой плитой, но старалась не утратить волосинку мысли, которая навязчиво тянулась среди полусонных миражей.

Вошел врач, осмотрел осциллографы и попросил сестру оставить их. Присев рядом с постелью, так чтобы наблюдать со стороны, он не потрогал лоб или пульс, как это водится у докторов, когда лекарства прописаны и остается ждать, что случится.

– Фавстина Ивановна, можете разговаривать? – спросил просто и без сюсюканья.

– Можно Тина...

– Хорошо, Тина, меня зовут Владимир Николаевич...

– Не запомню...

– Переживу. На данный момент, Тина, за вашу жизнь можно не опасаться. Потребуется время окончательно прийти в себя. Откровенно скажу: то, что разговариваем, – редкое чудо. Слишком много крови потеряли. Если бы вас нашли на пять минут позже, думаю, мы были бы бессильны. Благодарите вашего котика...

– Он ни при чем...

– Что?

– Неважно... Говорите напрямик, без дипломатии...

– Как хотите... Практика подсказывает, что в пяти из десяти случаев самоубийцы, которых спасали и вытягивали с того света, повторяли суицид. То есть ровно половина. Видимо, человек, после того как заглянул на ту сторону, должен сам принять решение: хочет жить или нет. Если нет – найдет способ покончить с собой. Тут уж ничто не удержит. Я, как врач, не имею права говорить вам это.

– Зачем говорите?

– Я почти уверен, что за последние дни вы предпринимали не одну попытку свести счеты с жизнью. Не стоит отрицать или соглашаться, меня это не касается. Я не психолог и не смогу вас утешить или отговорить. Да и вопрос денег для вас не имеет значения, можете играть в самоубийство и спасение в последний момент сколько пожелаете. Я хочу знать ваше решение прямо сейчас.

– Какое решение?

– Добивать себя будете?

Владимир Николаевич скрестил руки, наблюдая с вызывающим равнодушием.

Больная смутилась:

– А вам-то что?

– Да мне без разницы. Но могу посоветовать надежный и безболезненный способ.

Лицо Владимира Николаевича излучало непроницаемость.

– А вы точно врач?

– И очень хороший. То есть дорогой. Забочусь о своих пациентах, как могу. Итак, если желаете завершить жизнь, приходите ко мне, платите некоторую сумму, вам она вполне по силам, я выписываю таблеточки безобидные, продаются в каждой аптеке, но раскрываю маленький секрет: как принять их, чтобы уже не спасли.

Она поерзала под одеялом, капельница сковывала движения.

– Виктор...

– Владимир.

– Володя, а вы верите в ангелов?

Подумав дольше, чем требовал дурацкий вопрос, Владимир Николаевич ответил:

– Нас учили, что человек – это набор органов. Души нет и не бывает. Но я столько раз наблюдал случаи, не поддающиеся логике и законам нашей уважаемой науки, что невольно начнешь думать: а так ли все просто. Но, естественно, думал про себя.

– Так в ангелов верите?

– Я готов поверить во все, что приносит пользу мои пациентам. Почему вас это так интересует?

– Меня спас... – Тина никак не могла произнести вслух, врач терпеливо ждал, наконец, она решилась: – ...ангел.

Владимир Николаевич не улыбнулся и вообще никак не показал, что больная несет ахинею. Напротив, попросил рассказать подробнее.

– Я его видела, – просто ответила Тина. – Вернее, думаю, что видела.

– Когда это произошло?

– Не знаю, у меня все спуталось, поплыло, но в какой-то момент увидела человека рядом со мной и поняла, что это – мой ангел. У него были крылья, довольно простой и милый, как Брэд Питт, совсем не похож на ангела, волосы коротко стриженные, одет в мотоциклетный костюм. Он что-то говорил мне, но я не помню. Только осталось чувство, что у меня есть ангел. Разве такое бывает? Я не сошла с ума?

– В состоянии клинической смерти люди часто видят необъяснимое, например... – Владимир Николаевич запнулся на полуслове и вдруг добавил: – Ангел хотел, чтобы вы жили. Но, думаю, на этом не стоит заикливаться. Я хочу знать: повторять будете?

Закрыв глаза, Тина прошептала «нет».

– Ну, как знаете, – врач поднялся и уже у порога обернулся: – Если надумаете – обращайтесь. Всегда буду рад.

Выйдя за дверь и обратившись для ангела в серую тень, врач шепотом сказал Виктории Владимировне:

– Гарантировать не могу, но уверен: попыток больше не будет. Девочка пережила глубокий шок. Теперь все будет нормально. Только не доставайте заботой, пусть получает только то, что захочет сама. Поменьше любви и внимания. Им это на пользу.

Варианты показали мирное и тихое будущее, правда, только ближайшее. Организм овечки медленно отходил от потрясения, отмываясь от мертвенной черни, кое-где

прятавшейся по закоулкам. Впервые ангелу было спокойно. И Тиль распушил крылья так, что почти касались стен. Был он неописуемо хорош. Жаль, в зеркало не посмотреться. Тиль уже собрался проверить: вдруг крылья позволят отражаться, но от стекла повеяло неприятным ознобом. Он присмирел и не обернулся.

Чуть приподняв веки, Тина прислушалась и тихонько, как будто саму себя, спросила:

– Ангел... ты здесь?

Изо всех сил Тиль замахал крыльями, радостным криком приветствуя овечку.

– Или тебя нет?

Ничего не увидела и не слышала. Свернув свет, Тиль присел на краешек одеяла.

– Буду думать, что ты есть. – Тина поискала взглядом сквозь него. – А то совсем тоска... Знаешь, ты очень даже ничего, такой стильный. Если, конечно, это был не глюк. Ангел, ты не глюк?

Тиль поклялся, что он не кажется, он на самом деле.

– Я очень рада, если ты есть... у меня. Это здорово. Я тут кое-что натворила... да ты, наверное, знаешь. Не сердись, так надо было. Больше не буду себя гробить, надоело...

Под такую замечательную новость ангел готов был заплясать.

– Надо же, у меня ангел... Даже поверить не могу. Я ведь совсем одна. – Овечка поморгала, будто хотела выжать слезинку. – Никого рядом нет своего, родного. Только хотят мои деньги захватить... А ты, ангел, очень симпатичный. Мне такие парни нравятся. Именно такие. В тебя можно влюбиться без памяти, честное слово. Тебе ведь не нужно мое наследство?

Теперь уже не нужно. Вот если бы раньше...

– Здорово было бы в тебя влюбиться. Выйти замуж, нарожать детей. И умереть в один день. Конечно, глупость, примитив, но почему-то этой глупости очень хочется. И женщиной хочется стать с любимым человеком. И чтобы меня полюбили не за деньги, и чтобы прощали все глупости, и чтобы оберегали, защищали и все такое. Да где же его взять. Вот если бы ты стал человеком... Ангелы могут любить?

Тиль не знал, что ответить.

– Наверное, ангелы должны любить всех, – продолжила овечка. – У вас там, в облаках, наверное, этой любви – как нефти в России. А у нас с любовью проблемы. Почти не осталось. Куда-то пропала. Вытерлась в труху от частого употребления. Секса сколько хочешь, а вот любви нет. Секс – дело хорошее, но для него любить не обязательно, руки или фаллоимитатора достаточно. Или за деньги. Кому это интересно. Лично мне – не очень. Так, возбуждает на уровне возни в спальне колледжа – не больше. Раньше, наверно, когда секс был под запретом, может, в этом и был смысл. А теперь, когда везде и все можно, – не вставляет. Какое удовольствие в том, что можно. Это ведь не любить по-настоящему. Любить по телику не научишься. Оно или есть, или секс. Лучше и то и другое вместе, но это совсем из сказок. Понимаешь, ангел?

Ангел понимал, только сказать не мог.

– Ты, наверное, любовь много раз видел... конечно, как иначе. А я вот только один раз. Настоящую любовь. Можно расскажу? Больше никому не рассказывала... У нас в колледже был дивный парк, в нем местные любили гулять. И вот как-то пошла я с учебниками, села на травку, читаю. Замечаю: по аллейке идут старичок и старушка, такие чистенькие, ухоженные. И вдруг бабушке стало плохо, схватилась за сердце, дышит еле-еле. А рядом – никого. Старичок засуетился, посадил на лавку, заставил проглотить таблетку, а у самого руки ходуном ходят. Бабушке вроде полегчало, задышала, улыбается и даже сама встает. И тут... дедуля, еще трясаясь от волнения, хватает ее, обнимает и прижимает к себе, словно только что встретил после долгой разлуки. Старушка потонула в объятиях, маленькая такая, счастливая, улыбается, хоть еле дышит. А старичок целует ее, плачет, ласково приговаривает и не может отпустить, как будто готов отдать жизнь, если бы попросили, или бы умер на лавке вместе с ней. Уж не знаю, сколько они прожили, наверно и ругались, и обижались, но вот стоят посреди аллейки и счастливы, что вместе, что дышат, что держат друг друга, что

любят. Как памятник настоящей любви. Такая сила в них, такая нежность, такая необходимость любить другого, беззаветность, что ли. Смотрю на них, а у меня слезы сами катятся. Ничего не могу с собой сделать... Вот это любовь. Когда неважно, сколько тебе лет, когда не можешь без другого на самом деле жить, дышать, когда прижимаешь его к себе, прячешь от невзгод, защищаешь любой ценой, себя готов отдать. Отдать ради другого... Оказывается, так бывает... Наверное, у них секс неплохой был. Только не это главное.

Нечего было сказать, да и незачем, все равно, кроме Мусика, жаловаться некому. Этот случай он видел в досье, но не придал большого значения. Упустил, прозевал, проглядел, а еще ангел. Какой позор.

Поерзав на подушке, овечка тихо сказала:

– Прости, ангел, я устала, посплю. А ты присматривай за мной получше, а то я такая дура, выкину что-нибудь, потом жалеть буду. Предупреждай, когда меня занесет.

Прикрыв веки, задышала ровно.

Бурная радость рвалась наружу. Кутнуть бы на все штрафные. Но сначала – поблагодарить овечку. И Тиль воспользовался советом Торквемады.

Завыла сирена, зажглись тревожные лампочки, в комнату вбежали медсестра с Владимиром Николаевичем, задержавшимся в доме. Сердечный приступ, внезапно поразивший Тину, ликвидировали двумя уколами.

От стыда Тиль не знал, куда спрятаться. Казалось, даже Мусик осуждающе блестит лакированными боками. Такую глупость устроить: своими руками чуть не убить овечку. Стыд и позор. Пусть ему безжалостно отсыплют штрафных, заслужил.

Чтобы хоть как-то оправдаться, Тиль замахал крыльями, нагоняя незримую прохладу, надеялся хоть так загладить ошибку.

Постепенно суматоха улеглась. Тина погрузилась в глубокий, здоровый сон. Доктор уехал. Уставшая медсестра отпросилась выпить чаю, Виктория Владимировна отпустила ее, а сама заняла место у изголовья. Вглядываясь в спокойное лицо дочери, она словно искала какие-то одной ей известные следы или намеки. А потом, внезапно обернувшись к фотографии мужа, показала неприличный палец и одними губами послала на все лады.

Варианты прогнозировали «ясно».

Ангел с мотоциклом, стараясь не шуметь, выскользнули из спальни овечки.

XIX

На повороте Мусика занесло в воздушную яму, вихрь ниоткуда завертел волчком, разметав ориентиры, пока колесо мотоцикла не уперлось в громаду, покрытую армейским камуфляжем. Ангел-сержант лениво вскинул ладонь к козырьку:

– Как служба, кадет?

Тиль искренно обрадовался неожиданной встрече. Витька, точнее – Ибли, уставился на ворот комбинезона, хмыкнул и сдержанно поздравил с обретением крыльев:

– Не знал, что ты такой ловкий, старик. – Добавил он хмуро: – Не знал.

Тиллю было приятно и досадно, что бывший друг так странно воспринял его маленькую победу, словно завидует.

– Случайно, овечку надо было спасать.

– Значит, спас?

– Спас... А у тебя как дела... То есть служба?

Простой вопрос привел Витьку в странное состояние: как будто еле взнуздal вскипавшую злобу.

– Знаешь, старик, что труднее всего здесь? – сказала он, втискивая кепи под погон. – Отсутствие времени. Когда нет времени, когда его нет вообще, когда нет секунды, минуты, часа, дня, месяца, года, столетия, а только ровное «сейчас». Так хочется куда-нибудь опоздать.

– Я понимаю... – попробовал вставить Тиль.

– Ни хрена ты не понимаешь, старик. Молодой еще понимать. Молодой ангел. Я вот одно понял: сколько потрачено там впустую, сколь зря потеряно. Зря. Вот бы повторить еще раз. Хотя бы раз. Что бы отдал за это? Что?

– Не знаю. Не думал как-то... Я тут за зеркало случайно сунулся...

– Кто разрешил?

– Случайно вышло...

– Запомни, кадет: ангелу за зеркалом делать нечего! – рявкнул опытный ангел по-командному. – Нечего. А то влепят И.Н., и почесаться не успеешь.

– А что там?

– Лучше не знать. Вопрос закрыт.

Выпустив пар, Витька смягчился:

– Чего в овечку вцепился, старик? Вон сколько штрафных набрал, пожалел бы себя. Она ведь не оценит. Нет, не оценит.

– У меня одна вечность, – Тиль не понимал: шутит или всерьез прощупывает бывший друг. – Деваться некуда.

– Деваться всегда есть куда. Всегда.

– С удовольствием сел бы и ничего не делал.

– Так и не делай. – Витька хитро подмигнул. – Видел, чтобы кто-нибудь из старых ангелов напрягался? Вот именно. Они знают: бесполезно. Вот так, старик, бесполезно.

– Потому что – древо судьбы?

– Конечно. В этом вся гадость. Гадко, что штрафных не списывают, гадко, что овечки всегда выбирают наихудший вариант. Но хуже всего, что, сколько ни бейся, все равно ты – винтик большой игры. Нас засунули, как пешек на доску, и приказали ходить, как вздумается, хотя ходы заранее предусмотрены. Пешка всегда останется пешкой. Хочешь быть пешкой вечно?

Тиль промолчал, уж больно странно говорил Ибли, совсем не похоже на ангела.

– Какой смысл выбирать варианты и толкать овечку, если выбор уже сделан?

Витька смотрел в упор, словно испытывая молодого ангела каким-то особо коварным способом. Может, его Милосердный трибунал подослал? Наверняка очередное испытание.

Он не оплошал:

– А Хрустальное небо?

– Это – вещь. Только знаешь, старик, сколько ангелов достигли его? Твоя ставка?

– Тысяча?

– Ни одного. За последние тысячу четыреста тех земных лет. Ни одного.

Наверняка Витька разыгрывает, Тиль не верил свои ушам:

– Что это значит?

– Вот и я думаю: что? – Ибли нацепил кепи, подровняв козырек. – Так не пора ли, старик, изменить правила игры. Как выразился старина Гессе: «Важно играть, господин Галлер, играть как можно лучше, как можно больше и как можно сильнее!» По-моему, это про нас. Как думаешь? Взять и самому поменять игру. Вдруг веселее будет? Поразмысли на досуге. Может, заодно поймешь, кто тебя грохнул.

Витька пропал, оставив после себя зябкий ветерок смятения.

Поблизости нарисовался мрачный 898-й. Капитан скис, странным образом смахивая на мятую бумажку. Даже смокинг казался помятым, хотя выглядел идеально. Отсалютовав сокурснику, Тиль проявил вежливое любопытство:

– Какие успехи у азартной овечки? Многих под орех разделала?

Ангел в отчаянии отмахнулся:

– Подлая, мерзкая тварь.

– Бурные, однако, у вас пошли отношения.

– Еще мало! Она мадам настоятельница совратила.

– О как!

– Отъявленная мерзавка. К тому же умна и хитра: предложила десятину с каждого

карточного выигрыша. И жадная старуха поддалась. Теперь склоняет других сестер к игре, а заработки сдавать на благо монастыря. Что за ведьма? Куда смотрит инквизиция? По ней костер плачет.

– И много твоя игрунья заработала?

– В последнем турнире – миллион! Сто тысяч евро пожертвований! Настоятельница на эти деньги капитальный ремонт закатали, старая идиотка! – в полном отчаянии выкрикнул ангел и поплелся куда глаза глядят. Было не совсем ясно, от чего он больше страдает: от успехов овечки или от того, что не может приобщиться к выигрышу. Тиль одолевала смутные сомнения. Но добродить не успели. Возник 897-й. Судя по беззаботной улыбке с мотивчиком, служба ангела была слаще нектара. Он дружелюбно покрутил ладошкой:

– Поздравляю с крыльями, коллега!

Ответив благодарностью, Тиль осведомился, как поживает библиотечная овечка, может, наконец, выкинула что-нибудь особенное или скандальное.

– Все великолепно! – бывший летчик изобразил танцующего под дождем. – Тиха, мила скромна, клубника со сливками.

– И никаких пороков?

– Ну, как без этого, обязательно есть. Так, мелочь, ерунда.

– Извини за любопытство...

– Уже извинил! – Сокурсник сделал реверанс. – От коллеги не может быть секретов. Моя овечка торгует детской порнографией по Интернету с рабочего компьютера. Ловко?

Не зная, как реагировать, Тиль осторожно спросил:

– А за это штрафных не полагается?

– Еще как полагается! – обрадовался 897-й. – Уже целую гору навалили!

– И как ты?

– Великолепно! Мне... совершенно... наплевать! И на штрафных! И на овечку! И на Хрустальное небо! – пропел бывший пилот и сгинул.

Погладив Мусика, словно мотоцикл разволновался, Тиль прикинул, что тут ему делать нечего. Дурят что-то коллеги-ангелы, словно враз свихнулись. А Там – одна сумасшедшая, да и то не чужая, а его, драгоценная и единственная, в прямом смысле слова, овечка.

XX

Молодое тело впитывало силы как губка. На следующий день Тина вырвала трубки капельниц и провода кардиографов, заявив, что с нее достаточно. Отказавшись от любой помощи, выползла из кровати, черепашным шагом добралась до ванной комнаты, встала под душ, держась за стенку, и упрямо проторчала под горячими струями. Виктория Владимировна с тетушкой, горничными и медсестрой не показывались, но изготовились за дверью спасательной командой. Тина не дала им шанса. Сама переоделась и спустилась на кухню съесть, что найдется в холодильнике.

Заехал Владимир Николаевич, но держался с пациенткой подчеркнуто холодно и равнодушно. На его вопросы Тина отвечала односложно, может, стеснясь, что сболтнула тайну постороннему. Доктор делал вид, что ему все безразлично. О чем говорил с Викторией Владимировной, Тиль не подслушивал.

Дни овечки стали пролетать незаметно. Ангел с мотоциклом несли вахту без срока. Вовсе не из усердия. Тилью было уютнее на подоконнике или краешке одеяла овечки, чем на мраморных полях Срединного неба. Ему совсем расхотелось показываться Там. Станный вопрос, заданный Витькой, тревожил, и пока ответ не нашелся, возвращаться было незачем.

Он знал всего два правила ангелов, за их нарушение, очевидно, полагалось нечто худшее, чем штрафные. Это ведь на Том свете законы соблюдают до тех пор, пока выгодно. А Здесь все должно быть молниеносно и неизбежно. Как же тогда ангел сможет поменять правила игры? Выходит, за нарушение правил не последует возмездия, быстрого и неотвратимого. Разве такое возможно? В конце концов Тиль решил отложить мутный вопрос

для Сведенборга. Старик наверняка растолкует.

Кто убил Толика, он представлял отчетливо, хотя не смог додуматься о хитроумном способе ликвидации. Куда больше тревожила перспектива Хрустального неба. Если правда, что сказал Витька, значит, старания напрасны. Остается сложить крылья, наплевать на овечку и ждать неизбежного финала. А может, такой глупости от него и ждут? И Витьку специально подослали, чтобы заманить неопытного ангела в ловушку? От Милосердного трибунала жди коварства. Нет, на это его не поймают. С другом детства придется быть настороже. Да и как бросить овечку. Куда она без него – несмышлениш, хоть и задиристый.

Кое-как Тина пыталась восстановить пошатнувшийся авторитет. Вызвав мать и тетку, заявила, что если кто-нибудь станет ее жалеть или сочувствовать, будет записан в личные враги до скончания мира. Было приказано не вспоминать и даже не заикаться о происшедшем. А тем более не смотреть на бинты, которые оставались на запястьях. И хоть она пыталась раздухариться, изображая грозный вид, что-то изменилось. Раненый соколенок, спасшись из когтей коршуна, все еще пытается грозно щелкать клювом, но раздается жалобное чириканье. Погнулась невидимая пружинка, заставлявшая бояться и отступать перед худенькой девчушкой. Даже горничные заметили перемену, вернее – ощутили нюхом прислуги. Тине не хватало прежней дури переть напролом, бешеное желание делать по-своему куда-то подевалось, она замечала, что окружающие чуть по-иному слушают и смотрят на нее. Все еще властная на словах, не испытывала желания рулить и командовать, чувствуя, что присмирела. Осталось признать самой себе капитуляцию.

Распорядок жизни изменился. Тина перестала ездить по клубам и магазинам, ни с кем не общалась, проводя все время в своих комнатах. Виктория Владимировна замечала, что дочь напряженно размышляет о чем-то. Тиль знал не больше матери, наблюдал за окрепшими органами, за миром и спокойствием в вариантах, но не мог понять, отчего овечка загрустила. Пробовал махать на нее крыльями и даже разок погладил по голове – бесполезно: Тина не вылезла из раздумий.

Затворничество продолжалась с неделю и кончилось внезапно. Она вышла из спальни одетой и попросила отвезти, сама за руль еще боится. Водителю была дана команда ехать на Третьяковский проезд. Зайдя в первый бутик, в котором надеялась развеяться, потратив пару тысяч на тряпки, Тина вдруг поймала себя на том, что ей чудовищно скучно. Вокруг богатой клиентки танцевал вышколенный персонал, но жажда шмоток испарилась. Все это было не только не нужно, но омерзительно до зеленой тоски. Не примерив, Тина купила какое-то платье с туфлями, зашвырнула пакеты на сиденье и приказала отвезти в ювелирный на Петровку.

Витрины сверкали, джентльмен за прилавком стелился, подбирая и примеряя украшение, достойное такой редкой кредитной карточки. Поход к ювелирам всегда был допингом, демонстрацией безграничной силы и возможностей, волшебством обладания всякой вещью, какой возжелает. Новые кольца поднимали тонус не хуже кокса. Но кайф выдохся. Драгоценные камешки обернулись блестящими стекляшками, золото радовало не больше фольги, а вместо сладкого предвкушения – болталась сонная пустота. Не дослушав ювелира, игравшего перстеньком, который удивительно подойдет к такой изящной ручке, Тина ушла, оставив торговца в злом изумлении.

Испытанные средства развлечений кончились, не в кино же ехать. Охранник и водитель ждали волю хозяйки. Вдруг она попросила отвезти в какой-нибудь парк.

Машина подрулила к лесопосадкам имени Горького.

Снег сошел, весна трепыхалась в сырых дорожках и набухающих почках. Не зная, куда и зачем идет, овечка просто шла, пока не остановилась в большой аллее. Она оказалась там, где много лет назад Вика встретила некоего П.С. Перепонова. Было это странным капризом интуиции или слепым совпадением? Никто, даже ангел, не знал.

Устроившись на сырой скамейке, Тина поглядывала по сторонам, словно искала или ждала кого-то. Аллея была пустынна, одинокий бегун да томная парочка.

– Ангел, ты здесь? – спросила она чуть слышно.

Конечно, Тиль был рядом, за спиной. И Мусик тоже.

Подождав, как будто прислушиваясь к себе, Тина шагнула на середину аллеи и зажмурилась.

– Обними меня, ангел...

Тиль неуверенно расправил крылья: имеет на это право или нет? А поддаваться приказам овечки – это как? Да и чего вдруг такие нежности.

– Пожалуйста, крепче, ничего не чувствую.

Некто во фраке уставился, то ли завидуя крыльям, то ли мотоциклу и комбинезону. Стало неловко, чего доброго налетит орава, будут шушукаться и показывать пальцем. Все-таки на службе. Тиль сделал вид, что лениво рассматривает ветки.

Мотнув головой, будто сбрасывая промозглый озноб, Тина заторопилась к машине.

Дома уселась за компьютер, задумалась и набрала в строке поиска «Брэд Питт». Машина послушно выдала ворох портретов. Разглядывая тщательно каждый снимок, наклонив голову, как собачонка, Тина искала что-то. На одной фотографии задержалась: герой в кожаной куртке и джинсах. Снимок чем-то понравился. Распечатав, долго вглядывалась в улыбку, провела мизинцем по губам и лбу, но вдруг смяла и бросила на пол, занявшись обыском.

Сидя в сторонке, Тиль не зная, что и думать.

Комната была перерыта вверх дном. Прибежавшей горничной отдано срочное поручение: доставить бумагу для рисования и набор карандашей. Пока приказ исполнялся, овечка бродила по дому, не обращая внимания ни на мать, ни на прислугу, словно их не было. А получив альбом, заперлась и принялась за работу.

Обнаружился абрис головы, потом глаза и нос, несколькими штрихами прочертился рот, короткая стрижка выросла беглой прорисовкой. Работа шла быстро и начисто, без резинки, лишь растушевывались неточные линии.

Учитель рисования в колледже осудил бы рисунок за сырость и небрежность, но отметил схваченный характер. И хоть так мог марать уличный художник, в портрете было что-то особенное. Поразительно, что овечка запомнила его таким.

В Той жизни Толик относился щепетильно к каждой фотографии, считая, что столь важное дело нельзя доверять случайности. Мало ли где потом всплывет, в его профессии имидж – все. Как только намечался объектив фотоаппарата, взлохмачивал художественный беспорядок прически, раздвигал вырез рубахи, а взгляду придавал рассеянную задумчивость мачо, познавшего тайные закоулки бытия. Именно таким ему хотелось застрять в памяти потомков: скромным и мудрым маэстро женских сердец.

Но с листа картона смотрел взъерошенный, тревожный субъект трусливо-жуликоватого вида и близко не мудрец, деревенский простачок – в лучшем случае. Безграничные недостатки искупала улыбка: придурковатая, но искренняя. Как можно доверить такому существу опеку над овечкой? Да этому простофиле бублик нельзя доверить. Самое обидное, что вину не спихнуть на бездарность художника. Изображено уж как есть. Тиль знал и опечалился безмерно. Правильно новое тело не дали. Будь его власть – прогнал бы такого субъекта со Срединного неба взашей. Не ангел, а какой-то валенок. И куда смотрели бесчисленные женщины?

Вера Тилиа в непобедимое обаяние Толика стер росчерк карандаша.

Листок был прикреплен рядом с рамкой отца. Ложась вечером спать, Тина пожелала портрету «спокойно ночи».

– И так вижу, что спокойная, – буркнул Тиль.

Необъяснимо приятно, что овечка запомнила его. Но лучше бы запомнила другим: на блестящем мотоцикле с развевающимися крыльями. Вот это был бы ангел. И Гессе не стыдно показать. А этот – какой-то охламон из уральского городка.

Утром портрет встретили «добрым утром».

За завтраком Виктория Владимировна уже знала, что в комнате дочери появилось изображение неизвестного мужчины. Долго собираясь с силами, наконец полушутливо

спросила, кто это такой.

– Знакомый из колледжа, – ответила Тина, поглощая бутерброд.

– Твой парень?

– Типа того.

– Познакомишь, если приедет?

– Нет.

– Почему?

– Он давно умер, – крикнула Тина, выскочив из-за стола. Вернувшись в спальню, сорвала портрет и разодрала в мелкие клочки. Чему Тиль был исключительно рад. Пусть лучше овечка держит светлый образ в голове.

За исключением этого происшествия, для ангела началась эра благоденствия. Овечка вела почти монашеский образ жизни, редко выходя из своих комнат, еще реже выбираясь на улицу, игнорируя мать и не желая отвечать ни на какие звонки. Не пользовалась косметикой и надевала застиранные джинсы с футболкой. Небольшой запас белого порошка в укромном месте лежал нетронутым. Чем занималась Тина, было понять трудно. Плыла в потоке времени челном без весел и руля, не шевелясь и не заботясь, куда вынесет. Повязки сняли окончательно, но краснели глубокие шрамы, которые, как обещал Владимир Николаевич, останутся на добрую память.

Глядя на подопечную, Тиль окончательно обленился, перестал заглядывать в варианты, наплевал на перышко, не рискнул побывать во сне овечки и совсем не возвращался на Срединное небо. Было так хорошо и спокойно, что можно было перекаптоваться так вечность-другую, а Мусику глубоко безразлично, где парковаться.

Отношения с котом испортились безвозвратно. Пушистый демонстративно покидал помещение, в котором появлялся Тиль, принципиально не шел на мирные переговоры, иногда вызывая удивление Тины резким побегом. Мотыка поставил на ангеле жирный крест. Туда ему и дорога. Тиль прекрасно обходился без его общества.

Наступал май. Ангел впервые встречал смену поры года, не ощущая изменений. Это было новое и странное впечатление: видеть перемену погоды, наступление тепла и знать, что ничего не меняется, замерло в одной точке. Как-то ночью выбравшись в город, он бродил с Мусиком, надеясь поймать нечто свежее, что всегда ощущалось в весеннем духе, но все закончилось очередными завистливыми взглядами мужчин в смокингах. Развернув мотоцикл, Тиль поскорее вернулся в уютную спальню, где сладко посапывала его овечка.

Внезапно он понял, что заскучал без Тины. Наверно, привык к особому ритуалу, когда, ложась спать, овечка шептала ему «спокойной ночи», а проснувшись, поздравляла с «добрым утром». Это было глупо, но мило. Тиль и думать забыл про метод Торквемады, одного раза было достаточно, да и повода подходящего, к счастью, не возникало.

Как-то раз Виктория Владимировна осторожно завела разговор о ближайших планах дочери, что собирается делать, продолжать учебу за границей или получать высшее образование дома, как вообще думает строить будущее. Тина заявила, что планов у нее нет, делать ничего не будет и будущее ей совершенно безразлично. Проглотив, как обычно, порцию хамства, мать предложила провести лето на их вилле на Французской Ривьере, тем более что не были там с прошлого года. Сразу Тина не отказалась, обещала подумать и, потянув несколько дней, изъявила свое согласие.

Виктория Владимировна бурно занялась подготовкой поездки: от билетов и визы до сборов чемоданов. Тина демонстративно ни в чем не принимала участия, лениво наблюдая со стороны. Ангел ожидал приключение в приятном нетерпении. Любопытно пересечь немалое, по человеческим меркам, расстояние в новом качестве, неплохо размять Мусика, да и повидать солнечный Прованс. Раз у Толика не сложилось.

Рейс на Ниццу через Женеvu отправлялся из Домодедова рано утром, первый раз за многие годы Тина не выпила среди ночи традиционный стакан молока. Стоя в ночнушке и зевая во весь рот, она игнорировала суету сборов, носящихся горничных и мать. Встряхнув крыльями, Тиль прыгнул на Мусика. Как настоящие мужчины, они были готовы первыми.

Аэропорт серел мрачным ангаром. У стойки регистрации вытянулась змея очереди. Погрузив багаж на тележки, Виктория Владимировна с Тиной оказались в самом хвосте.

В зоне отлета толпилось непривычно много ангелов. Тиль окунули в такое плотное внимание, что стало не по себе. Каждый проходящий считал долгом выпучить глаза на ворот комбинезона, словно модель Сикорского была величайший редкостью. Молодой ангел делал вид, что не замечает популярного интереса, и лишь нервно похлопывал Мусика.

Очередь ползла еле-еле, но Тина покорно ждала, досыпая на ходу.

Чтобы хоть как-то отвлечься от назойливых коллег, Тиль заглянул в варианты.

За стойкой появились два менеджера, очередь двинулась веселее.

Что он наделал! Как мог быть таким беспечным! Расслабился, забылся, и вот теперь может быть поздно. Ее надо остановить любой ценой.

Встав перед овечкой, ангел замахал крыльями, словно давал сигнал «стоп». Она не разлепила сонных глаз.

Надо что-то предпринять...

Ангел легонько тронул сердечко и шепнул:

– Прошу, останься!

Сонная лень спала, Тина ощутила смутное беспокойство, как будто что-то тянуло назад, домой. Еще не до конца понимая желание, она заявила матери:

– Я, наверно, не полечу.

Всегда готовая к неожиданным поворотам, Виктория Владимировна стала мягко и ласково убеждать, что отменять поездку не стоит, их ждут, и май – самое лучше время.

– Неужели ты боишься самолетов?

Ловушка сработала. Тина скривила кислую мину и осталась на месте, держась за тележку с чемоданами.

Ангел попробовал чуть сильнее.

Сердце кольнула иголочка страха, овечка поморщилась, достала из сумочки успокоительное и проглотила дозу. Она не могла позволить себе быть трусихой, быть слабой и беспомощной. И хоть поняла, что не хочет садиться на это рейс, слова Вики держали на привязи. Нет, она не боится летать. Назло ей.

Очередь стремительно таяла.

– Почему молчите?! – закричал Тиль ангелам, которые, как на зрелище, собрались поблизости. – Вы же видите, что будет! Остановите своих овечек!

Особи в смокингах весело переглянулись.

– Молодой ангел, наивный, а еще крылья обрел, – сказал кто-то.

– Овечку бесполезно останавливать, сама идет, – добавил другой.

– Расслабься, не трать нервы. Сколько их еще будет, – посоветовали из толпы.

Мотыка, заключенный в перевозку, злобно поглядывал на мучения ангела и, кажется, торжествовал: не сможет напугать мотоциклом, вот она, сладость мести. Глупый кот не понимал, что его ждет.

До стойки оставалась всего одна парочка молодоженов.

И куда провалился ангел Виктории? Может быть, вместе справились бы. Вечность на исходе. Сейчас или никогда.

– Прости, – шепнул Тиль.

Боль пронзила грудь ледяной пикой и выскочила под лопаткой. Тина охнула, повалилась на тележку, сшибая чемоданы, скатилась на пол ничком и потеряла сознание.

Виктория Владимировна закричала так, что пассажиры всех рейсов обернулись.

Овечка лежала тихо, но закрытыми глазами увидела ангела.

– Привет, красавчик! – обрадовалась она.

– Лежи спокойно, – попросил Тиль.

– Почему так тихо? Что случилось?

– Упала в обморок. Потерпи.

– Да? Как странно...

– Молчи, вернись обратно...

– Я подумала, ты не хочешь, чтобы я летела...

– Ничего не знаю, – упрямо сказал Тиль и закрылся сияющими крыльями от стыда.

Подбежала охрана, готовая к бою с террористами, и с легким сердцем принялась вытаскивать молоденькую пассажирку из сердечного приступа. Следом подоспели дежурные врачи. Тину привели в чувство, вкатили укол, но запретили приближаться к самолету. В таком состоянии ни одна авиакомпания на борт не пустит.

Машина, ждавшая на стоянке, привезла чемоданы с женщинами домой. Тина окончательно пришла в себя и потребовала, чтобы никакие врачи, а тем более медсестры, ее не трогали. Уже все прошло. Не снимая одежды, повалилась на застланную кровать и уставилась в потолок. Тиль был рядом, придирчиво разбирая варианты.

Дверь распахнулась. В лице Виктории Владимировны было что-то такое, что дочка забыла отчитать мать за дерзость.

– Включи телевизор, быстро, – приказала она, что было немыслимо.

Нашарив под кроватью пульт, Тина послушно нажала кнопку. Шел экстренный выпуск новостей: трагическим тоном диктор сообщал, что на взлете у женеvского рейса загорелся двигатель, самолет рухнул, никто не спасся. В этом убеждали кадры горящих обломков, над которыми росли клубы нефтяного дыма.

– Это чудо, понимаешь, это... – Виктория Владимировна зажала рот, не договорив.

– Не было никакого чуда...

– Ну, как ты можешь! Даже сейчас.

– Меня спас ангел, – сказала Тина. – И тебя заодно. Не знаю зачем.

– Ты... ты... – мать задохнулась в слезах и выбежала прочь.

Подойдя к телевизору, Тина вырвала шнур из розетки, постояла в раздумье и вдруг опустилась на колени. Сложив перед собой ладошки, она...

Тиль не понял, что произошло. Как будто выключили звук, не весь, а только голос овечки. Слышал шумы улицы, плач Виктории, беготню прислуги по дому и кучу других бесполезных звуков. Но только не Тину. Что странно: ее губы прикрывало облачко, словно размытое пятно на стекле.

Ангел поменял угол обзора. Но помеха упрямо торчала.

Это несправедливо, это обидно, это нечестно. В конце концов – он не чужой, он ее ангел, видит каждый орган, каждую жилку и вену, значит, имеет право знать, о чем молится его овечка. Раз ему заказан путь к мыслям. Да и как может молиться девочка, которая выросла без всяких вер? Просто смех. Кому она там молится, что может просить? Глупость какая-то. Всю радость от спасения перечеркнули. А он так старался.

Тиль разозлился всерьез. Происшествие требовало немедленного объяснения. У кого угодно, да хоть у Милосердного трибунала.

XXI

Занесло не по адресу. В квадратном дворике старинного монастыря журчал фонтанчик с двенадцатью струйками. Источник знаний манил пригубить и насладиться. Воровато осмотревшись, Тиль подкрался к каменной чаше. Жажды знаний не испытывал, литературы и музыки вполне достаточно. Но отказаться, если подвернулось под руку, было трудно. Что бы такого выпить?

Струйки не различались цветом, запахов Тиль не чувствовал. Разбираться в затейливых знаках над бронзовыми клювами было лень. И ангел протянул ладонь к ближайшему потоку. Брызги рассыпались радугой.

Сотни тысяч языков и наречий, диалектов и говоров, живых и мертвых, редких и повсеместных, простых и трудных, огромных народов и крохотных племен, разделенных со времен Вавилонской башни, заговорили одновременно. Тиль слышал все языки вместе и каждый по отдельности. Он стал гением полиглотов, верховным филологом и

генералиссимусом переводчиков. Только это богатство ни к чему. Ангел и так понимает овечек. Никакого удовольствия, опять муки колебаний, терпи, пока все уляжется. Может, попробовать клин клином?

Тиль потянулся к следующему потоку.

– Многие знания – многие печали, – посоветовали за спиной.

Спрятав руки в рукава рясы, будто мерз, монах пронзал молодого ангела недобрым взглядом. Как положено члену Милосердного трибунала.

Для большей уверенности Тиль оперся на Мусика и строго заявил:

– Ага, дон Джироламо, вот вы-то мне и нужны.

Савонарола приподнял бровь, отчего крючковатый нос клюнул поплавком.

– В самом деле? – спросил вкрадчиво.

– Ну, не то чтобы именно вы, но кто-нибудь... ответственное лицо, – Тиль не терял бодрости духа, тем более свара языков отпустила.

– Какому же вопросу обязан столь высокой честью?

– Не вопросу, а реальному безобразию... – и ангел вкратце описал недоразумение с овечкой.

Монах терпеливо слушал возбужденный монолог, не перебивая жалобы и стенания. Выпустив пар, Тиль растерял большую часть храбрости, и теперь хотелось только одного: как можно скорее вернуться к овечке. Наплевать, не проблема и была, подумаешь – облачко.

Выдержав томительную паузу, от которой у ангела начали трястись поджилки, или что там могло трястись, Савонарола тихо сказал:

– Ты, ангел Тиль, не доволен, что не слышал молитв. Но разве для твоих ушей они предназначалась? Разве к тебе обращалась овечка за помощью и утешением? Или ты хотел бы исполнить то, к чему не имеешь отношения? Подумай, что бы было тогда. Слыша, ты бы постарался исполнить то, к чему не имел права касаться. Разве не мудро положить на это запрет?

Тиль не просто сел в лужу, ему показали, какой он на самом деле дурачок и простофиля, хоть и крылья обрел. И зачем полез? Сидел бы рядом с овечкой, а не пережил такой позор. Окончательно смутившись, он пробормотал вежливую благодарность и нацелился обратно. Но дон Джироламо строго спросил:

– Ты куда собрался?

– К овечке, на службу...

– Твоя служба окончена, – с явным удовольствием сообщил монах.

– Это почему?

– Наверное, ты давно не смотрел на перо, молодой ангел.

Что есть, то есть: давненько. И здесь прокол. Тиль покосился на самописку. Рядом с перышком красовалось число из... шести девяток. А он и не знал, что так много. Ужасающе много. Просто катастрофа. Не уследил.

– Следуй за мной, – прозвучал приказ.

Тиль невольно вцепился в Мусика:

– Куда? Зачем?

– Милосердный трибунал ждет. Вечность закончена, ты не справился.

– Но я научился древо судьбы видеть, за прямую кишку дергать, еще кое-что.

– Не имеет значения. Штрафных больше нет.

– У меня даже крылья есть! Модель Сикорского!

– Это не спасает.

– Но как же другие ангелы?! Они вообще не обращают внимания на штрафные! А я овечку столько раз спас. Это не считается?

– Спорить бесполезно.

– Почему такая несправедливость! Мне штрафные только начислялись. Что бы ни делал. А вот другие...

– У тебя не осталось штрафных. Следуй за мной.

– Но... Но ведь у меня остался еще один штрафной! Последний! Он есть!
Савонарола скривился:
– К чему тянуть? Овечка потратит его быстрее, чем ты вернешься.
– Но я имею право быть ангелом, пока он есть? Ведь так?
Нехотя монах согласился, но добавил:
– Милосердный трибунал призовет тебя, как только лимит будет исчерпан.
– Вот тогда и поговорим! – заявил Тиль, прыгая на Мусика.
Оставалось последнее дело, не завершив которое, не мог он предстать пред Милосердным трибуналом и отправиться, куда сошлют.
Несчастный ангел спешил, как никогда.

XXII

Тень самолета в радужном свечении прыгала овечкой по пушистым облакам. В чистом небе борта и крылья сверкали ослепительной белизной. Было шумно и весело. Ангелы резвились на полную катушку. Проводился забег наперегонки от хвоста до носа, особые весельчаки ныряли в турбины и выныривали из сопла, кто-то сидел на крыльях, свесив ноги, другие, уцепившись за элероны, летели в пространстве, повизгивая.

Как обычно, Тиля встретил шквал недоумения и волна любопытства. Не обращая внимания и даже не здороваясь, он пристроил мотоцикл у турбины и зашел в салон бизнес-класса. Тина полулежала в широком кресле, уткнувшись носом в иллюминатор. Проверив напоследок варианты, ангел стал рядом. В ближайшем – с овечкой все будет нормально, а дальше – не заглядывать. В любой миг последний штрафной может растаять. Такая уж овечка досталась.

Ангел не знал, как полагается прощаться. Наверное, для этого есть особые формулировки, только он их не знает. Захотелось наговорить глупостей, мелких и тривиальных, но ставших особо важными. Хотел сказать, как винит себя, что не сразу разглядел, какая она на самом деле. Что не смог ничего толком сделать, а что делал – получалось кое-как. Что готов провести вечность на краешке ее одеяла. Что обязан ей крыльями. Что благодарен за краткое счастье покоя. Что с радостью вел бы ее по жизни, наблюдая, как взрослеет, влюбляется, выходит замуж, рождает детей, может, разводится, а может, доживает до внуков. Что готов быть с ней до конца, проводив к пределу, за который ангелу вход заказан. Что не винит в штрафных и жалеет только об одном: не сможет оберегать ее. Много чего хотел сказать. У него ничего вышло.

– Я был плохим ангелом, прости. Береги себя.

Конечно, овечка ничего не слышала, уставившись в облака, разводила по запотевшему стеклу закорючки.

Ангел коснулся сердечка и шепнул:

– Прости меня.

Тина вздрогнула и вдруг спросила:

– Ангел, ты здесь?

– Пока еще, – ответил Тиль.

– Ты опять спас мне жизнь. А я даже не поблагодарила... – она замолчала и добавила: – Спасибо тебе, мой ангел.

Как будто вздрогнул самолет или пространство скособочилось. Или прошла ударная волна. Или прозвучал набат неслышного колокола, так что задрожал Тиль. Что-то странное произошло. Все ангелы, бросив веселье, замерли, уставившись на него.

Ну, вот и все – последний штрафной. Не понятно за что.

Он заглянул смело. Вместо единицы с шестью нулями происходило нечто новое: перышко зачеркивало штрафные, цифры сыпались старой штукатуркой. Долг стремительно уменьшился на... триста тысяч!

– Спасибо, ангел, – повторили Тина.

И еще столько же опало пылью.

– Спасибо тебе.

Перо безжалостно зачеркнуло штрафные, оставив цифру меньше той, с чего начал: всего-то пять девяток.

Натянув плед до подбородка, Тина задремала.

Ангелы, кто был на самолете, демонстративно отвернулись и уселись тесным рядом в хвостовом отсеке, словно каждого постигла невероятная, чудовищная, непростительная обида.

Тиль расправил крылья, чтобы обнять милую, чудную, славную овечку, но его призвали.

– Я здесь, – торопливо сказал Тиль. – Чего кричишь?

Торквемада подмигнул:

– Забыл, что ли? Футбол!

Громадную чашу стадиона заполняли тени мужчин. Под рев трибун на зеленую травку выбежали две дюжины теней. Взглянув на табло, Тиль узнал, чем закончится матч. Мог бы неплохо заработать на тотализаторе.

Кардинал в нетерпении потер ладошки:

– За кого болеть будешь? Я – за наших.

Тиль равнодушно пожал плечами, мыслями пребывал далеко.

– Ты – молодец, всегда в тебя верил. – Член Милосердного трибунала дружески пихнул локтем. – Выкрутился... Только крылья не распушай, еще много чего может быть. Получай удовольствие и не говори про счет. Сам знаю какой, не в этом дело, а в игре. Игра, понимаешь, – это все!

Кожаный шар летал между теньями, которые носились из конца в конец как угорелые. Торквемада подсказывал и вопил дурным голосом, когда мяч не попал в створ деревянных палок, или в ужасе закрывал лицо, если надутый баллон не долетал до сетки на противоположной стороне зеленого газона. И хотя кругом бесновались тени, а редкие женщины пытались им жалобно вторить, Тилю стало скучно. Так скучно, что крылья буквально рвались отсюда.

Изобразив озабоченную физиономию, ангел сообщил, что овечка требует его немедленного присутствия.

– Ладно уж, проваливай. – После гола Торквемада пребывал в благодушном расположении. – Будешь отличным ангелом.

Тиль с Мусиком догнали самолет перед посадкой.

Ангелы делали вид, что в упор его не замечают. Но это безразлично. Спящую овечку обнял крыльями и не разжимал объятий до самой посадки.

Было хорошо, словно уже попал на Хрустальное небо.

XXIII

Розовая мечта номер два была цвета старинной штукатурки в бликах вишневого сада. Обязательно веял ласковый бриз, напоенный ароматами трав с солью Средиземного моря. Толик мечтал, как рано утром выйдет на просторную террасу, на изящном столике уже накрыт легкий завтрак, он щурится солнцу и бликам близкого прилива, выпьет стакан сока только что сорванных плодов и погрузится в негу летнего безделья. Фантазия была столь прекрасна, что Толик прятался за нее в самые неприятные моменты жизни. Все, что делал, ради чего трудился, не покладая разных частей тела, должно было привести усталого путника к единственной обители – своему домику на побережье теплого моря. Даже квартира на Остоженке была лишь шагом к этому домику. Толик мечтал, что когда-нибудь сможет наслаждаться владением собственной виллой, лучше всего – невдалеке от Ниццы. Чтобы вечерами... Но это была уже другая мечта, вкусом попроще.

Дом в городке Эз-Бор-де-Мер, к которому такси привезло овечку, воплотил мечту.

Именно здесь Толик хотел бы жить безвылазно. Иван Дмитриевич выбрал отличное местечко. Постройка начала ушедшего века в стиле поздний модерн сохранилась отменно, чему помогли климат и тщательный ремонт, на который не поскупился новый хозяин. Дом выглядел новеньким, но обжитым.

Побродив по саду, парку и бассейну, ангел загрустил и призадумался: каким странным и порой обидным образом сбываются мечты. Как будто изысканно издеваются: вот она, вилла, – владеешь ею на правах хозяина овечки, и что толку? Даже запахов нет. А какие роскошные кусты роз. Ладонь невесомо прошла лепестки.

Мечта стала явью, его и совсем чужой. Но вот о чем Толик как-то не задумывался, так это обслуга. Казалось, в его доме все будет делаться само собой. Это была досадная промашка. А молодую хозяйку прямо у дверцы такси встретил взвод слуг: двое горничных, садовник, повар, рабочий и управляющий. Персонал трудился за гроши, по местным меркам, но этого вполне хватало на пропитание их семей, оставленных в новеньких демократиях Евросоюза. И Тине не надо мучиться с французским, который не выносила за утонченную сложность. Почти родного – английского было вполне достаточно.

Управляющий – поляк Словацкий – осведомился, отчего лишены счастья видеть пани Викторию.

– Последнее время она боится самолетов, – ответила Тина, мстительно ухмыляясь.

Действительно, Виктория Владимировна никак не могла собраться с силами, чтобы еще раз отправиться в аэропорт, что и стало веским доводом для дочери лететь немедленно.

Прислуга занялась чемоданами, а Тина, отказавшись от раннего ланча, переделалась в шорты с футболкой и побежала на пляж, до которого было рукой подать.

Тиль слышал, как под пятками овечки хрустит галька, словно снег на морозе, видел темно-голубую воду в солнечных бликах под лазоревым горизонтом, но не испытывал обычного волнения, что накатывает на северного человека, встречающего море после долгой разлуки. Теперь все по-другому, и это грустно. Зато спокоен за варианты.

Скинув одежку, худосочная русалка подставила себя солнцу. Любитель пляжного ню не стал бы пялиться. Бледное, угловатое тело вызывало из всех чувств только жалость. Да и подглядывать некому. Пляж пустел диковатой уединенностью.

Неумело повертев «мельницу», Тина шагнула к кромке прибоя, сунула пальчик, отдернула, вода еще не прогрелась, но, обняв себя, упрямо вошла. Дрожала и двигалась в глубину. Когда вода подобралась до груди, поднырнула и поплыла, лихорадочно колотя по мелким волнам. Плавала овечка ужасно, на пределе дыхания, фыркая от соли с холодом, держась только на упрямстве.

Ангел был рядом, вел Мусика за рога, посматривая под ноги. Виднелась глубина, кипевшая в ней жизнь и разнообразные твари, составлявшие меню прибрежных рестораничков. Под ним было мелко. Утонуть овечке точно не грозило.

Промерзнув до судорог, Тина выбралась на гальку и, нацепив одежку на мокрое тело, побежала в дом. Впервые за многие дни она ела много и с аппетитом. Уплетая все, что приготовил повар-румын со странной фамилией Травеску, наследница виллы доплелась до спальни и провалилась в сытный сон до следующего утра.

С местными ангелами Тиль незнакомился, потому чтобы было не с кем. Мужчины привычно оборачивались серыми тенями, а бедняжки горничные из недалекой Португалии трудились без повода. Он подумал, а не махнуть ли в город, посмотреть на огни ночной Ниццы, но отказался: придется терпеть удивленные взгляды личностей в смокингах, на Променаде их наверняка пруд пруди. Служба заставит, тогда и выберется.

Шанс случился на следующее утро. Из гаража был выкачен красный кабриолет, Тина прыгнула за руль, газанула так, что из-под колес разлетелся гравий, и выскочила на шоссе. Ехала, как обычно, будто на дороге одна, чудом вписываясь в повороты и успевая соскочить со встречной. Тиль не беспокоился: варианты не сулили проблем.

На Променаде Д'Англез от ангелов не протолкнуться. Новичку приветливо кивали, но, заметив на воротах значок, менялись в лицах и зло отворачивались. Устав смущаться, Тиль

развернул крылья, так чтоб свет увидело все побережье, и показательно помахал, словно делал разминку. Зрелище собрало молчаливую толпу. Эффект сработал на славу.

Бросив кабриолет под знаком, Тина выбрала приличное кафе, уселась за крайний к улице столик и ткнула гарсону в освежающий коктейль. Тиль устроился рядом на Мусике. Овечка что-то замышляет. Оставалось ждать.

Посматривая на гуляющую толпу, словно выискивая кого-то, Тина уставилась на загорелое существо в гавайке и белоснежных шортах.

Темные очки закрывали пол-лица, но заметить пальчик, нагло подзывавший к столику, не помешали. Оценив недешевые шмотки на корявом теле, обтянутом бледной кожей, парень неторопливо подгрел и одарил улыбкой:

– Привет, как дела? – даже простые слова давались с сильным акцентом.

Она начала говорить быстро и вдруг заметила, что ее не понимают, тогда решительно показала на пустой стул. Незнакомец сел и прояснился для ангела во всей красе.

– Ты давно здесь? – Тина выговорила медленно, буквально по слогам.

– О, да. Месяц.

– Знаешь, где достать травку?

Парень занервничал, не понимая, что от него хочет незнакомка.

Тина изобразила пантомиму: прикурить и выпустить дым удовольствий.

– Вот, блин! – испугано пробормотал он на родном языке. – Траву, что ли, хочет?

Как и многим, Тине не была знакома радость встречи соотечественника за границей. Ну, свой и свой. Вернее – чужой. Не петь же гимн хором.

– Что так напрягся, герой? – спросила она сквозь кислую улыбку.

– Фу-ты! – Парень облегченно выдохнул. – Говорят, местная полиция подставных в город запустила. Ты откуда?

– Тебе не один хрен? Так что с травкой? Заплачу за информацию, если сам не толкаешь.

– Можно что-нибудь придумать, – процедил он покровительственно и поднял очки.

Тип показался знакомым. Но как только затемненный пластик слез, правда открылась во всей красе. Ну, конечно, это был он.

В профессии Толик не имел конкурентов, только завистников. Лишь один пытался стать лучше, нагло пользуясь тем, что похож. Конечно, до суровой красоты мастера ему было далеко, но он сильно старался, копируя прическу, манеры и стиль. Получалась слабая пародия на оригинал. Бездарь не сдавалась, стараясь влезть на чужую территорию. Прежде ему доставались обьедки со стола, теперь – развернулся. Все так же безнадежно копируя, кое-чему научился: стал мачистее и самоуверенней. Может, наивные провинциалки падали на эту дешевую рекламу, но только не серьезные женщины, настоящие наследницы больших капиталов. Тиль был уверен.

По-собачьи склонив голову, овечка изучила открывшееся произведение автозагара в дешевой парикмахерской и вдруг понежневшим голосом спросила:

– Тебя как звать?

– Анатоль, – гордо ответил прощелыга, паспорт которого украшало честное: «Иван».

– Толик! Прекрасное имя. Толик, хочешь чего-нибудь выпить? Освежиться? Чем тебя угостить?

Подлец и халтурщик, своровавший великое имя, растянулся в сладкой улыбке, скроил томный взгляд, тоже украденный у настоящего мастера, и попросил мохито.

В это невозможно поверить. Его замечательная, тонкая, умная, самостоятельная, волевая овечка, которая вертит и командует любым, если захочет, растаяла медом перед первым встречным паразитом, наглым альфонсом и доителем неудовлетворенных женщин. Даже ведь не красив. Подумаешь, похож!

Проверив варианты, Тиль собрался с силами не вмешиваться. Не вмешиваться и... не вмешиваться. Странное, путаное чувство овладело им. Было горько до тоски, что его променяли на ничтожную подделку. Нет, ну, как променяли. Глупости, конечно. Он же

ангел, не любовник. Надо понимать разницу. Но, не смотря на резоны и уговоры, гнев раздувался мыльным пузырем. Ангел, кажется, ревновал. Впервые. Насколько помнил себя и Толика. Чувство было не столько остро, сколь зудяще, как ожог на коже. Ничего веселого или возвышенного в нем не было. Напротив, хотелось натворить что-то страшное с нахалом в дешевых очках. Тиль запахнулся крыльями, отвернувшись, но, конечно, знал все подробности.

Ванька так ничему и не научился. Понтыра вел себя глупо и манерно, что нравится немногим. Оказалось, он куда глупее, чем предполагал Толик. Из богатого арсенала своего кумира выучил лишь задумчивую томность крутого мужика. Как это низко, честно слово. Тиллю страшно хотелось поделиться наболевшим, но Мусик равнодушно молчал.

Не может быть, чтобы Тина не заметила, какая пустышка и клоун расселся перед ней, закинув ногу на ногу. Невозможно поверить. Однако овечка была мила, нежна и заливалась соловьем, демонстрируя откровенные знаки соблазнения. Ванька настолько возгордился, что бездарно не понимал: это не он снимает, а его. Мачо с распродажи, что тут сделать.

Инициативу держала в руках Тина. Поболтав о пустяках и влив в недалекого мачо три порции кюрасао, два шампанских и кружку светлого, подвинула стул, чтобы тереться о его ляжку.

– Какие у тебя планы? – спросила она томно.

Разомлевший обольститель был готов ко всему.

Кое-как затоптав пылающий гнев, Тиль упрямо не вмешивался.

Отель «Негреску» гордился славной историей и строгими нравами. Дежурный портье не считал нужным выражать почтение странной парочке в пляжном, заявившейся без бронирования и багажа, и только холодно осведомился, что им угодно. Тине было угодно получить номер. Прямо сейчас. Портье сообщил, что в этом отеле номера не сдаются на час. Мадемуазель не стала скандалить, а предъявила веер платиновых и золотых карточек, предложив выбрать любую, по которой она может снять номер, скажем, на неделю. Портье резво стал вежлив, выдал пластиковый ключ и пожелал приятного пребывания.

Отель был готов удовлетворять любое желание дорогих клиентов. Для начала были заказаны в номер бутылка шампанского, икра и что-нибудь легкое закусить. Ванька пошел вразнос: подхватил легкое тельце и закружил на просторе комнаты, в которой царила королевская кровать с видом на море. Даже этот трюк проделал, как в дешевом кино, урод. Тина уцепилась за шею и молча смотрела ему в глаза, словно ища в них что-то нужное. Про Тиля с Мусиком никто не вспомнил. Ангел с мотоциклом понуро наблюдали из темного угла.

Ванька потянулся бантиком губ, но Тина оттолкнула и ругнулась: про траву-то совсем забыли. А без нее не хочет. Получив точные инструкции, где без проблем найти товар, она вылетела из номера.

Вот сейчас овечка вильнет хвостом. Вот сейчас прыгнет в кабриолет – и поминай как звали. Тиль очень надеялся. Но сегодня Тина вела себя непредсказуемо. Если, конечно, все время не смотреть в варианты. Раздобыв порцию, упакованную в пачку безобидных сигарет, стремительно вернулась в отель.

Тиль не мог трогать ее сердечко, потому что никакой опасности не видел. А что делалось у него на сердце, или что там у ангела, никому нет дела. Но вот что странно. Заглянув на перышко, обнаружил все ту же цифру: девять девяток. Как будто овечка не совершила мелкого проступка. Неужели за покупку травки или съем альфонса не идут штрафные?

Стремительно ринувшись к лифтам, Тина наткнулась на выставленные пятерни. Два черных амбала в три ее роста, в черных костюмах, очках и галстуках, с ушами, задраенными переговорными затычками, не желали пропускать даму в лифт. К сожалению, они не знали, что овечке нельзя говорить «нельзя». Ощувив радостный прилив бешенства, Тина заехала по коленке одному и сумела дотянуться до шеи второго. Откормленные бодигарды отпрянули, а худенькая девчонка неторопливо прошла в лифт, не обращая внимания на какого-то

субъекта, жавшегося к зеркалам.

– Пятый, пожалуйста, – приказала она ласково.

Двери послушно закрылись, лифт плавно двинулся. Тиль задержался на тенях побитых охранников, добавив от себя невидимых тумачков, но, запрыгнув в кабину, оторопел: не может быть, неужели овечка не видит, кто рядом. Но Тина упрямо смотрела в створки.

Лифт неприятно дернулся, словно наткнувшись на невидимую преграду, слегка провалился и замер. На панели замерла цифра «4».

– Упс! – прокомментировал пассажир.

Тина не одарила вниманием это замечание.

– Не бойтесь, нас скоро вытащат.

– Я не боюсь, – и оборотилась: обычный парень в поло, загорелый, коротко стриженный, похож на трудягу, скорее – работяга в отпуске, может, мелкий наркотореклер или задира в уличной банде, год копил на дорогой отель, и вот теперь швыряет деньгами, как в кино. Где-то его видела.

Запиликал вызов. Приложившись к трубе, пленник выслушал, сказав только «поторопитесь», и добавил:

– Ну, вот, они прилагают все усилия. Скоро исправят. У вас нет клаустрофобии? А то я не умею делать искусственное дыхание, – он говорил шутливо, словно подначивал.

Тина вдруг улыбнулась:

– После того как не попала на разбившийся рейс, боюсь только прыщей на носу.

Парень одобрительно хмыкнул:

– Отлично понимаю. Кстати, мы не могли быть знакомы?

– Скорее нет. Хотя мне кажется, что вас где-то видела.

– Правда? – то ли смущенно, то ли обиженно спросил янки, это она определила по выговору. – Вы редкий случай. Обычно со мной все происходит по-другому.

– А чем занимаетесь?

– Отвечу, если позволите узнать, какое кино любите.

– Старое, – вздохнула Тина. – Там все по-настоящему. Хемфри Богарт с Ингрид Бергман и все такое... Вспомнила! Кажется, вы какой-то известный теннисист?

– Нечто вроде того... – Парень растерянно почесал затылок. – Видимо, вы искренне... О'кей, неважно. Чем занимаетесь?

– Жду наследство, – Тина вынула особую сигаретку, затянулась и предложила соседу. Тот не отказался, все равно нечем заняться, так время легче убежит, предложил сесть на пол. Попыхивая дымком, вытянув ноги рядышком, они обмениваясь затяжками. Издалека доносились стуки спасательного отряда. Умиротворенную тишину нарушил мужчина:

– Здорово! – сказал он, глубоко затягиваясь.

– Пробрало?

– Подзабыл, как это здорово: вот так просто выкурить с кем-нибудь. Просто по-приятельски.

– Травки, что ли, не достать?

– Не в этом дело... Можно узнать, как тебя зовут, раз уж мы в одной камере?

Она назвала свое имя в латинском оригинале.

– Фауста! – повторил он чисто. – Красивое. Здорово... «Ты согреваешь мне душу, малыш»...

– Все равно они расстались... Знаете, когда я плачу?

– Расскажи... Подожди, угадаю... На летном поле?

– Нет, когда они вдвоем в темном кабинете. Рик ее обнимает, кажется, они будут счастливы, ведь любят друг друга, это так просто: уехать вместе и быть счастливыми. Но мы понимаем, что этого не будет, по ее и его глазам понимаем, как будто видим в них будущее. Не будет ни уютного домика, ни тихих семейных вечеров, ни подарков детям на Рождество. Да и детей не будет. Вы представляете Рика папашей? Я – нет. Расстанутся и никогда не удивят друг друга. Она предпочтет долг борьбы личному счастью. Личное несчастье – как

счастье, так странно и красиво. Кто бы сегодня на такое решился? Последний миг их счастья. Особенно острый, от того что последний. Вот там я плачу.

Сосед по несчастью внимательно посмотрел ей в лицо:

– Слушайте, у меня идея. Вы здесь остановились? Отлично. Давайте встретимся вечером, выпьем где-нибудь. Могу заехать, то есть зайти, за вами. Или поднимайся ко мне, я на последнем этаже. Ну, как, Фауста?

Затаив дыхание, которого не было, Тиль ждал, что сделает овечка. Наверняка на древе судьбы сейчас крутая развилка.

Кабинка ожила и вздрогнула. На приборной доске вспыхнула цифра «5», створки разъехались. Тина поднялась, отряхнув зад и разгоняя облачко, вышла, на этаже повернулась:

– Спасибо, что скрасили заточение... Я подумаю.

К лифту спешили охранники с перекошенными лицами и служащие отеля, крича:

– Мистер Питт, с вами все в порядке? О, мистер Питт, какая нелепость! Какое недоразумение, мистер Питт!

Но овечка не слышала.

Неужели опять характер сыграл? Этого ангел не знал.

На королевскую кровать парочка прыгнула с разбега, барахтаясь в подушках и простынях с визгом и смехом, пока Ванька не сграбастал под себя. Тина зло вырвалась и отползла. Ухажер растерянно мямлил извинения. Ангел ждал, что сейчас мелкий самозванец будет послан. Но овечка раскурила сигаретку мира, затянулась и передала партнеру. Осторожно, словно боясь обжечь губы, тот неумело втянулся, закашлял и отказался. Прикончив и выкинув хабарик в окно, Тина стянула футболку, шорты, сорвала лифчик и нырком выскользнула из стрингов. Она легла прямо, вытянув руки по швам, как будто готовясь к прыжку с трамплина.

Ванька хоть и накачался, не оплошал, подкрался по-кошачьи и робкими поцелуями стал продвигаться от шеи к низу живота. Ангела скрутила внезапная боль во всем отсутствующем теле, забился в угол, отвернулся, закрыл ладонями уши, зажмурился, но знал каждое движение овечки во всех физиологических подробностях.

Со страхом, нервным подрагиванием и колотящимся сердцем, Тина втягивалась в ожидаемую, но неизведанную игру. Понемногу отвечала на ласку, заводилась. Ванька не спешил, нежно и бережно разогревая неопытного партнера. Она задышала часто, румянец разогрел щеки, сжала его коленями, призывая и требуя. На счастье, любовник был опытный, сразу понял, что предстоит, и поступил как умелый врач, который делает укол капризному дитя, отвлекая ласками и вдруг неожиданно шлепая.

Ангел закрылся крыльями, как щитом. Бесполезно и глупо. Проклятие поводыря Толика настигло и оглушило. Теперь он страдал от тех же мучений, что несчастная горничная с корявым лицом. Беспомощно следить за постельными баталиями своей овечки – нет ничего хуже. Как же бедняжке приходилось несладко. Он заслужил получить по роже от бывшего ангела. На самом деле заслужил. И понял, до самой глубинной причины ощутил, что вытворял на глазах... равнодушного ангела. Скотина был Толик, бесчувственная и редкостная притом.

Чтобы отвлечься от несвоевременного раскаяния, Тиль занялся подсчетом овечек, заставляя их прыгать через высокую ограду. Овцы подпрыгивали и падали на острые пики кованной решетки, разрываясь на мелкие кусочки. Развлечение не помогало.

Сцепив крик губами, Тина заставила тело продолжать. И терпела, пока Ванька раскошегарился до финального предела, только тогда скинула его и свернулась комочком. На простыни расцвело свежее пятнышко, как на японском флаге – солнце. Гордость средневековых принцесс. Кавалер, пес поганый, рассыпался в комплиментах, не жалея эпитетов потрясающей, несравненной и замечательной. Мерзавец ручку поцеловал и занялся мягким массажем спины.

Может быть, теперь сбросит его с балкона или нагишом выкинет за дверь?

Пережив совсем не то, на что рассчитывало, тело овечки откликалось на нежность помимо воли хозяйки, разгораясь и стремясь к повторению. Ванька тонко почувствовал желание клиентки, раздухарился и показал класс, не хуже своего идеала. Тиль старался убеждать себя, что все нормально, девочка делает то, что любая женщина. Но уговоры не помогали. Главный момент короткой жизни Тины, которого она так ждала, Тиль пережил вместе с ней. Только без радости. Служба ангела опять повернулась печальной стороной.

Псевдо-Толик угомонился на заре, хоть в этом достигнув мастерства кумира, захрапел и выпустил во сне газы. Тина лежала на спине с открытыми глазами, привыкая к тому, что стала женщиной. Все было там же и тем же.

Вдруг вскочила, тихонько оделась, бросила несколько крупных бумажек и выскользнула за дверь. Ночного портье предупредила, что номером может неделю распоряжаться ее друг. Только дополнительные счета оплачивать не будет, а ему просит передать: срочные дела потребовали ее отъезда. Портье, выдавший всякое, обещал передать в точности – чаевые были очень достойные.

Выбросив с лобового стекла ворох штрафов, Тина врубила двигатель.

– Просто человек, – прошептала она. – Просто человек... Ни капельки не похож... Не обижайся на меня, ангел. Я же предупреждала, что дура. Надо было меня остановить... А этот, в лифте, сам на себя не похож. Тоже мне – суперзвезда. Обычный увалень. И главное – на тебя не похож. Ты, мой ангел, намного лучше.

Красная стрела вонзилась в пустоту утреннего шоссе.

Тиль мчался рядом.

Обида с досадой и ревностью странным образом растворились. Кажется, ангел был немного счастлив.

XXIV

Пришедшие дни овечка отдалась бессовестной лени. Купалась в море и бассейне, валялась с задрипанным детективчиком под солнцем или в тени вишневого сада, ела, как в санатории, и спала, сколько желала. Она даже ленилась вылезать в Ниццу. От этого пира жизни ангелу перепадали крохи, но и тому был рад. Тиль раздобыл, не телом, но духом, упиваясь безмерным покоем, негой юга и миром в вариантах. Подкралось забытое ощущение отпускного отупения.

Событие, так много меняющее в жизни каждой, для Тины прошло без последствий. Она не разглядывала себя в зеркало, разыскивая новые черточки или изменение, не оценивала блеск женственности во взгляде, не гладила себя по округлым формам, словно ничего не произошло. Но ангел заметил, как незаметно и сильно где-то в тайных глубинах уже треснул кокон и бабочка расправляет крылья, хоть и была она опасно-ядовитого окраса. В угловатом еще ребенке в одну ночь раскрылась женщина. Это была все та же – его овечка, но стала обновленным существом. Выкинув переживания, Тиль с интересом наблюдал, коллекционируя и примечая одному ему видимые мельчайшие обновления поведенческих.

Тихое счастье закончилось внезапно. Тина как раз завтракала, когда к дому подкатило такси, из которого появилась Виктория Владимировна, бледная после перелета, но наполненная радостью. Управляющий Словацкий впал в панику – его не предупредили, что пани хозяйка изволяет пожаловать, надо срочно готовить для нее комнату. Забегали горничные, садовник принес букет свежих роз.

Не рискнув лезть с поцелуями, Виктория Владимировна села напротив дочери, уловила что-то незнакомое, оценила придиричиво, боясь высказать вслух, но все сразу поняла, не столь материнским, сколько женским чутьем, и лишь подчеркнуто нейтрально сообщила:

– Какая ты красавица стала. Загорела, похорошела, расцвела. Ты у меня прелесть.

Как ни странно, Тина приняла комплимент благосклонно, лишь спросила:

– Аэрофобия побеждена силой воли?

– Да, горстью снотворного. Не могла же пропустить день рождения дочери из-за каких-

то страхов.

– Уговор помнишь?

– Конечно, Тиночка. Никаких праздников. Все скромно, по-семейному.

Тиль все еще пребывал в благодушном настроении, но кое-какие странности торчали на виду. Например: почему упорно нет Викиного ангела? Неужели ему не интересно потратить щепотку вечности в райском местечке? Неужели не боится отпускать свою овечку? Или ему безразлично? И все же самое непонятое крылось в самой Виктории. Конечно, овечка чужая, лезть в нее прав нет, но в привычном образе появилось нечто особое, неуловимое и как будто тревожное. Наверняка в жизни Виктории происходят какие-то изменения. Не такие, как у его овечки, конечно, но что-то есть.

Ближе к вечеру Тина впервые отправилась в город. Бесцельно моталась по улицам, выскочила на шоссе и дала волю скорости, добралась почти до Монако, но, развернувшись в неполюженном месте, поехала обратно. К вилле она подкатила около одиннадцати.

Виктория Владимировна сидела на террасе за рюмкой ликера, предложила дочери присоединиться. Тина не заартачилась, налив, пригубила. Ангел развалился на качалке.

Баюкало звездное небо и шум моря. Безмятежный покой.

Из тьмы кустов выскочила громадная тень с закорючкой в руках, бросилась к столику, наставила руку и угрожающим шепотом проговорила:

– Кто пикнет – сразу грохну.

Облик прояснился. Лицо закрывала черная шапочка с прорезями, бицепсы разукрашены татуировками, в разрезе жилетки накачанная грудь, рваные шорты еле держались на здоровенных ляжках. Пистолет держал на прицеле Тину, жирный палец уперся в Викторию:

– Ты, сука! Деньги! Быстро! А то завалю девку.

Трясущимися руками она извлекла кошелек. Грабитель схватил, но ствол не отвел:

– Теперь, сука, серьги и кольца.

Приказ был выполнен, драгоценности спрятались в нагрудном кармане жилетки.

– Мало, сука!

– У нас больше нет, – запинаясь, проговорила Виктория Владимировна.

– Найди в доме. Не вздумай звонить в полицию, сука. Иначе девке конец.

– Наличных почти нет.

– Неси, что есть. Пошла! Шевелись, сука!

Виктория Владимировна скрылась в комнатах. Тина вжалась в стул и смотрела на бандита затравленным тигренком, с бессильным желанием вцепиться в горло.

– Опустила глаза, сука! Я сказал: не смотреть!

Скрипя зубами, Тина подчинилась.

Быстро вернулась Виктория с тоненькой пачкой:

– Вот все, что есть.

Мужчина выхватил деньги и, кажется, не знал, что делать дальше. Вдруг вытянул из кармана грязный шарф и бросил на столик:

– Эй, сука, связать девке руки.

– Но мы все отдали, что есть! – в отчаянии закричал Виктория.

– Быстро, сука! Выполнять!

Не подняв шарф, Виктория Владимировна закрыла собой дочь:

– Этого не будет.

– Что ты сказала, сука? – ствол нацелился ей в голову. – Я не шучу! У тебя одна секунда, сука!

Дочь рванулась, но Вика с неожиданной силой остановила ее, прикрывая телом:

– Вы получили, что хотели. Пожалуйста, уходите.

– Все, сука, тебе конец, сука!

Со стороны шоссе долетел вой полицейской сирены, который перекрикивал управляющий Словацкий, показывая дорогу.

Испуганно оглядевшись, бандит пятился к саду.

– Ты пожалеешь, сука!

Схватив стул, Тина бросилась в атаку, но Виктория Владимировна поймала ее и сжала в объятьях, закрывая спиной.

Грохнул выстрел.

Безнадежно визжала Тина. Влетела машина с мигалками. За ней – «Скорая». Двое полицейских бросились в темноту кустов. Другие кинулись к пострадавшим. Что-то кричал Словацкий. Началась кутерьма.

Ангел не шелохнулся. Всего этого не могло быть. Просто не могло, и все. Нет и нет. Как угодно, но не так. Он специально проверил варианты: никакой опасности для овечки не было даже близко. Как же тогда случилось такое?

Пока составлялся протокол, Тина, не отрываясь, глядела на мать. Виктория Владимировна чудом не пострадала, даже царапины не было, бандит промахнулся. Она держалась отлично, улыбалась и шутила, хотя губы мелко дрожали. Полиция, упустив нападавшего и не найдя стреляную гильзу, уверяла, что опасности больше нет: скорее всего наркоман пытался найти денег на дозу, второй раз не сунется. Его поймают в ближайшие дни. Дамы могут не беспокоиться, полиция на страже.

Глубоко за полночь, проводив посторонних, Виктория Владимировна присела к дочери, которая забралась с ногами на качалку.

– Сильно испугалась? – устало спросила она.

– Ты закрыла меня от выстрела...

– Извини, больше не буду.

– Ты закрыла меня от выстрела, – повторила Тина, словно не решаясь выдать что-то важное. – Готова была принять мою пулю. Умереть за меня. Просто так, не раздумывая...

– Это естественно.

– Почему?

– Ты мой ребенок. Любой родитель поступит так же.

– И это все?

– Я очень тебя люблю. Еще раз извини. – Виктория Владимировна отвернулась.

– Я думала, тебе все равно...

– Глупенькая ты, умница моя...

И уже не стесняясь, Виктория Владимировна зарыдала. Тина рывком обняла ее, прижалась и прошептала:

– Прости меня... мама.

Среди торжества любви и примирения только напуганный ангел пребывал в глубочайшей растерянности, так что крылья совсем опустились.

Или что-то сломалось, или он не знает каких-то важных подробностей. Именно сейчас, когда настал мир и благоденствие, в вариантах овечки отчетливо нарисовалась опасность.

Как могло все перепутаться?

Чему теперь верить?

Что совсем странно: перо не реагирует, будто ослепло – и завалящего штрафного не добавило.

Нужен срочный совет.

XXV

Кардинал явился на зов, слушал внимательно, поглаживая тонзуру. Тиль был взволнован, а потому красноречив не в меру. Он боялся, что сеньор Томас не поймет важных мелочей, которые настораживают, и выливал поток излишних наблюдений. Наконец, молодой ангел иссяк. Помолчав, словно раздумывал, Торквемада лениво сказал:

– Ради такой ерунды оторвал меня от важнейших дел? Я был о тебе лучшего мнения.

– Но ведь это ошибка! – не унимался Тиль.

– В вариантах не бывает ошибки, юноша. А если не согласен с правилами, только скажи – немедленно влеплю И.Н.

– Но...

– Никаких но. Запомни, если не понял до сей поры: ошибок не бывает. Им просто неоткуда взяться. Не может сомнения испытать ангел, видевший древо судьбы. А тем более – обретший крылья. Если в вариантах не видел беды, значит, ее не было. Овечке ничто не угрожало. Остались вопросы?

Оставалось только признать вину и скорбно испросить помилования.

Торквемада сразу повеселел:

– Ну что с тобой делать, на первый раз прощаю, но бдительность не теряй. Ангелу это дорого обходится.

– Раз уж получил милостивое прощение... – Тиль построил ангельскую физиономию, – ... позвольте, сеньор Томас, испросить последнюю милость.

– Ну, валяй.

– Мне нужно повидать отца моей овечки. Вернее, ангела, который им был. Призвал бы сам, но имени не знаю. Поможете?

– А что за это...

– Следующий матч вместе болеем за «Реал».

Торквемада погрозил пальчиком и пропал. А к Тиллю уже торопился ангел в идеальном смокинге. На таком теле странно болталась маленькая лысоватая голова. Узкие, змеиные глазки прятались под насупленными бровями. В точности как на фото. И в досье.

– Здесь я, чего кричишь.

Трудно завидовать овечке, у которой ангел с таким неприятным взглядом. Тиль кое-как выжал доброжелательную улыбку:

– Извините, что оторвал от важных дел...

– Нет никаких дел. Что надо?

– Моя овечка – ваша дочь Тина, и поэтому...

– Ребенок не от Ивана Дмитриевича, – сказал ангел равнодушно. – Он ее воспитал. Правду узнал только здесь. Ивана Дмитриевича обманули. Мне до нее нет дела. Она чужая овечка. Ты ангел, ты и разбирайся...

– Стой! Мне надо узнать про Викторину.

Мрачный ангел повернул обратно, задумался и спросил:

– Что хочешь знать?

– Вы же понимаете, я не вижу ее досье. Что она за ове... женщина?

– Редкая умница. Исключительный талант. К сожалению, Иван Дмитриевич вовремя не разглядел. Может быть, пожил бы подольше.

– В каком смысле?

– Помогла ему умереть. Утром зашла в спальню и обнаружила Ивана Дмитриевича в постели с сердечным приступом. Но тревогу не подняла, а спокойно ждала, пока старичок подохнет. Гладила и приговаривала: «Потерпи, недолго осталось мучиться». Для гарантии выждала десять минут, после того как он затих. Думала получить все, но Иван Дмитриевич оказался хитрее. Такая вот сильная женщина.

– Сильная, – печально согласился Тиль.

– Даже слишком. До этого убила еще двоих, – сообщил ангел.

– Как?!

– Одного при помощи Ивана Дмитриевича, другого – сама. Это я здесь узнал. Сам знаешь, куда отправляется молодой ангел. Тину она не любила никогда. Наверное, потому, что не выкормила молоком. У них ведь разница восемнадцать лет, могли быть подружками. Дочь ей была не нужна. Она хотела иметь любовников, но боялась Ивана Дмитриевича.

– Почему же закрыла Тину от пули?

– Не знаю. Значит, было выгодно. Она не будет рисковать понапрасну. Вика – страшная женщина, – уверенно сказал ангел и вдруг виновато спросил: – Как там Тина?

– Нормально. – Обсуждать овечку совсем не хотелось, надо было спешить. – Вся в тебя, то есть в Ивана Дмитриевича. Большая умница. Железный характер. Всеми командует. Настоящая наследница.

На мерзком лице прояснилось что-то вроде улыбки:

– Береги ее... Пожалуйста.

Ангел Тиль обещал наверняка.

XXVI

Паутинка между сном и явью крепла. Овечка никак не могла отключиться, ворочалась с боку на бок, болтаясь в густом сиропе видений и мыслей пережитого. Она представляла, как бросается на грабителя, мутузит его страшно жестоко, так что кровь и кости разлетаются брызгами, потом возвращалась к началу, чтобы опять ринуться в бой, и уже ловким приемом бросить на землю, скрутить шею и душить, душить, пока зверь не обмякнет. Потом в ход пошли мачете и рыцарские мечи, взявшиеся неизвестно откуда, за ними автоматы и огнемёт. Тина зверствовала с наивной жесткостью ребенка, обьевавшегося компьютерными играми, что-то шептала яростно и не заметила, как пустила слюни.

Кровавой бойни ангел не видел, не дано ему, зато напряженно изучал внутренности. Вроде бы органы работали в норме, сердечко билось чуть учащенно, да легкие перемалывали больше кислорода. Но появилось нечто новое, чего не успел обнаружить. Надо попробовать еще раз, тщательно. Просканировав тело от макушки до пяток, Тиль не выяснил причины беспокойства. Может, у ангела начались глюки. Доработался, называется. Отвернулся и потряс головой, вернее тем, что вместо нее было, словно мог отделаться от овечки. На всякий случай бросил свежий взгляд.

Чуть ниже пупка, в тайной глубине, вспыхнул рубиновый огонек, словно зажглась капелька раскаленного стекла или звездочка бордового алмаза сверкнула из угля. Не больше пылинки. Невероятно, невозможно, неправильно. Но это было.

Бескрайняя грусть с бездонной радостью, смешавшись бурлящим потоком, поглотили маленького ангела. Утонул навсегда. Даже крылья не помогли. Когда Тиля выбросило назад, он стал немножко другим. Теперь любой ценой надо узнать, что замышляет Вика. Даже если придется нарушить Второй закон. Залезть в досье, может, ее ангел не узнает, все равно пропадает где-то. Вдруг пронесет и сойдет с рук. То есть крыльев.

К спальне Тиль проникал через стены и был рядом, когда наткнулся на невидимую преграду. Вперед не пройти, как ни старался. Попробовав так и эдак, убедился, что не в состоянии оказаться там, где хочет. Что-то преграждает, стена невидимая, но прочная.

– Далеко собрался?

Замерев «смирно», из глубины коридора наблюдал, как часовой, ангел в камуфляже. Приятель хмурился.

– Витька... Извини – Ибли! Ты как тут оказался?

– А ты, старик?

– Да понимаешь... Такое дело, – Тиль замялся, но решил открыться другу, хоть и бывшему. – Надо заглянуть в досье одной овечки. Кое-что выяснить.

– Чужой овечки, старик. Чужой.

– Дело срочное и важное...

– Не забыл Второй закон? – спросил Ибли. Недобро как-то спросил.

– Нет, конечно. Не выдашь?

– Я – нет. Но закон нарушать нельзя, молодой ангел.

– Да? – Тиллю показалось, что Витьку подменили, и очень сильно. – А не ты ли предлагал нарушить правила игры?

Ибли строил непроницаемое выражение лица:

– Ты не правильно понял, старик. Мы, ангелы, должны блюсти законы.

– Ладно. – Тиль демонстративно повернул назад. – А что это ты печешься о чужой

овечке?

– Почему чужой? – Он улыбнулся сдержанно, но торжествуя, расправил руки, будто затекли. – Удивлен, малыш?

– Нет, – упрямо держался Тиль. – Где же ты пропадал?

– Всегда и везде был рядом. Всегда. Невнимательно изучаешь обстановку, боец. Очень невнимательно.

Прежнего Витьки больше нет. Этот – чужой и опасный ангел. С ним надо осторожно. Мало ли что замышляет.

Тиль постарался казаться радушным:

– Ибли, можно тебя спросить?

– Конечно, старик. Мы же друзья.

– Ты – опытный ангел. Объясни мне задачку: я подозреваю, что некая овечка замышляет что-то плохое, что грозит моей овечке большой бедой, а может, гибелью. Как быть, чтобы выяснить это и не нарушить Второй закон?

– Никак, – отрезал Ибли.

– Скажу прямо: мне кажется, нет – я уверен, Виктория собирается убить свою дочь. Я не понимаю – почему. Можешь помочь?

– Мне дела нет до твоей овечки, старик. А тебе – до моей.

– Но ведь...

– Служба ангела – не сахар. Возвращайся на свой пост, рядовой.

Ибли был непреклонен.

И Тиль вернулся.

Овечка дремала. Тревожно вздрагивала и тихонько стонала. Наверное, бьется с бандитом, защищает мать. Как объяснить ей, что надо бежать без оглядки? Как объяснить, что Вика, с которой только что помирилась, затаила угрозу? Никакого сердечка не хватит, да и нельзя его трогать теперь.

Ангела захлестнул приступ отчаянной беспомощности.

На мониторе ноутбука, который забыли выключить, бегало разноцветное оконце. Тиль приблизился и заглянул в него. Под матовым куполом текла нескончаемая река электрических искр, наполняясь волнами, отступая приливами и вбирая бесконечную паутину ручейков и притоков. Тиль вошел и осмотрелся. Он внутри Сети. Интернет – всего лишь сон электричества. Ангелу любые сны открыты.

Не разжимая глаз, Тина схватила стакан молока, выпила и отправилась дальше в сон.

За нею шагнул Тиль.

Зрачок крутился на вершине белесого купола, разбегались красные прожилки. Песчаные барханы покрыли руины. Малиновые тучи висели над горизонтом. Мертвые драконы и монстры, сваленные кучками, догнивали, плодя рой мух. Дул и дул бесконечный ветер, поднимая волны песка и вытягивая полумесяцем. Над барханами стоял черный дым. Плотный гриб поднимался до зрачка и там расстился пологом.

Бежать по песку оказалось трудно, маленький ангел проваливался по пояс, падал и карабкался снова. Песчинки сыпались водопадом, казалось, его засасывает. Приложив все усилия, он прорвался.

Бурелом исчез. Маслянистые стволы – скошены, пни дымились остатками пожара. Неудавшийся дракон коптился, обнажив пустые ребра, искры прыгали от чешуи.

Полянка скукожилась, но уцелела. Ребенок аккуратно протянул ножки. Следы засохшей гари покрывали мордашку, как чернильницу. Только глазенки горели.

– Опять приперся? – спросила неласковое создание.

– У тебя большие проблемы.

– Это у тебя большие проблемы, – нагло ухмыльнулась она.

– Хватить спорить. Я тебе не родитель, чтобы со мной препираться.

Ветер пронес тучу песка. Тиль зажмурился. Ребенок покорно сложил ручки:

– Повелевай, хозяин.

- Тебе угрожает опасность. Я не могу сказать, сама должна понять. Она рядом.
- Мог не напрягаться, ангелочек.
- То есть как? – Тиль оторопел от наглости.
- Таком кверху. Опоздал со своими страшилками. Завтра стукнет восемнадцать, получаю наследство и стану кум королю. С матерью помирилась. Выделю ей, сколько захочет. Войне конец.
- Обещай, что исполнишь мою просьбу.
- Смотря какую, ангелочек.
- Как хозяйка проснется – пусть лезет в Интернет и заводит новый ящик, где хочет, на любом сайте. Все поняла?
- Это зачем?
- Заведет – узнает.
- А мне сказать?
- Больно надо с грубым подсознанием общаться.
- Кто грубое? – Малышка набычилась.
- Пошутил. Мы, ангелы, такие весельчаки.
- Смотри у меня! – ребенок погрозил кулачком.
- Не забудь, что я прик... попросил.
- Как ты достал! – Она зевнула. – Проваливай.
- Подожди, мне еще надо...

Песчаная буря закружила, не видать ни зги. Ангела выбросило в спальню.

Тина ворочалась с боку на бок. Смутная тревога пробралась под одеяло утренним туманцем.

XXVII

Отпраздновали исключительно мирно. Обслуживающий персонал спел хором величальную, подарив скромный букет полевых цветов и торт с восемнадцатью свечками. Виктория Владимировна ограничилась набором от Гермеса. Тина была мила и добродушна, расцеловалась с матерью, выпила бокал шампанского.

Ближе к полудню прямо с самолета прибыл Борисыч, сдержанный и официальный. Шрамы на лице зажили, но виднелись красными рубчиками. Вместе с ним прилетел московский нотариус. Церемония передачи наследства прошла на удивление скучно и просто. Текст огласили, Тина расписалась и превратилась в одну из завидных невест Европы. Нотариус осведомился, не желает ли Фавстина Ивановна составить завещание, но в день рождения думать о смерти что-то не хотелось.

Ибли не показывался, наверное, ловко маскируясь в складках местности. Тиль нарочно просматривал – нигде не видать. И тогда ангел решился на преступление. Сосредоточившись, уже собрался вызвать досье, как вдруг все понял. Тело Виктории Владимировны, став прозрачным, выдано простую и явную причину.

Над овечкой нависла непридуманная опасность. Варианты не врут. И чутье ангела не подвело.

Вежливо отпросившись из-за семейного стола, Тина вернулась в комнату, чтобы усесться перед ноутбуком. С раннего утра донимало глупое желание, дурацкая мыслишка, взявшаяся непонятно откуда. Как заноза впиалась в подсознание.

– Что за фигня? Не могло же с одной сигаретки так снести, – побормотала она и все-таки завела почтовый ящик на популярном сайте.

Немедленно дренькнуло сообщение: письмо пришло. Адресат отсутствовал, в теме виднелось краткое: «Открой».

Из любопытства она нажала и прочла:

«Спасибо, что не забыла сон. Пожалуйста, постарайся поверить сразу: это не обман и не розыгрыш. Это письмо от меня. По-другому мы не можем общаться».

– Ты кто? – вырвалось непроизвольно.
Сразу ответ в новом письме:
«Извини, я думал, ты поняла. Я твой ангел. Говори вслух, сразу отвечу».
– А думать нельзя?
Мгновенный ответ:
«Можно. Только не услышу. Если хочешь убедиться, что это не бред, заведи ящик на любом сайте».
– Ладно, допустим, поверила. Как докажешь, что ты мой ангел?
«Лежа под капельницей, ты рассказала про двух старичков. А потом поехала в парк Горького и стояла на аллее. Я тебя обнял, но ты не почувствовала», – Тиль врал, но пара сотен штрафных того стоила. Странно, что их не начислили.
– Наверно, я свихнулась...
«Нет, я твой ангел. Можешь еще раз сказать спасибо за самолет».
– Спасибо, – повторила она.
Перышко не шелохнулось, мелкий обман не прошел. Заснула, что ли, самописка?
– Ангелы теперь общаются по Интернету?
«Не знаю, возможно, я первый».
– Если ты мой ангел, на кого похож?
«Ты же убедилась в лифте – я лучше».
– Это действительно ты... Привет, мой ангел! – Тина помахала почтовому браузеру. – Я тебе ужасно рада. Как дела?
«Привет, Тина. К сожалению, у нас возникла трудность».
– Не волнуйся, ангел, я теперь богатая девочка. Любую проблему решим!
«Проблема как раз в этом. Тебе надо немедленно уезжать. И чтобы никто не знал, куда ты делась».
– Ты серьезно?
«Я знаю, что может случиться дальше».
– Тогда просто скажи мне...
«Не имею права. Ты должна сама принять решение. Я могу лишь советовать. Очень тебе советую – сваливай».
– Давай в угадалки, – Тина собралась и тихо спросила: – Это... Вика?
«Ты умница. Опасность предельно велика».
– Хочешь сказать, что она желает мне смерти?
«Я не знаю ее желаний. Я знаю, что может случиться».
– Мать закрыла меня от выстрела...
«Пистолет был заряжен холостыми».
– Мы помирились, я обещала не обидеть ее ни в чем... Я хочу знать причину.
«Действительно хочешь? Может, согласишься на слово. Ангел врать не будет».
– Не хочу, но надо.
«Ладно, я предупреждал. Она беременна. Наверное, хочет, чтобы любимому ребенку досталось все. Тебе сейчас очень тяжело. Прости».
Закусив губу, Тина боролась, но слезинка победила. Смахнув, она сказала:
– А я, дура, уши развесила. Поверила. Опять одна...
«Я с тобой».
– Спасибо, ангел.
Перышко и не думало реагировать, словно оглохло. Значит, не каждая благодарность идет в зачет. Хитро придумано.
Шмыгнув носом, Тина упрямо заявила:
– И все равно должна убедиться сама. Как угодно.
«Хорошо, я попробую. Только берегай себя».
– Это еще почему?
«У тебя будет ребенок».

Тина не сразу поняла, перечитала строчку и прошептала:
 – Не может быть... Я ничего не чувствую. Ты ошибся.
 «Еще слишком рано. Недели через три. Их еще надо прожить».
 – Значит, правда?! Хотя ты же ангел, все знаешь... Это... Это такое счастье, ангел!
 «Я рад, что ты рада».
 – Ты не понимаешь. При чем тут радость? Теперь мне есть ради кого жить! Я сейчас заору!
 «Пожалуйста, не надо!»
 – Кто?
 «Девочка»...
 – Ура-а-а-а, – прошипела Тина и чмокнула ноутбук. – Ты не представляешь, каким счастьем меня наградил. Лучший подарок в день рождения. Подожди, я ведь не знаю, как тебя зовут. У тебя есть имя, мой ангел?
 «Тиль».
 – Какое красивое! Самое замечательное имя! Такое девчоночье. Назову в честь тебя дочку, чтобы ты и ее защищал. Будешь для нее как отец. Нет, лучше отца. Моя малышка вырастет среди такой любви... Я уже ее люблю. Она никогда не узнает, что такое быть ребенком, который безразличен матери... Тиль и Тина – как перезвон колокольчиков. Я ужасно счастлива!
 «У тебя есть место, куда можно уехать?»
 – Конечно. Тиль, дорогой, а можно тебя спросить...
 «Не советую искать того парня».
 – Да пошел он! Альфонс дешевый.
 «Ты действительно умная».
 – Спасибо за комплимент... Это же надо: с первого раза и залет. Да что я чушь несу... Огромное счастье. Я ее ужасно люблю.
 «Я знаю».
 – Откуда? Я ведь только что об этом узнала?
 «Я видел кое-что важное. Тебе пора заботиться о себе. Я могу очень мало. Советую уезжать».
 – Ладно, но ты обещал доказательство. Когда?
 «Завтра».
 – Так долго. Ладно, потерплю. Тиль, а скажи: как у ангелов с...
 «Извини, меня срочно призывают».
 Сколько потом девочка ни стучала по ноутбуку, хныча и жалуясь, писем не было.

XXVIII

На обломке какого-то римского цезаря восседал 898-й, печально давя подбородок. 897-й разместился на поверженном идоле какого-то императора без головы и беззаботно насвистывал мотивчик. Сведенборг нетерпеливо колошматил носком туфли постамент, на котором возвышались сапоги безвестного вождя.

Завернув лихой кульбит среди остатков монументов, Тиль затормозил Мусика рядом с палкой учителя.

– Опаздываете, молодой ангел, заставляете ждать. Соскучились по И.Н.? Так я вам быстро напомню, влеплю и не подумаю! И обретенные крылья не помогут!

– Простите, герр...

– Марш на место!

Тиль примостился на углу памятника забытому герою. Сокурсники даже не кивнули.

– Итак, мальчики, – Сведенборг потряс палкой, как дирижер полкового оркестра. – Подведем итог. Рассмотрим, как справились с первыми овечками. Начнем по порядку. 898-й, докладывайте.

Погибший капитан тяжело вздохнул:

– Овечка играла в подпольном клубе за наличные. Сорвала большой куш, около двух миллионов. Вышла с сумкой денег на темную улицу, получила битой по затылку. Череп раскололся пополам. Умерла сразу. Если бы задержалась или вызвала такси, осталась цела.

– Почему не остановил, 898-й?

– Извините, герр Сведенборг, не мог терпеть, чтобы она совращала монахинь.

– А что нам скажет уважаемый ангел 897-й? – Палка нацелилась на аса-камикадзе.

– Выпала из окна! – радостно сообщил он.

– Сама?

– Конечно нет! Была облава на торговцев детской порнографией, первым ворвался полицейский, у которого погибла семья. Ну и он... отомстил. Выпустил всю обойму. Изрешетил как мишень. На ней живого места не осталось.

– Овечке нельзя было помочь?

– Разумеется, можно. Ушла бы по черному ходу, осталась цела. Но зачем? Чтобы дальше занималась грязью?

– Прекрасно. Ну а сэр Тиль чем порадует?

– Пока нормально.

Сведенборг искренно удивился:

– Хотите сказать, что еще не успели ее приговорить?

– Спасал, как мог.

Учитель крикнул, сделал круг, очевидно, борясь с растерянностью, и, наконец, заявил:

– Будем считать это исключением, подтверждающим правило... Вы, кадеты, заработали опыт и кучу штрафных. Вы узнали, что овечки – отвратительные, злобные и похотливые создания, которые делают что захотят. Все и всегда. Они не слышат ангела, так что штрафные никогда не списываются. Только теперь, когда насладились властью ангела назначать приговор и возмездие, всего лишь наблюдая и не вмешиваясь, вы способны усвоить Третий закон ангелов, – Сведенборг обвел суровым взглядом учеников. – Он гласит: ангел не должен влюбляться в овечку. Все ясно?

897-й поднял руку:

– Что полагается за нарушение?

– Штрафные, разумеется.

– И все?

Резкий удар палки отшвырнул солидный обломок истории. Сведенборг помрачнел:

– Одно и то же. Никто из молодых ангелов не верит в серьезность Третьего закона, пока сам не обожжется. Знайте, кадеты, Третий закон – самый важный. И самый страшный. Последствиями, разумеется. Из-за него ангелы делают необратимые глупости. О которых жалеют вечно. Любить овечку – самое тяжелое испытание для ангела.

– Герр учитель, можно пример? – спросил и без того грустный 898-й.

– Что за негодяи недоверчивые! – вскричал Сведенборг. – Однажды к мерзкому композиторишке, нотному пачкуну, явился человек в черном и заказал «Реквием». Бездельник и прощелыга написал, но заказчик за работой не явился.

– И что? – не понял 897-й.

– Это был Ж-ангел! Замечательный, умелый, сильный. Ей оставалось совсем немного до Хрустального неба. Но она влюбилась в эту паршивую овечку и увидела в вариантах близкий конец. Что она должна была сделать? Равнодушно наблюдать за неизбежным. Так ведь нет. Решила, что ради любви должна остаться великая музыка. Ну, не дура?!

– Как же она разговаривала? – спросил Тиль, у которого в ушах надрывался Фредди Меркьюри, уверяя, что они чемпионы.

– Пошла на самый непростительный, самый мерзкий, самый глупый для ангела поступок, за который даже И.Н. – мало. Она вочеловечилась! И навсегда потеряла шанс обрести Хрустально небо. Никакая любовь, а тем более музыка, не стоят такой жертвы.

Как плохой трагический актер, Сведенборг горестно воздел руки.

Кадеты помалкивали, стараясь глядеть на обломки и песок.

– Не влюбляйтесь в овечек, ангелы, – продолжил он. – Будете страдать каждый миг вечности. Овечка ничего не поймет. Выберет какую-нибудь тень, отъявленного дурака, выйдет замуж, нарожает детей, будет стариться и дурнеть. А вы – жариться на сковородке. Да, ангелам дано страдать. А вот овечке не дано любить ангела. Урок окончен, свободны.

Учитель зашел за статую и пропал. Тиль даже не успел расспросить его о важном. Нумерованные коллеги разбрелись кто куда, не прощаясь. Делать на Срединном небе совсем нечего. Тиль запрыгнул на Мусика, но сзади вкрадчиво спросили:

– Торопитесь?

На раскладном стульчике удобно устроился Гессе. Широкополая шляпа прикрывала тенью глаза. Ангел выразил всяческое почтение председателю Милосердного трибунала.

– Делаете успехи, юноша, ја. – Гессе одобрительно кивнул. – Станете хорошим ангелом. Очень хорошим. Вам по силам обрести Хрустальное небо. Вы меня понимаете?

Тиль понимал, что с нынешней цифрой штрафных вердикт не грозит. Но язык придержал за зубами.

– Хрустальное небо – главный приз ангелов, – продолжил Гессе ласково. – Приз редкий, драгоценный и желанный. Может быть, ваш.

– Что я должен делать? – спросил Тиль.

– Скорее не делать, юноша. Вы слишком рьяно пасете овечку. Не стоит тратить столько усилий, она не заслуживает. Наблюдайте, как другие ангелы, но не вмешивайтесь. Больше от вас ничего не требуется.

– А штрафные?

– Об этом не беспокойтесь. Поступите правильно – обретете Хрустальное небо. Обещаю, – Гессе приподнял шляпу, словно заключая нерушимую клятву. – Договорились?

Тиль машинально кивнул, но вдруг спросил:

– Герр Гессе, а что делать, если я чувствую в себе то мещанина, то степного волка?

– Пожалуй, надо завалить источник камнями, – задумчиво ответил председатель Милосердного трибунал. – Налакаются, чего ни попадя, и давай нести ахинею. Нет, решительно – завалить.

И он сгинул вместе со стульчиком.

XXIX

Над фаянсовой миской возвышалась горка маслин, огурцов и каперсов. Простые вкусы провансальской деревни учили поглощать соленое изобилие с красным вином с рыбным блюдом, но овечка ограничилась кувшином свежего апельсинового сока. Смачно хрумкая, как голодный заяц – капусту, обильно запивала оранжем и забрызгала футболку от ворота до пупа. Тина свинячила с таким страстным аппетитом, что никто из прислуги не мог осудить молодую хозяйку. Девочка лучилась наглым здоровьем, а это извиняет мелкие нарушения приличий.

Разбуженная чавканьем, Виктория Владимировна вышла на веранду узнать, кто же это старается с раннего утра. Остановившись в проеме двери, разглядывала дочь с особым интересом, но когда Тина заметила ее, улыбнулась:

– Bon appetite!

Благодарно кивнув, дочь помахала огрызком, приглашая разделить трапезу:

– Пробило на соленькое. Наверное, с чистого воздуха. Самое время подкрепиться... мама!

Виктория Владимировна отведала огурчик, потянулась за вторым, за ним – следующий. Под утренний хлеб, нарезанный грубыми ломтями, незаметно исчезло еще три зеленых корнеплода вперемишку с маслинами.

– Что мы делаем! – Тина оторвала от каравая грубый шмат. – Такую закуску – и без водки. Что подумают о нас люди. Скажут: ох уж эти русские, опять завтрак без водки. Надо

свистнуть, чтоб принесли холодненькую. Ты будешь... мама?

– С какой стати? – Виктория облизала кончики пальцев.

– Нужен повод? Пожалуйста – здоровье. Неужели не выпьешь за мое здоровье?

– Неужели у тебя прибавится здоровья от рюмки водки?

– А если попрошу выпить за мою жизнь?

Виктория Владимировна положила выбранный каперс:

– Тиночка, что за прихоть? Тебе вздумалось напоить меня водкой с утра пораньше?

– А тебе не хочется?

– С чего это вдруг?

– Для храбрости. Или сбросить напряжение после вчерашнего. Ты не испугалась?

Словно раздумывая, Виктория неторопливо жевала сочную маслинку:

– Наверное, нет.

– Судя по всему, приходилось смотреть в лицо смерти? Признавайся! – Тина подмигнула. – Откуда такое мужество у хрупкой женщины... мама?

Виктория Владимировна не ответила. Хотя лицо ее было спокойно, казалось, сдерживается по необходимости.

– Ну, извини, не обижайся. – Тина налила ей в кофейную чашку сок. – Отметим твою вчерашнюю победу диетически.

Фарфоровые края чокнулись тревожным звоночком.

– А могла бы убить? – спросила Тина, не давая матери выпить до дна.

– Что? – Виктория Владимировна ощутимо напряглась.

– Вчерашнего грабителя могла бы убить? Представь: у тебя спрятан пистолет, ты его выхватываешь и засаживаешь пулю прямо ему в лоб, так чтоб поганые мозги забрызгали всю веранду. Могла бы?

– Нет... – в голосе Вики не было уверенности. – Я не умею стрелять.

– А я бы смогла. Стреляла бы, пока патроны не кончились, наплевать – попаду или нет. Чтоб все поганые выродки узнали: никто не смеет безнаказанно мне угрожать.

– Ты очень похожа на своего отца...

– Спасибо... мама. Это очень приятно.

– Мне тоже, – в голосе Виктории Владимировны не было уверенности.

– Плохо, что мы раньше так мало общались. Почему так вышло?

– На то много причин.

– Достаточно главной.

Смяв хлебный шарик, Виктория Владимировна раздавила лепешку:

– Твой отец этого не хотел. Он считал нужным воспитать тебя сильной, достойной принять наследство. Никто не имел права вмешиваться.

– И как, получилось? – Тина ждала, не отрывая взгляд. Буквально сверлила мать.

– Даже лучше, чем он мечтал.

– Уже второй комплимент за утро, день отлично начинается, – Тина пригласила к тосту чашками. – Но теперь у нас все будет по-другому. Правда? Мы станем подругами? Говорят, мать – лучшая подруга. Будем делиться секретами, ничего не утаивая. Нашими маленькими женскими секретами. Станем неразлейвода. Ты мне будешь советовать, как обращаться с мужчинами, а потом, когда выйду замуж и нарожаю тебе внуков, будешь во всем помогать. Ведь ты моя мама. Это ведь замечательно, правда? Ты этого хочешь?

– Конечно, доченька, мы станем подругами.

Тина сжала чашку так, что хрупкий фарфор скрипнул, и все же улыбнулась:

– Вот это здорово... Начинается новая жизнь. Полная любви и взаимопонимания. Кстати, слышала историю, которая потрясла городок нашего университета в том году?

Виктория Владимировна редко смотрела новости, а газет не читала вовсе.

– Представь: президент попечительского совета благотворительного общества, уважаемая дама, вся в почете и признании, скажем, леди Л. И вдруг выясняется, что этот образцовый член общества держала в доме мумию ребенка. Десять лет назад произошел

семейный скандал, она убила дочь и поехала крышей. Полицию вызывать не стала, закапывать в лесу не стала, а высушила тельце и стала за ним ухаживать, как за живой. Сажала за стол, укладывала спать, водила в туалет, даже мыла. А всем сообщила, что ее дочь пропала. Вот такая чудесная леди Л. Я с ней общалась – само очарование, взгляд ангельский. Не слышала? Сенсация была на целых пять дней... У нас городок был тихий, но веселый. Вот еще вспомнила. Профессор философии держала дочь в подвале, чтобы развлекаться пытками...

– Хватит, – попросила Виктория Владимировна.

Тина сыто рыгнула:

– Как хочешь. Отложим для тихого семейного вечера у камина. У нас ведь теперь крепкая и любящая семья, правда... мама?

Вика вымученно улыбнулась:

– Спасибо за приятный завтрак, пойду прогуляюсь. – Она встала.

– А поцеловать? – Тина смешно надула щеки, как лягушонок.

Изогнувшись, мать прикоснулась холодными губами к виску дочери и отпрянула.

– И не за тридцать, – тихо сказала овечка.

Виктория Владимировна нахмурилась:

– Что ты сказала?

– Я говорю, тебе ведь немного за тридцать, ведь так? Молодая женщина. У нас еще все впереди... мама! – Тина выскочила из-за стола и побежала к морю.

Ангел пребывал среди роз. Ибли невидимо прятался в засаде, но Тиль вовсе не трусил – думал и взвешивал. Решение надо принимать сейчас. Варианты не оставляют выбора. Совсем легко: не писать, не отвечать, не помогать. И все случится само собой. Сделка с председателем Милосердного трибунала вступит в силу. Покорится и получит награду. Хрустальное небо совсем близко. Да и вообще: кто ему эта овечка? Полное никто. Жалость – не повод лишиться вечного блаженства. Да, сказала «спасибо», когда было надо. Ну и что? А сколько ангел настрадался? Из-за кого огреб миллион штрафных? Вот именно. А тем более – Третий закон нельзя нарушать. Да и зачем. Все ясно, надо быть ленивым и послушным. Это просто. Почему же так трудно сдержаться? И Мусик молчит. Подсказал бы хоть что-нибудь. Еще друг называется.

Искупавшись, Тина прибежала к ноутбуку и сообщила ангелу радостную весть: он был прав, мать что-то замышляет. Готова быть послушной, что ей надо делать?

Почтовый ящик молчал. Тина спросила еще раз.

Ноутбук хранил пластиковое спокойствие.

Позвала ангела по имени, но никто не откликнулся.

А ближе к вечеру прибыл неожиданный гость – дочь Борисыча. Хрупкая блондинка цветущих лет по имени Нина расцеловалась с Тиной, как давняя подруга. Особой дружбы между ними не сложилось. Смахивая на куклу, Нина была милым человечком, даже близко не похожим на своего отца. Девушки пошли общаться в сад и нашли взаимное общество приятным. Тина рассказала, как училась в Англии, Нина – про стажировку в миланской школе дизайна. Взаимная симпатия требовала продолжения. Родилась идея смотаться в Ниццу, тем более Нине ужасно хочется опробовать на шоссе подарок отца. Тина легко согласилась и попросила пять минут на сборы. Когда блондинка ушла на веранду выпить коктейль с Викторией Владимировной, овечка села перед ноутбуком.

– Тиль, слышишь меня? Ты здесь? Что мне делать?

Письма нет.

– Можно ехать в город? Это не опасно?

Тишина.

– Ладно, мой ангел, будем считать молчание – знак согласия. А то вдруг заглянут и решат: девочка сошла с ума, разговаривает с монитором... Так что мне делать?

В тайном ящике новых писем не было.

– Может, обиделся на меня? На всякий случай: прости, пожалуйста, ангел, хотя не знаю

за что. Ты мне очень нужен, Тиль, и ... дорог. Честно говоря, мне немного страшно. Плохое предчувствие. Ну, ладно, пока. Приеду – может, поболтаем...

Звякнул колокольчик, в углу браузера объявился значок письма.

Тина вернулась и прочла:

«Собери вещи, которые понадобятся в дальней дороге».

– Ты почему молчал? – надулась обрадованная овечка. – Вся извелась. В моем положении нервничать нельзя. Забыл? Все вы, мужики, одинаковы, только о себе и думаете, даже ангелы.

«Извини, был занят».

– У тебя еще кто-то есть? Кроме меня? Вот так, значит? Бабник.

«Ты единственная. Надо было решить одну личную проблему».

– Решил, Тиль?

«Окончательно».

– Ну, и как теперь?

«Сразу стало легче».

– Ангел, я тебя обожаю! – Тина чмокнула монитор. – Значит, ехать можно, но собрать вещи? Все правильно? Почему так странно?

«Советую взять только самое необходимое, чтобы сумка не казалась большой».

– Это не так просто. Ну, ладно. Справлюсь. Что-нибудь еще?

«Если не трудно, держи под рукой айфон. Не пропусти письмо».

Виктория Владимировна не вышла пожелать девочкам хорошей дороги или чего там желают матери, когда любимые дочки отправляются порезвиться.

Нина ехала впереди на спортивном «Мерседесе», обгоняя подругу на три корпуса. В зеркальце увидела сигнал фар и свернула на обочину. Оказывается, у Тины возникла неотвязная идея: поменяться машинами, дескать, она давно присматривалась к этой модели, прямо ужас как хочется попробовать. Отказать было неудобно, Нина перебралась в машину подруги, но лишь тронувшись, вырвалась вперед. Стритрейсинг не получился, Тина отдала победу без боя. Красный кабриолет уехал далеко вперед.

Айфон пискнул новым сообщением:

«Советую припарковаться и ждать».

Положив ладони на руль, Тина послушно ждала. Климат-контроль нагонял прохладу, напоенную ароматом парфюма. Через полчаса терпение истощилась, и она раздраженно спросила:

– Ангел, дорогой, пойми меня, самая гадкая пытка – ждать. Я больше не могу. Нинка совсем потеряется.

Тиль как раз вернулся, Мусик терся о бок родстера.

«Думаю, можно ехать не спеша».

Мотор взревел, покрышки обожгли асфальт, но Тина покорно сбросила скорость. Шоссе петляло в вечерних сумерках. До Ниццы оставалось километров десять, не больше, когда впереди заблестели маячки полиции и «Скорых». На дороге что-то случилось, поток медленно полз мимо какой-то аварии.

Айфон подал сигнал:

«Остановись и посмотри».

Близко никого не подпускали. Но и так все было видно: под крутым откосом горы догорал перевернутый остов красной машины, уткнувшись боком в валун. Тушить было некому и нечем. Рос черный столб дыма, в котором разлетался пепел водителя.

– Не правда ли, ужасно, мадемуазель? – Юный жандарм томно улыбнулся и выказал почтение, дернув ладонь к козырьку.

– Что случилось? – глухо спросила овечка, изо всех сил пытаясь не паниковать.

– Обычная трагедия в этих местах. Отказ тормозов, горный поворот и – вуаля! Бедняжку было не спасти. Какая нелепая смерть молодой девушки. Вам плохо, мадемуазель?

Кое-как улыбнувшись и отказавшись от настойчивой помощи галантного жандарма,

Тина добралась до машины, села в открытой двери поперек сиденья. Дергали позывы тошноты, бил мелкий, отвратительный озноб. Стало холодно и душно.

Она тихонько спросила:

– Ангел, этого не может быть. Не может. Я не думала, что так... Что она... Неужели... Ради денег... Ради какого-то не родившегося недоноска... Вот так просто убить... Родную дочь и ее будущую внучку... И Нинка ни за что... Не могу поверить...

Айфон принес весть:

«Ты хотела доказательств».

– Что теперь делать, Тиль? Я боюсь не за себя, сам знаешь за кого.

«Ангелы два раза не повторяют».

Покорно закинув туфли на педали, овечка захлопнула дверцу. Стараясь не смотреть, объехала место аварии и дернула передачу. Тиль с Мусиком изготавились к маленькому развлечению: гонка ангела на мотоцикле за «Мерседесом» с овечкой. Неважно, кто придет к финишу первым, главную победу они одержали.

XXX

Придерживая руль кончиками пальцев, овечка отдавала команды в айфон, приказав встречать ее через шесть-восемь часов, подготовить спальню и вызвать кухарку с горничной. Закончив с указаниями, выключила и швырнула об пол. Обида ребенка, преданного родным человеком, вырвалась сумасшедшей скоростью. Родстер летел за пределом дозволенного, каким-то чудом минуя дорожные патрули.

Ницца и Марсель осталась далеко позади, серебристый болид пронзил Перпиньяк, а за ним – условную границу с Испанией. Остановка потребовалась в Барселоне только для того, чтобы до отказа залить бак. Дальше Тина не выпускала руль. Конечно, Мусик не отставал, но ангел поражался и немного гордился выносливостью овечки.

Она мчалась по широкой полосе «Медитерэниэн», оставив позади Валенсию, за ней – Картахену, а после и прибрежные городки, звучавшие как перестук кастаньет: Беда-дель-Мэр, Лас-Пальмерес, Эль-Перельо. Так что к вечеру показались кварталы Альмерии. Объехав портовый мегаполис, машина свернула на боковую дорогу и устремилась к крохотному городку на пригорке, зажатому между горной цепью и побережьем, вместо пляжного песочка посыпанного обломками скал и валунов.

Странное чувство заползало ангелу под комбинезон.

Показался дорожный знак с названием населенного пункта. Как удивительно странно, какое редкое совпадение: они подъезжали к Кастель-дель-Рей. Тиль узнавал улочки.

Сбросив скорость и медленно петляя по городку, запылившийся «Мерседес» подъехал к могучим воротам, посигналил, створки плавно разъехались, открывая внутренний дворик, посреди которого голубым озерцом светился бассейн. Снаружи вилла казалась довольно скромной: беленые стены, кое-где в метр толщиной, и бойницы окон, словно созданные для упорной обороны. Но внутри открывались просторные стрельчатые двери с широкими окнами во всю стену.

Встречать хозяйку вышли две пожилых испанки, с которыми Тина обменялась радушными возгласами, лобзанием и теплыми объятиями. Она сразу побежала в душ смыть дорожную усталость. На кухне ждал стол, накрытый для сытного ужина. Тина отпустила женщин до утра, пообещав, что управится сама – поест и ляжет спать.

– Ну, как тебе убежище? – спросила овечка со ртом, набитом паэльей.

Ангел не мог отвечать. И вовсе не потому, что айфон выключен. Он бился над мучительной загадкой.

– Извини, Тиль, мобильник пока нельзя включать, чтобы нас не засекли раньше времени... Знаешь, где мы? Этот домик папка подкупил на всякий случай, о нем никто не знает. Только я. Он так и называл: «Наше королевское убежище». Вика про него точно не знает, сволочь. Ну, ладно, разберемся. Здесь она меня не достанет. Но зато я кое-что смогу...

Ангел, думаю, тебе на время надо смыться. Я тут кое-что буду делать, тебе может не понравиться. Но это надо сделать. Иначе нельзя теперь. А я не хочу, чтобы ты обо мне плохо думал. Прости меня заранее. Ладно?

Не из послушания ангел поднялся на второй этаж. Там обнаружил коридор с шеренгами балконных перил и дверей напротив. В самом конце – дверь в спальню. Он прошел насквозь. Сомнений и отговорок больше не осталось. Толик был здесь в ту ночь, когда...

Тиль уселся на пол и сжал отсутствующие виски. Если бы мог – раздавил их. Он понял только то, что ничего не понимает.

Овечка трудилась, не покладая трубку городского телефона. Вскоре к дому подъехал джип, из которого появилась невысокая тень. С гостем провела краткие переговоры, после чего выдала пачку денег, предусмотрительно извлеченную из сейфа, и тот уехал.

Ангел не хотел, но видел все. И силуэт визитера узнал. Толик его бы вспомнил под любыми очками.

Забыв включить сигнализацию на весь дом, Тина юркнула в постель, поставив на тумбочку стакан сладкого молока.

– Тиль, ты здесь? – спросила тихонько. – Будем считать, что здесь. Так мне спокойней. Знаешь, а ведь я недооценила Вику. Мать моя, оказывается, предусмотрела на шаг вперед. Даже догадалась, что могу рвануть в этот дом. Оказывается, она про него знала. И меня здесь уже поджидал эксперт по тихим убийствам. Какая молодчина, не зря ее папа выбрал. Ну, ничего. Я все равно умнее. Не знаю, ты помог или само получилось, но мы дали заказ одному и тому же исполнителю. Представляешь, какая удача: Вика заказала меня, а я – ее. Перекупила заказ. Случайное несчастье теперь произойдет с ней, а не со мной. Мы с малышкой будем в полной безопасности. Знаешь, что я придумала? Того, кто получил заказ на меня, тоже уберут. Дорожное происшествие: взорвется бензобак мотоцикла. Умно, правда? Едет на дело, а тут бац – и горящий факел. Спец обещал, что взрывчатка будет высокой мощности, шоссе отмыть придется на километр. Об остальном – завтра поговорим, айфон разбит, а ноутбук включать лень. Спокойно ночи, ангел.

Тина зарылась в подушку, уютно свернувшись под одеялом, и мирно засопела.

Заглянув в варианты, ангел понял, что ему не справиться.

XXXI

– Как такое возможно, учитель?

Сведенборг постукивал палкой, взбивая фонтанчики сухой пыли среди каменных постаментов.

– Никому не понять Большой замысел, – ответил он, не поднимая глаз. – Я пытался, и что вышло? Сам видишь, ангел-кадет.

– В вариантах не бывает ошибки. Так? Но я видел, что мою овечку сегодня убью я, то есть не я, а тот – Толик. И что же получается?

– Говори, кадет.

– Выходит, моя овечка оказывается... моим убийцей, то есть не моим, а Толика. А я, нет, не я, а тот – Толик, ее все равно убивает. И здесь, на Срединном небе, я встречу с ним, то есть не с ним, а с ангелом, которым он неизбежно станет? Получается, я должен защищать овечку от самого себя, но все равно погибну?

– Могу гарантировать только одно, кадет: второго себя не увидишь. Его не будет. Ты или есть или тебя просто нет. Твое появление здесь не случайно. Все замысел.

– Здорово. Но что мне делать? – потеряв терпение, закричал Тиль.

Сведенборг печально улыбнулся:

– Я всего лишь учу молодых ангелов. Не спрашивай с меня слишком много. Если очень не терпится, могу указать пример, чего ангелу не стоит делать никогда. Официально не имею права этого говорить. Обещаешь сохранить в тайне?

– Клянусь, – не думая, выпалил Тиль.

Клюка нацелилась на обветшалый памятник.

– Гляди...

На глыбе гранита каменный ангел припал на колени, согнувшись как от боли, крылья разметались широко, но лицо исказила неопишуемая мука, потому что своею рукой он вырвал сердце.

– Хорошенько запомни! – Сведенборг потряс палкой. – Этот памятник оставлен в назидание всем ангелам. Были некоторые, лучшие из многих, которые дерзнули нарушить три закона, вернее – последний. Ценою вечного спасения они пожертвовали собой, чтобы спасти глупых овечек. Потому что перешагнули черту равнодушия. Сердце ангела – это величайшая сила, она способна на многое в Том мире. Но использовать его можно один раз. А потом расплачиваться долгие вечности. Никогда не поступай так, ангел-кадет. Цена слишком велика.

Тиль сразу заторопился и прыгнул на Мусика:

– Спасибо, герр учитель. Вы мне очень помогли. Я понял, как не должен поступать ангел никогда.

Сведенборг погладил бензобак мотоцикла и еле слышно сказал:

– Иди, мальчик, я желаю тебе удачи. Ты вышел моим лучшим учеником.

XXXII

Мусик отчаянно промахнулся, уткнувшись колесами в запертые ворота. В калитке виднелась еле заметная щель. Тиль двинулся, но что-то сдержало, словно наткнулся на стену из геля – вязкую и непролазную. Потребовалось упорство, чтобы совладать с внезапной преградой. Ангел с мотоциклом давили и давили, пока невидимая помеха вдруг не пропала, и они стремительно проскочили сквозь прутья.

В голубом озерце, подсвеченном даже ночью, купались звезды. Дом мирно спал. Но путь ангелу преграждала какая-то фигура. Стояла нагло и открыто, не думая бежать или скрываться. Наверняка ангел, только очень странный, такие еще не попадались. Вместо смокинга или цивильного костюмчика облачение сверкало черным шелком, мягко струясь и образуя бесформенную массу, в которой конечностей не разобрать. Лицо ангела прикрывал глубокий капюшон.

Тиль ощутил странную тревогу, но смело двинулся к незнакомцу.

– Кто такой? – крикнул он как мог решительно, но вышло довольно хило.

Вместо ответа чужак сдернул капюшон.

Витька, то есть Ибли, был спокоен, даже величав, и ответом не удостоил.

– Тебе чего здесь надо? – обозлился Тиль. – Здесь твоей овечки нет, проваливай. А то я, знаешь, что...

Черный ангел проявил полное равнодушие к угрозе, но Тиль не мог и шага ступить, что-то держало крепко.

– А ну, пустил быстро! Я кому сказал? Дай дорогу, гад!

– Куда спешишь, маленький ангел? – голос Витьки, то есть Ибли, стал мягким и глубоким, как эхо бездонной пропасти, пробрал изморозью сквозь воловий комбинезон. – Неужели тебе важна какая-то овечка? Не все ли равно, что с ней будет? Всего лишь одна из тропинок древа судьбы. Так какая разница, если разницы нет? Для чего мучить себя и страдать, если можно наблюдать и наслаждаться.

Раз нельзя вперед, Тиль с Мусиком немного отступили:

– Официально заявляю: ты нарушаешь Второй закон!

Черный Витька улыбнулся печалью:

– Нет больше Второго закона и никакого другого нет. Законов вообще больше нет. Разве тебе не сказали?

– Толки слушать некогда, занят службой.

– Напрасно горячишься, маленький ангел. Ты можешь сам убедиться. Стоит нарушить хоть один закон, которым нас страшали, и ты увидишь, что будет.

– И что? – поддался Тиль.

– Совершенно ничего, – Ибли развел руками, словно извиняясь. – Эти законы пугают ангелов до тех пор, пока кто-нибудь не рискнет их перешагнуть. Стоит это свершить, стоит сыграть в свою игру, как открываются неизведанные и прекрасные возможности. Нет, не возможности – новый мир.

– Это какие же?

За Витькиными плечами медленно распахнулись огромные крылья, блестя вороненой сталью. Перья сверкали заточенными резцами и черным лаком с бордовым отливом. Крылья вспыхнули светом тьмы ярче ночи и затмили ее. Ангел был прекрасен неодолимой силой. Да, модели Сикорского до этих крылышек далеко. Даже когда-то железный Мусик сжался перед величием кованого размаха.

– Неплохо, – снисходительно оценил Тиль. – Хотя за предательство могли бы выдать и лучше. Эти-то, чего доброго, проржавеют, придется сдавать в металл.

– Ты глуп, маленький ангел! – вскричал Ибли так, что Тиля чуть не снесло. – Нет предательства, есть только личный выбор и свобода. Нет ни зла, ни добра, ни любви – это всего лишь оправдание ошибок поганных овечек, за которые ангелам начисляют штрафные. Ты видел добро, зло или любовь на древе судьбы? Их там нет. А знаешь почему? Потому что в Большом замысле это несущественно. Ни зло, ни добро, ни любовь, ни какой-то мелкий ангел. Все подчинено великой красоте замысла. А я не хочу быть в замысле, даже красивом. Я хочу быть сам по себе. Забудь про все эти ловушки на древе судьбы. Вырви их с корнем.

– Что же тогда есть, по-твоему?

– Вот это! – Крылья стремительным взмахом вызвали ураган, который прижал Тиля с Мусиком к земле. – Есть свобода. Полная, чистая и беспредельная. И больше ничего. Эту тайну так тщательно оберегает Милосердный трибунал. Когда узнали, что я собираюсь сделать, они испугались так, что даже были согласны оставить тебя на Срединном небе, лишь бы не мешал мне со своей овечкой. Предлагали? Вот видишь! Знаешь почему? Они решили, что если я смогу провести свою овечку, как хочу, то откажусь от своей мысли. Они даже штрафные готовы были списать, чтобы от меня отделаться. Но я не поддаюсь! Не скрою, мне нравится моя овечка. Сильная личность: убирает с пути всех, кто мешает ее цели. Даже своего ребенка не пощадила. Кстати, не думай, что твоя овечка смогла перехитрить мою. Сейчас тот, кого она перекупила, смеется вместе с моей овечкой над глупостью Тины. Но ты должен быть благодарен мне.

– За что же это?

– Это я пригнал Вику, когда твоя овечка сидела в клетке. Это я был всегда рядом и оберегал Тину, пока она была нужна Вике. Это я прятался за каждым зеркалом и следил за каждым твоим шагом, незаметно подправляя твои ошибки. Ты очень слабый ангел. И теперь это поймешь. Твоей овечке уже не помочь.

– Ладно. – Тиль изобразил покорность. – Зато получу Хрустальное небо. Мне обещали, если не буду вмешиваться. Вот я и не вмешиваюсь.

– Глупый маленький ангел! – захохотал Витька. – Неужели не понял, что никакого Хрустального неба нет? Это обман. Приманка для ангела.

– Тебе видней. – На всякий случай Тиль нащупал ногою упор, вдруг опять подует. – Значит, тогда надо закончить дело. Назло Милосердному трибуналу. Пусти.

– Ей уже не помочь. Забудь. Но тебе я хочу предложить иное. Идем со мной, и ты станешь таким же свободным. Все будет в твоей власти, и ты никому не будешь подчиняться. Тебе не надо будет бояться законов и штрафных, тебе не надо будет думать и выбирать, ты будешь делать что захочешь.

– Спасибо за предложение, мне пора. Пропусти, Ибли.

Витька помрачнел и распустил крылья:

– Что ж, старик, попробуй одолеть или хотя бы пройти.

Собравшись, Тиль ринулся вперед.

Мягко взмахнуло крыло.

Ожгла ледяная боль, разрежала воловью кожу и бросила наземь. Тиль и не знал, что ангел может испытывать такие неприятности.

– Хорош герой, нечего сказать. Был слабаком и остался.

Обдал ледяной порыв стальных крыльев.

Тяжело поднявшись, Тиль вскарабкался в седло Мусика и сжал рукоятки руля.

– Что ты делаешь?

– Пытаюсь выяснить один секрет. – Тиль распахнул крылья белого света.

– Какой секрет? Ты сдурел! Никаких нет секретов у овечек! – Витька отчего-то кричал.

– Вот и проверим...

Он газанул наотмашь. Мусик встал на дыбы и со всей ярости, на какую способен гоночный мотоцикл, рванулся вперед. Тиль заорал отчаянно и безнадежно, как одинокий всадник, бросающийся в атаку на легион врага. Удар колеса, как в ватную стену. Увидел ослепительный всплеск, услышал свист лезвий и чей-то крик, полный бессильной ярости. Шлепнулся и сразу вскочил. Мусик пал, разделившись на половинки, но черный ангел валялся в пыли, бессильно придавленный крыльями, как пойманный гусак. Повержен и не властен.

– Что ты наделал! – завопил Витька, растеряв добрую часть трубной мощи. – Идиот, ей уже не помочь! Она хотела убить свою мать! Она твоя убийца!

– Я знаю, – ответил Тиль.

– Зачем?! Зачем тебе это?! – Витька бился в отчаянии и не мог подняться, так тяжелы черные крылья.

– А тебе зачем – это?

Над правым плечом поверженного вспыхнул экранчик. И показал. Как ангел Ибли впервые увидел овечку, как презирал ее за робость, как заставил пойти на вечеринку в клуб, когда девочка совсем не хотела, как наслаждался преображением, как помогал, когда Вика билась за свою жизнь, пока не обнаружил, что скучает по ней, а потом и вовсе не мог без нее. Грозный Витька давно и безнадежно обожал свою овечку. Досье ангела вспыхнуло бриллиантовой звездочкой и обратилось пеплом.

Тиль невольно покосился, но его досье не объявилось.

– Да! – заорал Витька, барахтаясь под ржавеющим хламом. – Я нарушил Третий закон. И пошел до конца. Потому что мне не оставалось ничего другого. Потому что маленький ангел Тиль рвал удила, а его бешеная овечка упрямо портила все варианты Вики. Если бы не вы, у меня бы все получилось. Ну, что тебе не сиделось?

Тиль погладил бензобак верного друга Мусика:

– Тебе не понять, старик.

Торопливо проскочила мужская тень и юркнула в калитку.

Кажется, он действительно опоздал. Надо спешить.

Открытое окно играло тюлем. Экран на стене показывал разноцветные полосы под низкий вой уснувшего эфира. Скинув жаркое одеяло, овечка скрючилась зародышем на простыне. стакан пуст. Она уже выпила сладкое молочко. Ангел видел: по сосудам быстро расплзался черными льдинками яд. Девочка медленно умирала во сне. Сердечко еле бьется. Дыхание на волоске. Одна в доме. Позвать некого. Помощи ждать неоткуда.

Тиль расстегнул молнию комбинезона и вылез из рукавов.

– Что ты делаешь! – истошно завопил Витька. – Остановись! За это сразу влепят И.Н.!

Ангел снял футболку.

– Не смей!!!

Пальцы, сжатые прямой ладонью, уперлись в грудь там, где у Толика билось сердце.

– Есть кое-что важнее Хрустального неба, правда? – спросил себя ангел и нажал.

Вошло как в мягкий студень. Это было просто. Расплата наступила мгновенно. Тиля захлестнуло невыносимой, безбрежной болью, которую невозможно вытерпеть и снести даже

ангелу. Тело словно обрело плоть и разрывалось на миллиарды маленьких, стонущих клеток, пронзенных раскаленными иглами. Он чуть было не отдернул руку, но, чтобы не отступить, упрямо поднажал на локоть. Перед глазами поплыло, упал на колени, согнувшись и балансируя крыльями, но заталкивал ладонь в глубь себя. Было пусто. Боль стенала, разгораясь пожаром, он испугался, что если промедлить – не выдержит пытки. Вдруг пальцы наткнулись на что-то теплое. Сжал и на приделе терпения вырвал из себя. Мука отступила. Осталось сверлящая пустота. На ладони горел крохотный камешек, отливавший рубиновым светом.

– Ангел, я умираю? – печально спросила Тина, не разжимая губ. – Что же будет с малышкой?

– Терпи, я уже... – еле выговорил Тиль, на карачках подползая к кровати. – Все будет хорошо.

Рубиновый камешек лег на грудь овечки и проскользнул в нее. А навстречу уже поднимался другой. Камешки встретились, закружились, слились в красный уголек, который вспыхнул. По жилам и венам побежали огненные ручейки, сметая черные тени. Тело ожило, сердечко забилося, легкие вздохнули упруго.

Сердце ангела – великая сила. А любящее – непобедимая.

Тиль повалился сдувшимся шариком.

Вздрогнув, Тина проснулась, села на кровати, непонимающе разглядывая комнату.

– Что это? – спросила она. – Вроде сон приснился страшный... Или показалось. А, я поняла... Это ты, ангел, хулиганишь? Привет, Тиль!

«Привет», – еле выдохнул обессиленный.

– Знаешь, Тиль, мне сейчас так хорошо, как будто снова родилась. Честное слово, ангел. Наверно, успокоилась, потому что все кончилось...

«Я очень рад», – сказал полумертвый или полуживой, как уж придется, Тиль.

– Давно хотела сказать, но не получалось, а вот сейчас, по-моему, самое время. Я очень люблю свою будущую малышку. Это правильно и нормально. Но еще я полюбила одного человека. Вернее, не совсем человека. Да что там... Милый мой ангел... Я тебя люблю...

Что-то зашуршало. Тиль вскочил, готовый биться до последнего, но этого не требовалось, Витька рыдал и грохотал крыльями во дворе.

Над головой ангела сохли и опадали девятки штрафных, одна за другой.

«Нет! – закричал Тиль. – Молчи!»

– Страшная глупость, но ничего не поделать. Я действительно тебя люблю. Не вздумай смеяться.

Последняя цифра упорхнула, осталось только перышко.

«Хватит! Молчи!»

– Ты – самый лучший, самый нежный и самый родной. Вот. Как здорово это сказать: я тебя люблю. Подумаешь, что девочка признается в любви. Ты же ангел. Мой любимый ангел... Но все равно нос не задирай. Завтра напишешь мне письмо. Кстати, а ты меня любишь?

Перышко вспыхнуло и сгорело без следа.

– Ладно, завтра узнаю, что ты об этом думаешь. Только попробуй меня не любить. Не знаю, что с тобой сделаю... Спокойной ночи, мой любимый... – Тина зарылась в подушку и сразу отключилась.

Ангел не успел подумать: «Что же теперь будет?»

Затрубила небесная медь.

Его призвали.

XXXIII

Осенний ветер гнал по скошенной траве жухлые листья. Скирды ржи торчали волдырями над голой землей. Цветы опали, холмы облысели, готовясь к зиме. Небо нависло

свинцовыми тучами, глубины которых полосовали молнии. Куропатка испуганно вспорхнула и низко полетела над полем, ее подросший выводок равнодушно клевал в траве. У края сырой земли кособоко воткнулся массивный крестьянский стол, по бокам пристроилось три стула, грубо сколоченных и облезших шелухой краски.

Милосердный трибунал восседал по местам. Вот только одежды сменились: балахоны, сияющие шелком цвета слоновой кости.

Положив под ноги куски мотоцикла, Тиль оправил перышко на вороте и постарался стянуть разрез комбинезона. Но воловья кожа не желала сходиться.

Гессе снял соломенную шляпу и провозгласил:

– Ангел Тиль, ты призван для последнего ответа.

– Я готов, – ответил он, радуясь, что хоть рот не заклеен.

– Прежде чем огласить вердикт, Милосердный трибунал желает допросить тебя. Обещай отвечать честно.

– А куда деваться?

– Мы считаем это согласием. – Председатель направил ладонь к левому заседателю. – Твой черед, дон Савонарола.

Монах казался непривычно мирен и беззлобен:

– Тебе, ангел Тиль, было сделано исключительное предложение. Почему отверг его? Почему поступил по-своему?

– Попробую объяснить, Милосердный трибунал. Я был не очень хорошим человеком, наверное, плохим и совсем ужасной овечкой, правильно мой ангел хотел набить мне морду. Мне ее очень жалко. Я ведь не знал, что она меня любит по-настоящему – единственная женщина из тех, с кем имел дело. И ангел из меня получился средний. Мало чему научился. Можно сказать, только одному: любить и защищать. Это по нашим законам неправильно, меня предупреждали. Но больше я ничего не умею.

– Но ведь тебе обещали Хрустальное небо, – печально сказал Торквемада. – Ни один ангел за последние тысяча четыреста земных лет не удостоивался такой чести. А ты мог бы. В чем смысл?

– В чем смысл болеть за футбол, когда заранее знаешь счет? Моя овечка не очень простой человек. Наверное, ей придется отслуживать ангелом. Но это будет когда-нибудь. А пока – в ней зажегся огонек любви, который она, может быть, передаст своей дочери. А она – своей. Разве я мог позволить затушить его?

– Ты нарушил Третий закон, – сказал Гессе, глядя мимо Тиля. – И совершил ужаснейший из поступков – вырвал сердце ради овечки. Ты понимаешь, что это бесполезно и бессмысленно? Вы никогда не будете вместе. Ты потеряешь ее навсегда, но боль утраты будет с тобой много вечностей. Зачем обрек себя?

– Оно того стоило.

– Ты плохо слушал учителя, ангел Тиль, – сказал Савонарола. – Ни одна овечка не стоит таких страданий. Она забудет тебя и полюбит обычного мужчину. А ты будешь мучиться ревностью. Она родит детей, а ты будешь страдать от ревности. Она состарится и уйдет, а ты будешь помнить ее молодой, и с каждым мгновением боль потери будет мучить сильнее, и от нее не будет спасения.

– Оно того стоило.

– Да что за «оно»! – вскричал Гессе.

– Как-то раз я обнял ее крыльями.

– И что?

– Это было счастье. За такое надо платить дорого.

Милосердный трибунал обменялся многозначительными взглядами.

Председатель встал:

– Прежде чем узнаешь свою участь, ангел Тиль, по традиции тебе предоставляется последнее желание. В рамках разумного.

* * *

Прижимаясь к надежному плечу, Виктория Владимировна закуталась в шаль, вечер прохладный:

– Понимаю, как тебе тяжело. Прошло уже девять дней, она успокоилась – и тебе пора. Я переживала не меньше, чем ты, поверь. Но надо жить дальше. Нам вместе. Понимаешь?

Мужчина погладил ее ладонь.

– Гибель Нины – это и моя утрата. Мы оба хотели бы, чтобы все сложилось по-иному. Остается надеяться, что справедливость восторжествует. И, может быть, скоро. Ты мне веришь?

Павел Борисович обнял Викторию, она вздрогнула от легкого озноба. На веранде свежо, надо бы идти в дом, а то ветер с моря пробирает.

– Тебе есть ради чего жить. Положи сюда руку... Чувствуешь? Он – твой. Ничто не заменит Нины, но, может быть, в нашем ребенке ты увидишь себя, и горе понемногу отступит. Тебе предстоит стать молодым отцом. У тебя будет много дел, мой любимый. Пойдем в дом...

Он помог Виктории встать с кресла-качалки и, поддерживая локоть, повел в спальню, где она стала хозяйкой.

Стеклянная дверь закрылась с тихим щелчком механизма.

Провансальская ночь вспыхнула оранжевым шаром, в котором исчезла небольшая вилла. Те, кто был в ней, обратились в пепел, долго круживший над полыхающими руинами.

Как жаль, что газовые баллоны так несовершенны.

Случайная искра – и никаких следов.

* * *

Во сне Тина улыбалась. Вольно раскинулась на постели, дышала ровно и спокойно. Маленькая и счастливая овечка. Варианты показывали благополучие, во всяком случае на сколько мог заглянуть ангел. Подумав было отправить письмо, Тиль отказался. Сложив бесполезного Мусика на ковер, присел на краешек рядом с подушкой, обнял ее сверкающими крыльями и шепнул в самое сердечко:

– Спасибо тебе, моя славная. Спасибо за то, что научила самому главному – любить и защищать. Ничего нет важнее. Иначе Витька будет прав. Если научишься любить и защищать, уже не так страшно быть винтиком в Большом замысле или веткой на древе судьбы. Может быть, добра и зла нет или их не различить, но я точно узнал: надо любить и защищать хоть кого-то. Нет, не кого-то, свою единственную. Жить имеет смысл ради другого, а не ради себя и своих желаний. Это трудно, куда легче быть равнодушным. Но тогда появляется смысл. Тогда не страшно. Говорю тебе как ангел... Правда в том, что двоим отпущено слишком мало, чтобы любить. И потом они не будут вместе, как это описывают в романах. Как ни тяжело, но это так. Любовь – вовсе не основа мира, и она не правит им. С ней часто путают всякую ерунду. Потому что любовь – величайшая редкость, как философский камень. И если вдруг случается чудо, возникает любовь – разгорается рубиновый камешек, который жжет и мучает. Не каждому выпадает такое счастье. Тебе повезло. И мне, наверное, тоже... Меня скоро призовут, надо успеть еще кое-что... Впереди вечность без тебя. Но я уже не боюсь. Я буду представлять, как беру тебя на колени, обнимаю тебя нежно и баюкаю, чтобы ты заснула. Ты уткнешься носиком в мое плечо и сладко засопишь, как сейчас, а я закрою тебя от всех невзгод. Что еще осталось? Только самое дурацкое и святое: я люблю тебя...

Тина потянулась, пройдя ладонью сквозь него, и пробормотала:

– Мой ангел... Мой любимый...

* * *

Над столом возвышался Гессе на фоне грозовых облаков:
– Закончил, ангел Тиль?
Он удобнее подхватил Мусика под мышку, чтоб вместе до конца:
– Ей дадут нового ангела? Не бросят?
– Не твоего ума дело. Готов принять вердикт?
– Давно готов. Прямо не терпится узнать, что такое Исключительное Наказание.
Милосердный трибунал восстал торжественно и молчаливо.
– Ангел Тиль! – громогласно, словно в динамик, провозгласил председатель. – Ты пришел незванным. Но уйдешь по заслугам. Ты исчерпал штрафные и совершил великий подвиг, за который полагается награда.
– Стоп! – в отчаянии выпалил Тиль. – Я не хочу! Можно поменять? Можно останусь ангелом у своей овечки?
– Прими Хрустальное небо как великий дар.
– Нет! – закричал Тиль из всех сил. – Не надо!
Но за плечами уже раскрылись новые крылья, отливающие хрустальной чистотой, каждая грань переливалась радугой и алмазным светом.
Какая-то сила подхватила. Ощутил полет, вспыхнул свет, ярче миллиарда солнц, и вдруг шмякнулся обо что-то твердое.
Боль сковала конечности, во рту стало солоно от крови, грудь сдавило, глаза заливала липкая гадость, лицо словно пронзило осколками.
Кое-как разлепил веки.
Позади, на шоссе, полыхал костер мотоцикла. Его отбросило далеко на обочину. Попробовал двигаться, но оказалось, лучше не шевелиться. Нахлынули запахи: пылини, асфальта, горелой кожи и выхлопных газов. Изумительно воняло горелой резиной. Приближался вой полицейских сирен, скрежетали тормоза машин. Крича на разные голоса, метались люди. В бок упирался обломок скалы. Руки и ноги не слушались. Но было хорошо. Было необычайно.
Хрустальное небо – главный приз. Не зря ангелы мечтают о нем.
Теперь он знал.

Дополнительные материалы

Из доклада доктора Рауля Априско на семинаре психиатров

«...некий А-пов, мужчина 25 лет, нормального телосложения без хронических заболеваний, попал в тяжелейшую аварию и был доставлен бригадой «Скорой помощи» для проведения экстренных хирургических мероприятий. В результате полученных ударов у пострадавшего были констатированы травмы височной доли черепа, раздроблено два ребра, переломы ключицы, разрыв мышечной ткани плеча, тяжелые повреждения лица и желудка. Придя в сознание через три дня в реанимации, А-пов заявил, что был ангелом и награжден шансом прожить жизнь второй раз. Ему надо срочно поправиться, чтобы защитить некую девушку, которую, возможно, попытается убить ее мать.

Самочувствие больного быстро улучшалось, но по рекомендации лечащего врача он был направлен в психиатрическую клинику для проведения реабилитации. Находясь в клинике, А-пов отказался проходить медикаментозный курс, уверяя, что действительно был ангелом. В подтверждение чего демонтировал обширные познания в музыке, литературе и языках, включая мертвые и древние. В частности, представил правильное, по его мнению, прочтение древнеегипетских иероглифов, писем майя и расшифровку Фестского диска. После бесед с наблюдающим врачом был сделан вывод о глубоком изменении личности пациента в связи с пережитым шоком. На лечебном совете клиники было принято решение оставить больного для углубленного исследования редкого психиатрического феномена. Однако дальнейшее наблюдение стало невозможным по причине побега А-пов'а из клиники.

В настоящий момент его местонахождение не известно.

Записи, которые вел А-нов в клинике, представляют несомненный интерес для психиатрии. Среди прочих хочу представить его записку об устройстве некоего Срединного неба, в котором...»

Список рекомендованной литературы

1. Аитаненко С. «Где дом твой, ангел?», Киев, Наукова думка, 1987.
2. Аранов Б. «Активизация безбожия: методика разоблачения ангелов и веры в них», М., Политиздат, 1934.
3. Афцов Б. «О сути ангелов», реферат на соискание степени доктора философии. М., 1999.
4. Вечкин О. «Исследование ангелов», Минск, 1971, в рукописи.
5. Игнаций Бребисский «О природе ангелов», пер. с лат. Томского, СПб, 1891.
6. Лев Коюн «К хрустальным небесам», Калуга, Изд-во купца Трифонова, 1903.
7. Мутон Дж. «Параллельная мифология в религиях: ангелы», Vol.1 N-Y.1983
8. Никодим Проватский «О молитве ангельской», Ярославль, 1969.
9. Овельхасский Е. «Структура ангелов», Warszawa, Jagelon, 1979.
10. Овчарова Н. «Возникновение веры в ангелов и ее эволюция в европейской культуре IV – XIX вв.», М., Наука, 1973.
11. Очхарикашвили А. «Функциональные особенности ангельских чинов», Тбилиси, Мицниереба, 1985.
12. Пастухов Л. «Маниакальные комплексы на фоне шизоидных отклонений на почве религиозной декомпенсации», М., Медицина, 1963, огранич. тираж для спец. пользования.
13. Пекорилио де. «Мои разговоры с ангелами», Madrid, lim. edition, 1936.
14. Стаднов П. «Разоблачение мракобесия: простые доказательства несуществования ангелов». Библиотека атеиста, М., 1989.
15. Халялинов А-Т. «Параллельные мотивы ангелов в христианстве и суфизме», Бухара, 1999.
16. Шафиториус «О дьявольской природе наваждений и божественности истинных видений», Vol.2, Paris. Sorbonne. 1645.
17. Шипер Н. «Ангелы: окончательная истина», Hamburg. 1946.